

Министерство образования и науки Республики Таджикистан
Таджикский государственный педагогический университет имени
Садриддина Айни

На правах рукописи

ДЖУРАЕВА МАРДЖОНА САДРИДИНОВНА

**СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ТАДЖИКСКОГО И
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Джаматов Самиддин Салохиддинович

Душанбе – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

	Введение	4
I.	<i>Глава 1. Теоретические предпосылки исследования синтаксической терминологии в лингвистике</i>	14
1.1.	Понятия «термин», «терминосистемы», «терминоведение» и «терминополе» в лингвистике	14
1.2.	Основные задачи терминоведения в современной лингвистике	20
1.3.	Микро- и макроуровни усложнения терминосистемы синтаксиса	24
1.4.	Основные пути и способы зарождения терминологии синтаксиса рассматриваемых языках	30
	Выводы к первой главе	56
II.	<i>Глава 2. Структурный анализ синтаксической терминологии таджикского и английского языков</i>	59
2.1.	Несколько слов об истории пути и способы зарождения терминология синтаксиса исследуемых языках	59
2.2.	Структурный анализ монокомпонентных и поликомпонентных терминов синтаксиса в рассматриваемых языках	64
2.2.1	Морфемная структура терминов, относящихся к «тартиби калима – word order (порядок слов)» в сопоставляемых языках	67
2.2.2.	Морфемная структура терминов, относящихся к «ибора –phrase (словосочетание)» в сравниваемых языках	69
2.2.3	Анализ поликомпонентных терминов, относящихся к словосочетанию по структуре	74
2.2.4.	Морфемная структура терминов, относящихся к «алокаи нахвӣ – syntactic relation (синтаксическая связь)»	76
2.2.5	Морфемная структура терминов, относящихся к «чумла – sentence (предложение)»	79
2.2.6.	Морфемная структура терминов, относящихся к «чумлаҳои – сода (простые предложения)	82
2.2.7.	Структура составных терминов, относящихся к простому предложению	88
2.2.8.	Морфемная структура терминов, относящихся к «аъзоҳои чумла – clause elements (члены предложения) в сопоставляемых языках	89
2.2.9.	Структура составных терминов, относящихся к членам	

предложения	96
2.2.10. Структурный анализ терминов и терминосочетаний, относящихся к «чумлаи мураккаб – multiple sentence» в сравниваемых языках	97
2.2.11. Анализ составных терминов, относящихся к «чумлаи мураккаб – multiple sentence» по составу	101
2.2.12. Структурный анализ составных терминов, относящихся к пунктуации	102
2.2.13. Анализ терминов, относящихся к «матн – text» по структуре	103
Выводы к второй главе	107
III. Глава 3. Лексико-семантическое освещение синтаксической терминологии таджикского и английского языков	109
3.1. Десемантизация синтаксических терминов	109
3.2. Специфика увеличения системно-семантических плотности отношений терминов синтаксиса	115
3.3. Явление полисемия у синтаксической терминологии таджикского и английского языков	116
3.4. Синонимия синтаксических терминов	125
3.5. Явления антонимии у терминологии синтаксиса рассматриваемых языках	135
3.6. Частеречная принадлежность синтаксических терминов	136
3.7. Заимствованные синтаксические термины в исследуемых языках	139
3.7.1. Арабские синтаксические термины в таджикском языке	141
3.7.2. Заимствования русских слов лексическом составе таджикского языка	142
3.7.3. Латинские заимствованные синтаксические термины в английском языке	142
3.7.4. Французские заимствованные синтаксические термины в английском языке	143
Выводы к третьей глав	144
Заключение	146
Список сокращений и условных обозначений	149
Список литературы	150
Приложения	170

ВВЕДЕНИЕ

Научные понятия, как известно, есть форма мышления, отражающая существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений в определенной отрасли знаний. Вследствие отражения быстро меняющейся научной и социокультурной ситуации в настоящее время продолжается формирование терминосистем многих сфер научного знания, особенно междисциплинарных и активно развивающихся, в связи с чем появляется большое количество исследований по терминологии и терминографии. Однако синтаксические термины особо активно расширяются в силу многих причин, среди которых немаловажную роль играет увеличение количества языковедческих дисциплин, направлений, школ, по причине чего число лингвистических понятий и терминов возрастает с большим ускорением.

Данное диссертационное исследование посвящается структурно-семантическому анализу синтаксической терминологии таджикского и английского языков в контрастивном плане.

По различным проблемам грамматики разных языков в настоящее время создаётся большое количество учебников и учебных пособий. Существует немало новых терминов, которые были образованы на основании последних разработок грамматистов. В конечном итоге часто новые термины являются фактически синонимами – просто альтернативами для старых понятий. Наряду с этим, в лингвистике каждая школа имеет свои «метадиалекты», которые формируют метаязык в лингвистики. Следовательно, если это, с одной стороны, приводит к путанице, то, с другой стороны, предоставляет простор для исследований и изучения в области синтаксической терминологии. Так как выработка и упорядочение соответствующей терминологии, являются основными задачами лингвистики и выявляет важнейшие тенденции в терминообразовании.

На современном этапе развития языкознания уже накоплен богатый опыт описания метаязыков разных наук, в том числе и новых

разделов лингвистики. Однако исследователи не уделяли достаточного внимания на такие аспекты терминосистемы, как ее узуальная специфика, прагматика и лингводидактика в сфере сосуществования различных научных метадиалектов.

Современная синтаксическая терминосистема характеризуется рядом специфических черт, которые можно выявить в плане ее семантических связей, продуктивных деривационных процессов, функционирования в разных подсистемах современного таджикского и английского языков. Ответ на вопрос, чем современная синтаксическая терминосистема отличается от терминосистем других наук, требует, прежде всего, выявления, описания и последующего сопоставления с ее основными системно-функциональными параметрами.

Подобно как терминологическая система языка в целом, как и лексическая система, является раскрытой для появления новых приметов, предполагается постоянная и обязательная работа по ее упорядочению. Лингвисты, ученые и терминологи перестанут понимать друг друга, если не будут осознанно заниматься исследованием терминов. Любая форма науки независимо от её отнесенности к той или иной области оказывается абсолютно не равнодушной к содержанию и сути самой науки в целом.

Составление различных отраслевых словарей, пути их создания которых разрабатываются в отдельном разделе лексикокологии, именуемом терминографией считается одним из важнейших способов изучения и исследования терминологии в современном мире. Проблематике описательного терминоведения, построения и составления словарей синтаксической терминологии посвящены труды многих зарубежных и отечественных языковедов. Тем не менее, несмотря на наличие античных и современных образцов глоссарев и словарей, принципы их построения до тех пор остаются дискуссионными.

Известно, что любой термин той или иной области науки понимается как единица языка наряду со словом, и благодаря этому отношения между терминами определяются через план содержания, т.е. через понятие, и что главным типом понятийных отношений терминов и терминосочетаний является родовидовой. Основываясь на том факте, что современная лингвистика обладает семантической направленностью, то следует отталкиваться от плана содержания при изучении и исследовании терминов.

Актуальность темы. Исследование и сопоставление терминов и терминосочетаний, относящихся к самостоятельному разделу языкознания – синтаксису, и расположенны друг от друга в той или иной степени отдаленности, составляет актуальность данной диссертационной работы. Терминология синтаксиса систематизируется путем установления отношений между терминами на основе структурно-семантического описания, что предоставляет возможность в кратком виде полно и адекватно воспринять анализируемый предмета исследования.

Современная синтаксическая терминосистема характеризуется рядом специфических черт, которые можно выявить в плане ее семантических связей, продуктивных деривационных процессов, функционирования в разных подсистемах современного таджикского и английского языков. Ответ на вопрос, чем современная синтаксическая терминосистема отличается от терминосистем других наук, требует, прежде всего, выявления, описания и последующего сопоставления ее основных системно-функциональных параметров.

Развитие синтаксической терминологии таджикского и английского языков и их использования в профессиональной речи создает условия для ее систематизации и регламентирования с учетом традиций и новейших достижений в науке о языке. Однако до настоящего времени в теории языка не существует универсальной общепринятой научной классификации и полиаспектного системного

параметрирования таджикских и английских терминов, не исследованы в полном объёме их деривационно-когнитивные особенности; также тщательного изучения требует понятийно - семантическая организация и тематическая дифференциация таджикского и английского синтаксического терминоп пространства в целом.

За последнее столетие и особенно активно – последние десятилетия – термины, в том числе синтаксические единицы и понятия метаязыка все чаще вплетаются в ткань художественного повествования характеристикой языка, стиля, менталитета, как персонажей, так и автора текста, где употребление указанных единиц репрезентирует языковую личность словесника как вторичное представление метаязыка лингвистики.

Степень разработанности проблемы научного исследования. В настоящее время проблема изучения и исследования терминов той или иной отрасли в сопоставительном плане является одним из наиболее концентрирующих вопросов компаративной лингвистики, и в частности таджикского и английского языков.

На разработку принципов очерчивания терминологий разных отраслей огромное влияние оказали работы общетеоретического характера таких выдающихся учёных, лингвистов и терминоведов, как Г. О. Винокур [1939], А. А. Реформатский [1961, 1968, 1986], Д. С. Лотте [1961, 1968], В. П. Даниленко [1971, 1977], Б. Н. Головин [1987], Т. Л. Канделаки [1977], А. С. Герд [1981, 1981, 1991], Немченко [1984], Р. Ю. Кобрин [1987], В. М. Лейчик [1989, 1992, 2000, 2006], В. Н. З. И. Комаровой [1990, 1991, 2008], В. Н. Прохорова [1996], А. В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева [2003], В.Д. Табанакова [1999], и др.

Относительно частной проблемой терминологии таджикского языка, как в теоретическом, так и в прикладном аспекте представлены в исследованиях М. Касымовой [1983], Д. Саймидиннова [2003], М. Рустамова [1972], Т. Бердиевой [1978], Н. Шаропова [1978], Д. Ходжаева [1998; 2004; 2006; 2013], С. Назарзода [1991; 2004], М. Султона [1999;

2008], Т. К. Джураева [2010] и др. То же самое касается исследований системы терминологии в английском языке в трудах К. Р.Ю. Кобринна [1970], Н. Б. Гвишиани [1986], А. Гринштейна [1988], Л. Н. Никулиной [1990], И. Б. Чемериса [1999], Г. Петросянц [2004], О. С. Ахмановой [2005], Я. Авербуха [2006], Н. В. Бугорской [2009], Л. А. Манерко [2009], Э.А. Сорокиной [2009], К. А. Мяшкина [2009], С L. Cabre [1999], R. Kocourek [1968], F.W. Riggs [1979], G. Rondeau [1980].

Следует отметить, что в настоящее время терминологии таджикского и английского языков имеется небольшое число исследований, которые специально посвящены формированию и развитию синтаксических терминов, как отдельно, так и в сравнительном аспекте. В таджикском языке имеется единственное диссертационное исследование М. Рустамова «Таджикская грамматическая терминология» [Душанбе, 1972]; в английском языке уже существует несколько работ, среди них можно называть диссертации таких авторов, как И. Б. Чемерис «Английская лингвистическая терминология становление и эволюция» [Москва, 1999]; Э. Г. Петросянц «Лингвистическое терминополье: структура, семантика, деривация (на материале английского языка)» [Пятигорск, 2004]; Н. В. Бугорская «Методологические проблемы описания лингвистической терминологии» [Барнаул, 2009]; Л. Н. Никулина «Типология моноксемных терминов (на материале английской лингвистической терминологии)» [Москва, 1990].

Следует отметить, что таджикское языкознание в последнее время обогатилось докторской диссертацией написанной в сопоставительном плане С. С. Джаматова «Становление и развитие лингвистической терминологии таджикского и английского языков» [Душанбе, 2016].

В ней автор проводит комплексный (исторический, лексико-семантический и структурно-грамматический, сопоставительный) анализ лингвистических терминов таджикского и английского языков. Все лингвистические термины он разделяет в соответствии от их

принадлежности к тому или иному разделу языкознания: фонетике, морфологии и синтаксису. Данная работа является первым опытом исследования лингвистических терминов в таджикском и английском языкознании написанной в сопоставительном плане.

Цель исследования заключается в структурно-грамматическом и лексико-семантическом анализе синтаксической терминологии таджикского и английского языков.

Для достижения этой цели в работе были поставлены следующие задачи:

- дать толкование понятий «термин», «терминосистема», «терминоведение» и «терминополе» с точки зрения их лексикографического анализа;
- установить знаковую натуру термина;
- разграничить понятия «терминология» и «метаязык»;
- определить парадигматические и синтагматические отношения терминов синтаксиса;
- реализовать отбор определений для входящих в словарь синтаксических терминов;
- раскрыть основные пути и способы образования терминов и терминосочетаний, свойственные каждому из выявленных периодов формирования и развития таджикской и английской синтаксической терминологии;
- провести структурно-грамматический анализ синтаксической терминологии сопоставляемых языков;
- выявить структурно-грамматические и лексико-семантические особенности синтаксической терминологии таджикского и английского языков.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые исследуются синтаксические термины разноструктурных языков методом сопоставления, проведено комплексное изучение и исследование в научный обиход лексико-семантического и структурно-

грамматического анализа синтаксических терминов в сопоставляемых языках в контрастивном плане; очерчены национально-культурные особенности и терминологические универсалии их формирования в рассматриваемых языках, введен в научный обиход новый фактический материал, имеющий отношение к синтаксической терминологии.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что ее результаты могут содействовать дальнейшему формированию развитию семиотической теории в терминоведении, определению совокупности семантических связей, объединяющих термины и терминосочетания между собой в единую терминосистему.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что сформулированные по результатам исследования выводы могут быть применены в научной разработке терминологии различных отраслей, а также при построении сравнительного терминоведения как автономного раздела лексикологии. Фактологический материал может быть полезен при создании двуязычных и многоязычных терминологических словарей, а также при чтении спецсеминаров и спецкурсов по лексикологии, лексикографии, терминологии и сравнительной типологии на факультетах иностранных языков.

Методология и методы исследования. Методологической базой послужили труды в области терминологической лексикографии [Караулов 1976, 1981, 1982; Даниленко 1977, 1981; Морковкин 1970, Никитина 1987, 1988; Апресян, 1999; Гринев 1993 и др.], теории синтаксиса различных языков [Костюшкина 1996, 2003, 2005, 2006; Блох 1983, 2000; Валгина 2000, 2003; Гак 1999; Кобрина 2002; Ковалева 2006; Баранов 2001, 2002, 2006; Chalker 1998; Quirk 2007; Crystal 1995 и др.] являются методологической базой исследования.

Метод сопоставительного структурно-семантического анализа с применением элементов синхронно-диахронического и этимологического метода положен в основу исследования. Анализ и рассмотрение учебной и лингвистической литературы, а также метод

разбора лексикографических определений, методы статистического высчитывания и контекстуального анализа применялся в качестве главного метода при разработке проблемы.

Традиционные методы также нашли свое место в диссертации: этимологический, описательный, формальный, комплексный, трансформационный, методика количественной обработки и компонентного анализа исследуемого материала.

Материал исследования. Карточка в объеме свыше 2000 слов, извлеченных из таджикских, персидских, русских и английских глоссарев и словарей, терминологических и общелингвистических двуязычных и многоязычных словарей, научных публикаций на таджикском, английском и русском языках, а также справочной литературы по лингвистике послужила основным источником при написании диссертации. К ним можно отнести следующее: L.R. Trask «A Dictionary of Grammatical Terms in Linguistics»; D. Crystal «The Cambridge Encyclopedia of Language»; R. Quirk «A Comprehensive Grammar of the English Language»; C.L. Baker «English Syntax», S. Chalker «Oxford Dictionary of English Grammar»; «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой «Словарь американской лингвистической терминологии» Э. Хэмпса, «Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике» А.Н. Баранова и Д.О.; «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией Н.В. Ярцевой, Добровольского; ««Краткий словарь лингвистических терминов» В.П. Даниленко, Н.А. Свердловой и А.А. Федосеева; Словарь-справочник лингвистических терминов» Д.М. Розенталя и М.А. Теленковой; «Синтаксис английского языка» А.И. Смирницкого; «Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис» Н.А. Кобриной; «Словарь лингвистических терминов (англо-русско-таджикский)» С.С. Джаматова; «Теоретическая грамматика английского языка» М.Я. Блоха и др.).

Положения, выносимые на защиту.

1. Словарная статья лингвистического словаря представляет собой элемент гипертекста, под которым понимается система информационных объектов (статей), объединенных между собой направленными связями, образующими сеть, что позволяет читать материал в любом порядке.

2. Макротерминосистема таджикского и английского синтаксиса представляет собой строго структурированное терминологическое пространство, существующее в виде взаимодействующих и взаимовлияющих друг на друга микротерминосистем, организовывающих ядро, центр и периферию макротерминосистем. Базовую основу таджикской и английской синтаксической макротерминосистемы составляют языковые единицы, для которых функционально-семантическая специализированность свойственна в наименьшей степени, в результате чего они обслуживают максимальное число областей лингвистики.

3. Усложнение морфолого-синтаксической структуры таджикских и английских синтаксических терминов коррелируются уровнем развития фонетики, морфологии и синтаксиса как науки, и отражает варьирующую необходимость в номинации научных предметов в различные исторические эпохи.

4. Таджикские и английские синтаксические термины с точки зрения происхождения представляют собой лексемы с неисконными, большей частью арабскими и русскими (для таджикского языка), греко-латинскими (для обоих языков) и французскими (для английского языка) основами, количество которых постоянно увеличивалось в процессе становления и развития лингвистики как науки. Интернационализация таджикской и английской синтаксической терминологии носит перманентный характер и сопровождается неуклонным снижением части лексем исконного генезиса в терминологическом массиве таджикской и английской лингвистики.

5. Таджикские и английские синтаксические термины в плане содержания являются преимущественно моносемантами. Полисемантность в таджикской и английской синтаксических макротерминосистемах выражена в минимальной степени и характерна для поздней стадии их развития.

6. Таджикские и английские синтаксические макротерминосистемы перенасыщены термино-дублетами, которые в целях гармонизации и унификации терминологического массива могут быть отчислены из инвентаря словарных средств, обслуживающих потребности языкознания. Число синтаксических термино-дублетов в разные исторические эпохи может считаться релевантной приметой диахронического свойства, характеризующей уровень формирования данной области науки.

Апробация работы. Материалы и основные положения диссертационного исследования были доложены на республиканских и международных научно-теоретических конференциях молодых ученых (2011-2018 г.), а также отражены в 15 статьях, 3 – из них опубликованных в научных изданиях ВАК Российской Федерации.

Объем и структура диссертации. По структуре диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных литератур и приложений.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Понятия «термин», «терминосистемы», «терминоведение» и «терминополь» в лингвистике

Методология современной науки характеризуется тщательным вниманием к форме и сущности такого явления, как структура научного познания и знания в общей сложности. Структурность любого языка мира не вызывает никакого сомнения, как и изучение и исследование языковой системы, поскольку его структурное формирование является приоритетным направлением языкознания конца XX и начала XXI столетия. Учение о системности терминологии в лингвистике впервые было заложено выдающим терминологом Д.С. Лотте, и т.к. данный вопрос не является дискуссионными, но он был достаточно полно исследован в значительном числе научных работ зарубежными и отечественным лингвистами (Лотте, 1961; Даниленко, 1977; Канделаки, 1977; Головин, Лейчик, 1986; Кобрина, 1989 и др.).

Следует отметить, что система научной терминологии всегда очевиден: в системе данной терминологии именно термин может быть установлен и понятен. Термин является неотделимым элементом системы, если под системой понимается совокупность элементов единого, между которыми имеются устойчивые и обязательные отношения. Его структуру предопределяет сама совокупность отношений внутри такого единого. Однородность знакового состава системы обозначений заключается в следующем: все термины – знаки-номинанты, что возможно исключить типологические субординации, в свою очередь, значение и понятие в структуре термина и терминосочетания, которая обеспечивается функциональной структурой содержания терминосистемы.

Проблема дефиниции понятия «термин» постоянно поднимается так как он выглядывает как существенной элемент приспособления

трансляции и скапливания особого знания при изучении каждой отраслевой терминологии. И прежде чем более детально проанализировать представленное приспособление, необходимо обратить внимание на явление термина. В целом, понятие «термин» относительно разносторонно и требует специального рассмотрения, по меньшей мере, уже в силу существования огромного количества стремлений предоставить дефиницию термина.

Несмотря на многочисленные труды по терминологии русских лингвистов таких как [Винокур 1939; Лотте 1961; Реформатский 1959; Даниленко 1977; Канделаки 1970; Лейчик 1989, Головин 1987; Гринев 1993; Татаринев 1995; Володина 1997, 2000; Шелов 2001; Алексеева 1998; Фельде 2001; Васильева, Суперанская, Подольская 2003 и др.], зарубежных языковедов [Felber 1984; Sager 1990; Rey 1995 и др.], и таджикских исследователей [Рустамов 1972; Гаффоров 1988; Шукуров 1990; Касимова 1988; Саймиддинов 1999, 2003; М. Султон 1999, 2008; Нуров 2000, 2017; Назарзода 2004; Хоркашев 2012; Джаматов 2006, 2015; Саидов 2007, 2013, проблема состояние термина, его свойств и сущности до настоящего времени вызывает дискуссии.

Следует отметить, что традиционно в теории терминоведения выделяются два важнейших подхода к вопросу сущности термина в теории терминоведении. В школе Д.С. Лотте (1961), представители первого направления, которые базировались на принципах терминологической дифференциации выдвигают положения о специфичности или характерности, отъемлимости всякого термина и терминосочетаний по отношению к нетерминологической лексике и нетерминологическим словам. Следующие дефиниции могут служить примерами такого подхода: «термин – это точное выражения специальных понятий и обозначения особых предметов создаваемое для специального языка» [27,75; 236, 65; 71, 35; 132,87;]. Однако, Толикина отмечает что: «термин – это специальное слово в лексическом составе языка» [252, 59].

По мнению Коршунова: «Представители другого направления рассматривают понятие термина как функциональные особенности языка. (Авербух 1986; Будагов 1965; Пиотровский, Рахубо, Хажинская 1981; Ступин 2000; Прохорова 1996; и др.) Согласно их дефинициям: «термин выступает как функциональная единица, являющейся в качестве слова или словосочетания» [87, 11]; «дополнительной функции терминов – это обычные лексемы» [90, 13]; «термин – выполняет особую функцию на том основании, что любое слово может быть использовано в функции термина; термины – это не специальные слова, а только слова имеющие особую функцию» [47, 36; 31, 5].

Разночтения в понятии термин и терминологию заключаются в том, что терминоведы, анализируя конкретные терминологии, формулируют приметы термина или терминосочетаний и требования к ним в тотальном свойстве, не очень велико учитывая значительные отличия между терминами разных ветвей знания, что любое такое направление объясняется специальными созданиями термина в терминологии и семиотико-семантических характеристик формирующихся в группе терминов и терминосочетаний.

Современная информационно-семиотическая теория в последнее время вносит значимый вклад в дефиниции природы термина (Никитина 1987, 1996; Почепцов, Билан, Боркун 1985; Арзикулов 1980); где главным требованием включения той или другой словарной единицы в разряд терминов считается отношение обозначаемого этой системы в отдельный «класс», которая, в некоторой степени считается системной особых понятий языка в целом.

Термином могут стать слово или словосочетание языка, при котором их значения включаются внятны описания систем понятий, имеющие отношение к установленной систематизированной предметной области, которая, в свою очередь, отражает установленный участок объективной реальности. И представленный подход является приемлемым только для данного изучения, так как наиболее значительным аспектом для

понимания терминологии считается исследование семантики термина в терминографии. Это свидетельствует о том, что в плане выражения, терминологические знаки ничем не различаются от других типов слов они, акцентологически, структурно-грамматически и фонетически были приняты по законам данного языка. Следует отметить, что в плане содержания необходима искать своеобразия в термине.

Таким образом, из указанной дефиниции, определение «термин», глубоко охарактеризуется к выводам, что перед тем как анализировать такие значимые для термина критерии как семантические, следует определить наше понимание к знаковой природе термина.

В языкознание под термином понимается: «слово или словосочетание особого направления как технического, научного и т.п. в языке, создаваемое заимствованные, принимаемое и т.п. для точного объяснения специальных обозначений и понятий важных предметов» [1, 44;] По мнению Капанадзе термины классифицируются по трем типом, например: «по назначению (специальные термины и т.д.); по строению (составляющие термина); по терминополь (лингвистические термины, научно-технические термины); по номенклатурам» [71, 34;].

При создании специализированных словарей и глоссарей знаки терминов такие, как дифференциальные, интегральные и конститутивные изучаются и анализируются многими лингвистами и учеными, которые придерживаются нормы их употребления от нетерминологических образований. Выдающийся русский лингвист и учёный Г.О.Винокур – впервые выделил эти признаки: «в термине выделяется свойство обозначить понятия специализированность значений, правильность и стилистическую нейтральность» [28, 55;]. Толкования термина позже была поддержана другими учеными и лингвистами, и во второй половине прошлого столетия приобрела системный методологический фундамент в работах С. Лотте (1970), В.В.Виноградова (1954, 1982), Л.А.Капанадзе (1965), А.А.Реформатского (1968), В.П.Даниленко (1977), А.И.Моисеева (1997) и других.

Следует отметить, что термины обычно классифицируются и систематизируются по четырем признакам: «по семантике; по грамматической структуре; по сфере обслуживания подъязыка, которому принадлежит термин; по функции или по роли занятия человека» [47, 88;].

Традиционным объектом лингвистических исследований, прежде всего, являются терминоведение, терминополь и номенклатура, терминосистемы. Среди указанных объектов терминополь считается более активным и продуктивным способом образования совокупности терминов той или иной области. Терминополь – это: «отрасль бытия термина, внутри которой он располагает всеми характеризующими его знаками, сфера, искусственно описанная и преднамеренно сберегаемая от инородных проникновений» [22, 67;]. Самым существенным знаком, отличающим термины-слова от обычных слов, является их отнесенность к определенному полю.

Как отмечалось выше, Д. С. Лотте (1931) является основоположником школы терминоведения. Это же можно с полным правом отнести и к последователям этой теории Г.О.Винокуру (1939), Э.К.Дрезену (1934) и А.А.Реформатскому (1986). Важнейшими направлениями в исследовании теории терминологии становятся: «специфические особенности семантики термина (Толикина 1970, Лейчик 1986, 2000, Ахманова 1990, Табанакова 1998, Карпович 1978, Кобрин 1991, Хижняк 1998), статус термина (Реформатский 1986, Кузькин 1962, Головин 1981, Капанадзе 1965, и др.), взаимосвязь номенклатурных термина и единиц в синхронном и диахронном аспектах (Моисеев 1987, Герд 1991), проблемы толкования и перевода слов и терминов (Довбыш 2003, Оганесян 2003, Сахневич 1998)» [87,78].

Следует указать, что не всегда статус термина приобретают то или иное слово или словосочетание. Они его получают тогда, когда их лексико находится в системе, представляющей собой образованную совокупность специальных отношений и понятий. Эту систему называют

терминопolem в лингвистике. Понятие терминопole в энциклопедическом словаре «Общее терминоведение» определяется следующим образом: «Как унифицированная по системному основанию многоуровневая классификационная структура, объединяющая термины сферы однородной профессиональной деятельности и покрывающая без пробелов эту сферу профессионального опыта и знаний» [220, 275]. Мнение о том, что термину заменяет поле контекст, ранее сформулировал основоположник метода терминопoleй выдающийся лингвист А. А. Реформатский [116, 103]. Авторы словаря «Общее терминоведение» полагают эту позицию и отмечают следующее: «Положение лексической единицы в общей полевой иерархии высвечивает ее значение и что поле предоставляет точные ориентиры структуры общей системы связей. Тем самым значение терминов зависит от соположенности всех терминов, их соотнесенности между собой на основе реального смыслового содержания объектов» [220, 278].

По мнению Р. Ю. Кобрина понятие терминопole определяется следующим образом: «Как систему научно-технических специальных понятий, которой в плане выражения соответствует терминология (совокупность взаимообусловленных лексических единиц)» [39, 39]. Однако выдающийся терминовед и лингвист В. М. Лейчик относительно функции терминопole предлагает следующее: «Функционирование терминопole представляет собой одним из дискуссионных вопросов терминоведения, поскольку понятие терминопole совпадает с понятием терминосистема» [86, 200].

С одной стороны, одни ученые и лингвисты устанавливают понятие «терминопole» как план содержания терминологии, а с другой стороны, другие утверждают, что терминопole является план содержания терминосистемы, и это точка зрения подтверждает отсутствие общеустановленного и абсолютного определения терминосистемы, однозначно различающего ее от терминологии в целом.

1.2. Основные задачи терминоведения в современной лингвистике

В современных условиях упорядочение особой лексики и ее правильное очерчивание в специальных словарях и глоссариях разных видов имеет большое значение для эффективного развития науки и результативного взаимопонимания терминологов и специалистов. Последняя декада XX и начало XXI столетия можно характеризовать как период интенсивно развивающегося прогресса науки. Устойчивое формирование человеческого знания ставит перед языком задачу обеспечивать все стороны деятельности и жизни человека новейшими названиями. Относительно появления новых терминов и терминосочетаний, русский лингвист С. В. Гринев отмечает следующее: «Результатом информационного взрыва стал терминологический взрыв – значительный рост числа новых терминов, а также возникновение новых терминологий, сопровождающее появление новых отраслей знания» [45, 9]. Головин Б.Н. и Р.Ю. Кобрин в своей книге «Лингвистические основы учения о терминах» предлагают следующее высказывание: «В свою очередь, предопределило бурное развитие такой лингвистической деятельности, как терминологическая лексикография или терминография, имеющая непосредственное отношение к терминоведению, которое исследует понятию-терминологическую систему различных отраслей знания с точки зрения языковых способов выражения понятий, логико-лингвистической организации систем понятий и терминов» [39, 9].

Само понятие «терминоведение» сравнительно молодое. По нашему мнению, лингвисты, ученые и терминологи использовали понятие терминология долгое время, обозначающее три различных определения как: «наука, изучающая термины; система терминов определенной области знания и вся совокупность терминов и терминосочетаний языка» [87, 178]. Несмотря на огромное количество трудов относительно понятие «терминам» со стороны, таких учёных как Д.С. Лотте, В. Даниленко, Б.Н. Головина, В.М. Лейчика, С. В. Гринева и

др., в научный обиход введен термин «терминоведение», под которым понимается предмет, сформировавшийся на стыке языкознания, семиотики и логики, объектом исследования и изучения которых являются термины, терминосочетаний, терминополье, терминосистемы и терминографии.

Мы считаем необходимым сказать несколько слов об английском эквиваленте термина «terminology – истилохот (терминология)», которые в трудах лингвистов последних десятилетий употребляются в трех разных значениях, неговоря о том, что существует эквивалент таджикского термина «истилохгузинӣ – terminology science (терминоведение) в английском языке.

Следует указать, что термин «terminology истилохот (терминология)» применяется в нескольких значениях в английской лингвистике. В своем труде Сагер (Sager 1990) представляет следующие определения указанного понятия: «terminology is the vocabulary of a special subject field (истилохот ин таркиби луғавии предмети муайяни соҳа аст)» [234, 56]. Подобную интерпретацию относительно данного понятия предлагает Международная Организация по Стандартизации: «Истилохот ин маҷмӯи истилоҳҳост, ки низоми мафҳумҳои муайяни соҳаи махсуси фаннеро муаррифӣ мекунад (Terminology is the set of terms representing the system of concepts of a particular subject field)» [258, 1087].

Следовательно, до сих пор наблюдается отсутствие изоморфизма терминологических корреспонденций в таджикском и английском языках. Для разграничения очерченных выше понятий и во избежание неоднозначности соображения мы в настоящей работе используем термины «истилохот – (терминология)», «истилоҳкалима (терминолексика)» и «истилохгузинӣ ё истилоҳшиносӣ (терминоведение)».

Терминоведение охватывает два раздела – прикладное и теоретическое, как и лингвистика в целом. Относительно прикладного

раздела, стоит отметить, что следующие направления практической деятельности развивается со стороны современной терминоведческой школы: унификация терминосистем и терминов, охватывающая в себя три вида – упорядочение, гармонизацию и стандартизацию терминов, словарная терминологическая деятельность; терминологическое редактирование (работа редактора над терминами и терминосочетаний); перевод и толкования терминов и терминосочетаний в пределах перевода технических, специальных и научных текстов; методическо-организационная деятельность терминологических центров и органов на различных уровнях – от отраслевого до интернационального; построение терминологических банков данных (ТБД). Однако теоретическое терминоведение охватывает в себя рассмотрение терминосистем и терминов, закономерностей их функционирования и построения.

Дискуссия среди ученых, лингвистов и терминоведов, связанная с вопросом стандартизации и унификации языка, насчитывает многолетнюю историю и полна спектром позиций вероятности унификации лингвотерминологии, нередко абсолютно противоположных.

На начальной стадии становления и развития лингвистики как самостоятельной науки в части формирования ее терминологического аппарата доминировал прескриптивный подход, в пределах которого, как тогда выглядело, что простые понятия и их лексико-терминологические эквиваленты были разработаны еще во времена древности, тем более можно соединить употребляемую терминологию с универсальным комплектом понятий по принципу «один к одному».

Тенденция к выбору в качестве не отдельного термина главного объекта терминоведения, а терминологии, потому что функционирования и особенности свойств термина определяются в большей степени терминологией, активизируется последнее время, в состав которых входит сам термин.

Более потенциальную модель, в которой отображаются синтаксические термины, ее самая значительная часть, представляют словари и глоссарий синтаксической терминология, которыми занимается отдельная часть лексикографии под наименованием терминография. Понятие «лугатнигорй – *lexicography* (лексикография)» имеет греческого генезиса, *lexikos* – относящийся к «калима, вожа (слову, словарный) и *grapho* — менависам (пишу). Следовательно, данный термин обозначает: «пишу слова» или «пишу словари». Лексикография – это практика и теория создания словарей, прежде всего, лингвистических, в отличие от энциклопедических, неязыковых в современном значении.

Тем не менее, относительно понятия «лексикография» существует и другая точка зрения. По мнению О. Коршунова, лексикография как часть лексикология имеет следующее дефиниции: «Это не просто практическая деятельность по созданию словарей и даже не искусство, не просто техника, а автономная научная дисциплина, обладающая своим местом в ряду других наук о языке, свой объект исследования (словари различных типов), свои методологические и научные принципы, свою личную теоретическую и практическую проблему» [81, 190].

Представить, что по сравнению с лексикологией, лексикография является искусством, позволяет выявить субъективное осознание предмета и задач лексикографии, методов и приемов ее исследования и изучения, индивидуальном решений её проблем. Навряд ли будет объективен и научно эффективен такой подход.

Если считать, что лексикография как наука является просто техникой создания словарей и глоссарей, некий тип сугубо практической деятельности, то тогда стоит передать иным наукам (семантике, этимологии, стилистике, лексикологии и т. п.) решение всех практических и теоретических проблем, а лексикография независимо от других разделов должна применять лишь отдельные решения

вышеназванных наук. Навряд ли эффективно будет это, так как иные науки о языке ознакомлены с позиции дел в проблемах лексикографии недостаточно хорошо и, таким образом, стараются находить решение вопросов лексикографии лишь со своих точки зрения.

Следовательно, положение о том, что лексикография есть наука, является более корректным и продуктивным. Из этого следует, что лексикография как самостоятельная наука располагает своим собственным объектом исследования и изучения, свои особые методы исследования, свою структуру, свое место в ряду иных языковедческих предметов. Терминография вправе приобрести подобную позицию соответствующим образом, в отличие от других наук.

1.3. Микро - и макроуровни усложнения терминосистемы синтаксиса

Выдающиеся терминоведы и лингвисты, такие как Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин в своём учебном пособии относительно усложнения терминосистемы предлагают следующее: «Когнитивные оппозиции в лексических подсистемах на современном этапе развития языка формируются главным образом за счет ресурсов самой подсистемы, т.е. носят объективный и потому прогнозируемый характер» [39, 2].

По нашему мнению, важнейшим свойством многоуровневых систем является разнообразие терминов того или иного отрасля, которые охарактеризуются разными уровнями трудностями их использования в обществе. Основные виды разнообразия и динамических процессов терминов и терминосочетаний исследуемых языков позволяет выявить анализ единиц и их микросистем на логическом и логико-грамматическом уровне:

1) **замена одних терминов и терминосочетаний другими:** терминосочетание: «*иншои мураккаб – complex composition (сложное сочинение)*» (логический подход, М.В. Ломоносов) заменяется терминами: «*нутқи мураккаб – complex speech (сложная речь)*» (логический подход, Н. Курганов) и «*чумлаи мураккаб – composite sentence (сложное предложение)*» (логико-грамматический и логический

подходы, А.Х. Востоков, А.А. Барсов, Ф.И. Буслаев, И.И. Греч, И.И. Давыдов и другие лингвисты); термин «*пайвастикунни калимаҳо – word coordination (сочинение слов)*» (логический подход, М.В. Ломоносов) заменяется терминосочетаниями «*пайвастишави калима ва нутқ – coordination of word and speech (сочинение слов и речей)*» (логический подход, Н. Курганов) и «*ибора – phrase (словосочинение)*» (логико-грамматический подход, А.Х. Востоков, А.А. Барсов);

2) уточнение и выявление термин и терминосочетаний:

а) **уточнение по форме и значению:** термину *мувофиқат – accordance (согласие)* (логико-грамматический подход, А.А. Барсов) соответствует термин: *мувофиқат – coordination (согласование)* (логико-грамматический подход, А.Х. Востоков); термину: «*алоқа – bond, relation, connection (связь)*» (логический подход, И.И. Давыдов) соответствует термин «*бандак, анҷома – ending (связка)*» (логико-грамматический подход, Н.И. Греч);

б) **уточнение и выявление по форме и семантике:** к терминосочетаниям *калимаҳои муайянкунанда – attributive words (слова определительные)*, *калимаҳои иловагӣ – additional words (слова дополнительные)* (логико-грамматический подход, А.Х. Востоков) соответствуют термины *attribute – муайянкунанда (определения)*, *object – пуркунанда (дополнения)* (логико-грамматический подход, Н.И. Греч); термину *калимаҳои иловагӣ – additional words (дополнительные слова)* (логический подход, И.И. Давыдов) соответствуют термины *калимаҳои мураккаб – compound words (сложные слова)*, *қисмҳои калимаҳои мураккаб – parts of compound words (части сложных слов)* (морфолого-грамматический подход).

3) **дезактуализация терминов:** большинство терминов и терминосочетаний в силу неясности выражения (логические термины и терминосочетания: «*исми феъл – verb noun (глагол существительный)*», «*шаклҳои ҷумлаҳои ихтисоршуда (формы сокращенного предложения)*» (исм – *the noun (имя существительное)*, *сифат – the adjective (имя прилагательное* и т.д.) [51, 160]; «*ҷумлаи пайрави ихтисоршуда – abbreviated*

subordinate clause (придаточное предложение сокращенное); *чумлаи фасех* – *figurative sentence* (именно образное предложение) и понятий нетерминологического характера;

4) создание новых термин и терминосочетаний: термин *чумлаи мураккаб* – *composite sentence* (сложное предложение) (логико-грамматический подход, А.А. Барсов); термин *чумла* – *sentence* (предложение) (логико-грамматический подход, Н.И. Греч); *чумлаи пайрав* – *subordinate clause* (придаточное предложение) (логический подход, И.И. Давыдов).

Устранения уже существующих терминов можно сопоставить с появлением неологизмов в лексике и переходом слов в разряд устаревших в процесс создания новых терминоединиц. Большинство появляющиеся термины и терминосочетаний продолжают активно функционировать на последующих уровнях развития системы языка» (сравните следующие терминоединицы: «*бандак, анчома – ending* (связка), *наҳв – syntax* (синтаксис), *чумлаҳои мураккаб – composite sentences* (сложные предложения), *баёния – apposition* (приложение)» [26, 90] и др. При переходе системы на новый качественный этап остальные термины теряют актуальность и существуют только в пределах одного уровня, сравниваем следующие терминосочетаний: *сарчумла – main clause*, *чумлаи пайрав – subordibate clause*, *мувофиқат - accord*, *пайвастшавии чумлаҳо – connection of clauses* и другие);

5) в микрогруппах перегруппировка терминоединиц (осуществляется в рамках выявления по форму и семантику, созданием новых терминов и терминосочетаний и отстранением лишних терминединиц): терминосочетание *сараъзоҳои чумла – principal parts of the sentemces*: *мубтадо – subject*, *хабар – predicate*, *алоқа – bond* (логический подход, И.И. Давыдов) соответствуют терминосочетание *сараъзоҳои чумла – principal parts of the sentence*, Лингвистические основы учения о терминах (логико-грамматический подход, А.А. Барсов).

Терминам *пайвастиавӣ* – *connection* (сочинение): *пайвастиави сода* – *simple connection* (простое сочинение), *пайвастиави мураккаб* – *compound connection* (логический подход, М.В. Ломоносов) соответствуют термины *ҷумла* – *sentence*: *намудҳои ҷумла* – *type of sentences*: *ҷумлаи ҳикоягӣ* – *declarative sentence*, *ҷумлаи тасдиқӣ* – *affirmative sentence*, *ҷумлаи инкорӣ* – *negative sentence*; *ҷумлаи сода* – *simple sentence*, *ҷумлаи мураккаб* – *composite sentence* и др. (логический подход, И.И. Давыдов).

Макротерминосистема синтаксической терминологии выходит из состояния сравнительной устойчивости, развиваясь вследствие чего отмечаются значительные количественные и качественные модификации ее форм и структур.

В процессе исследования установлено, что удаляющаяся от равновесия система доходит до критической точки в естественных науках и, преодолев ее, получает структурно-дифференцированное состояние. При переходе от логико-грамматического подхода к психологическому, подобный перелом наблюдается в синтаксической терминосистеме. Естественно, что колебания структурных образований происходят после прохождения системой перехода, обусловленные множественностью уровней свободы, т.е. система колебается и устанавливается путем избрания одного из нескольких путей и способы эволюции в целом. Если понимать под нелинейностью: «многокомпонентность системы при различии свойств компонентов, то какой режим соответствует нелинейному характеру системы» [18, 67]. Лишь на основе конкурентных отношений функционируют синтаксические термины и терминосочетаний, где наиболее совершенные формы побеждают вследствие отбора.

На начальном этапе классификации синтаксических терминов было выделено десять сходных формирований, однако в макросистему синтаксиса сюда не включены структурный уровень, потому что он не обладает автономного статуса в таджикской и английской синтаксической науке и представлен, прежде всего, в рамках других

уровней в виде методологической базы, которые можно разделить на два типа условно: «1) смешанные типы: а) морфолого-грамматический уровень; б) логико-семантический уровень; в) формально-грамматический уровень; г) логико-грамматический уровень; д) историко-психологический уровень; е) функционально-стилистический уровень; 2) чистые типы: а) исторический уровень; б) коммуникативный уровень; в) логический уровень; г) психологический уровень [17, 123].

На основании «чистых» появляется большинство уровней «смешанного» типа, причем «чистые» типы действуют на стадии становления и развития терминосистемы синтаксиса и практически не присущи сформированному ее статусу. Сходное явление абсолютно закономерно, возможно подвергнуть рассмотрению как один из типов разнообразия структурных формирований макросистемы синтаксиса и охарактеризует направление ее развития, ходящее по линии дальнейшего усложнения. Подобный распорядок, именуемый «порядок с усугублением», совершенно соответствует требованиям.

Системы нелинейного характера, если под нелинейностью понимать поликомпонентность системы при отличии свойств компонентов, действуют в рамках научного дискурса на основании конкурентных связей, где формы закрепляются вследствие отбора, оптимально отвечающие функционально-семантической модели и формы предметной сферы того или иного областью рассматриваемой науки. Не все имеющиеся уровни включены в созданную систематизацию, а только те, которые устанавливают состав микросистемы синтаксиса. Некоторые уровни, такие как *прагматический, эмоционально-экспрессивный* не вошли в общий перечень, отражающий позднейшие стадии развития и формирования системы, а также ее современный статус. Преоритетная их соотносительность к «смешанному» виду разрешает сообщить о повышении многообразия и на макроуровне, о поиске системой оптимальных форм. Появляющееся разнообразие структурных формирований апробируется системой в

процессе ее функционирования, и вследствие происходит отбор, укрепляющий только формы, отвечающие ее внутренним обстоятельствам. И на уровне микрогрупп инициативно протекает указанный процесс. В такой степени, в частности, число микрогрупп сокращается от трех (психологический уровень уровни) до одной (логический и логико-грамматический), а после этого увеличивается резко до пяти (формально-грамматический уровень).

Следовательно, по направлению и формированию развития синтаксической терминосистемы, следовательно, охватывает последовательно чередующиеся стадии сходного синтеза и дифференциации.

Множественность выборов относится к важнейшим свойствам терминосистемы синтаксиса, устанавливаемой как нелинейная и выявленная. Система начинает колебаться в поиске наилучших форм функционирования, апробируя появляющиеся структуры и их корреляции пройдя точку равновесия, а затем и невозврата (логико-грамматический уровень), отобрав более произведенные, возникающие скорее и раньше других и отвечающие ее внутренним законам. Формируясь, она достигает подобающей точки невозврата и снова оказывается перед необходимостью отбора. При всем этом последующий отбор реализуется в пределах уже обнаруженного пути и способов его эволюции усложнением и усилением.

Этот факт подтверждается спецификой действия и функционирования синтаксических единиц только: «на уровнях смешанного типа, не охвачен общий перечень, представляющие современное состояние макросистемы» [16, 35].

Для дальнейшего рассмотрения исследуемой развивающейся системы сложной целостности от одной критической точки (логико-грамматический уровень) до другой (логико-семантический уровень) необходима классификация и систематизация синтаксических единиц по микросистемам на уровнях функционирования и действия. Большой

уровень организации сложной целостности свидетельствует о росте микросистемного разнообразия.

Следовательно, формируясь, система старается установить и укрепить наилучшее число микрогрупп, более приемлимый вариант их пополнения и группировки элементарными синтаксическими единицами в целом. Дополнительные критерии, формирования макросистемы синтаксиса и ее сложности будут рассматриваться с целью выявления и высказывание об отборе и саморегуляции на отрезке от одной критической точки изменения систем до другой.

1.4. Основные пути и способы зарождения терминологии синтаксиса рассматриваемых языках.

Научные и литературные произведения, сочинившие на этих языках являются основными путями и способами зарождения терминологии синтаксиса в исследуемых языках.

Многоязычные и двуязычные толковые глоссарии или словари, грамматики, учебники и учебные пособия играют значительную роль в становлении и развитии синтаксических терминов сопоставляемых языков. Наиболее значимыми можно считать следующие:

Забони тоҷикӣ. Сарф ва наҳв (Таджикский язык. Морфология и синтаксис таджикского языка). Её автором является Саид Ризо Ализаде, и была опубликована в 1926 году в Самарканде. Этот учебник применялся в качестве школьного учебника по таджикскому языку для начальных и средних школ Самарканда и за его пределами. Данный учебник является одним из первых, где были использованы арабские синтаксические термины и терминосочетания.

Данный учебник состоит из трех разделов. Автор подробно останавливается на некоторые вопросы раздела синтаксиса таджикского языка, во второй части вышеупомянутого учебника несколько поверхностно, включая: члены предложения (parts of sentence - аъзоҳои ҷумла); полные и неполные предложения (complete and incomplete

sentences – чумлаҳои пурра ва нопурра) и типы предложений (kinds of sentences навҳои чумла).

В основном, были использованы следующие термины и терминословосочетания: чумлаи исмия – nominative sentence (номинативное предложение), чумлаи феълия – predicative sentence (предикативное предложение), чумла – sentence (предложение). Информация о предложениях представляется в разделе под наименованием чумла (sentence – предложение). Относительно термина чумла – sentence (предложение) автор учебника отмечает, что двух или более слов может составлять предложение: чумлаи феъли – предикативное предложение и чумлаи исми – номинативное предложение; в нем также говорится о полных и неполных предложениях (предложения бывают шартӣ (условные), хохишмандӣ (изъявительные и т.п.); и, наконец, предлагается краткая информация об чумлаҳои чидааъзо (однородные предложения).

Наряду с этим, в третьем разделе данного учебника анализируются термины и терминосочетания, относящихся к пунктуации. Однако в настоящее время из девяти приведенных для обозначения знаков препинания употребляются только три термина: 1. нуқта – full stop/point (точка), 2. вергул – comma (запятая), 3. ду нуқта – double colon (двоеточие). Некоторые термины, как например *сакта* в значении *вергул-comma* (запятая), *ишороти нидо* – exclamation mark (восклицательный знак), *ишороти истеъфом* – question mark (вопросительный знак), *форке* – hyphen и (черточка) *мумиза* – quotation mark (кавычки) вышли из использования. Позднее арабские термины и терминосочетаний были заменены другими новыми терминами: «нохунак – кавычки, дефис; хатча – черточка, дефис, аломати савол – вопросительный знак аломати хитоб – восклицательный знак» [15, 176].

«Грамматикаи забони тоҷикӣ барои мактабҳои ибтидоӣ ва миёна».

Под наименованием «Грамматикаи забони тоҷикӣ барои мактабҳои ибтидоӣ ва миёна» в 1932 году вышел учебник таджикского

языка Б. Ходизода, Л. Бузургзода и А. Дехоти в Сталинабаде. В указанном учебнике широко применялось калькирование русских синтаксических терминов и терминосочетаний, использовавший в книгах по грамматике русского языка того периода.

Однако в этом учебнике можно обнаружить много арабских терминов, такие как сарф – morphology (морфология), нахв – syntax (синтаксис), сарфу нахв – grammar (грамматика), которые использовались до 1938 года прошлого столетия.

Для обозначения синтаксических терминов были применены следующие арабские термины: чумла – sentence (предложение), мубтадо – subject (подлежащее), калима – word (слово) и др.

Следует отметить, что некоторые синтаксические термины непосредственно являются кальками с русского языка: пуркунанда – object (дополнение); муайянкунанда – attribute (определение) и др.

Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик

Из трех томов состоит данная работа. Под редакцией Ш. Рустамова и Р. Гаффарова второй том грамматики, изданный в 1986 году, посвящён проблеме словосочетаний и синтаксису простых предложений таджикского языка. Под редакцией Ш. Рустамова и Б. Камолиддинова третий том, опубликованный в 1989 году содержит подробную информацию о сложных предложениях таджикского литературного языка [43, 44].

Именно из этой грамматики отобраны все анализируемые в диссертации синтаксические термины таджикского языка, так как они считаются единым достоверным источником формирования и развития современной терминологии отрасли синтаксиса, которые широко употребляются письменной и устной речи в нашей стране

Лингвист и терминолог С. Джаматов считает, что: «из всего многообразия синтаксических терминов закрепилось только то, что было принято школой, вошло в научный обход, т.е. те термины, которые

в настоящее время используются в нормативных книгах по таджикскому языку» [53, 67].

Относительно основных источников становления синтаксических терминов английского языка следует указать, что одна из самых первых дискуссий по лингвистике была обнаружена в труде великого древнегреческого философа Платона, выстроенного в форме диалога о генезисе языка и природы значения – первоначально между основоположником философской диалектики Сократом и Гермогеном, потом – между Кратилом и Сократом.

Первую грамматику греческого языка был составлен приблизительно 100 г. до нашей эры Дионисием Траксом (Dionysius Thrax). На протяжении «греческого» периода письменный язык оставался в центре внимания. Понятие «дастур – грамматика» (англ. *grammar* и греч. *grammatike*) сначала обладал значением «the art of writing – искусство письма – санъати хат)».

«*Дастури забони лотинӣ*» или «*Дастури*» Эльфрик». Первый лингвистический труд, написанный на английском языке под наименованием «Грамматика латинского языка» в истории германских языков, появляется приблизительно в 995 г, автором которой является Эльфрик.

Стоит отметить, что при помощи английского языка Эльфрик стремился не составлять английские синтаксические термины, а скорее, очертить полную грамматику латинского языка, т.е. при написании грамматики преследовались аккуратно дидактические и поучительные цели.

Первые грамматические работы появились на латинском языке в Англии, и они относились великим философам Беде Достопочтенному (674-735) и Альдхельму (650-709).

«*Bref grammar for English*» [170, 78]. Первая английская грамматика, написанная Уильямом Буллокар (William Bullokar), возникла в 1585 г. Автор предпринял попытку описать грамматический

строй английского языка. В указанной книге автор дал фундаментальное очерчивание 8 частей речи и затронул понятие предложения. Прошло около столетия со времени появления грамматики английского языка, прежде чем возникла дихотомическая классификация предложений. Предшественники ранних английских грамматик – античной и латинской грамматики средневековья – не создали учение о предложении [201, 1]. Под влиянием логики возникло лишь определение предложения как формы выражения законченной мысли (которое, однако, не воспроизводилось в ранних грамматиках английского языка) [235, 25-26].

В первой английской грамматике – Буллокара (1585) – ещё нет раздела синтаксиса и пунктуации, лишь при определении функции союзов встречается понятие о предложении, в котором указываются следующее: «Союз – это часть речи, которая соединяет слова, предложения или части предложений» [170, 368].

В книгах по грамматике первой половины XVII в. – Бена Джонсона и Бутлера – понятие о предложении дано только в связи с изложением правил пунктуации. Предложения разделяются на законченные во всех отношениях (a perfect sentence), т.е. периоды, и незаконченные (an imperfect sentence), т.е. соединенные с другими для образования периода [194, 83; 171, 51].

Во второй половине XVII в. в грамматике и в пособии по орфографии К. Купера при изложении правил пунктуации уже можно найти новые понятия, а именно – простого и составного предложения. Купер пишет, что точка показывает, предложения простого или составного, и законченного (a sentence ... simple or compound). Купер оперирует также понятия: «главный глагол» (principal verb), «главное предложение», «зависимые» предложения или части предложения (depending or dependent clauses, sentences) [174, 115-117; 175, 154-159]. Понятия простого и составного предложения останутся ведущими в учении о сложном предложении до середины XIX в.; а понятия зависимых частей и предложений, и главных предложений и глаголов

войдут в широкий обиход английских грамматистов только с середины XIX в., так же, как и представление о причинных, условных и т. п. связях между предложениями (или суждениями, у Купера – предлоги *prepositions* - пешояндхо).

Тем не менее, едва ли имеется довольно причин думать, что: «Купер проявил проницательность, необыкновенную для языковедческой степени своей времени, обнаружив между компонентами составного предложения подчинительные связи, и установил, следовательно, не только грамматистов XVIII и первой половины XIX в., но и своих современников, не сумевших разграничить и выявить такие синтаксические связи, как сочинения и подчинения. Ранее других грамматистов он лишь с большей смелостью, объединил понятия, заимствованные, как мы наблюдаем ниже, с грамматическими явлениями из логики» [174, 238].

Поэтому он и раньше, чем другие грамматисты, намечает пути отождествления предложений с однородными членами с составным предложением, указывая, что запятую ставят и после слов, которые заменяют предложения, будь то существительные, глаголы или наречия. Например, *The Sun, Earth, Sea, Air and all Creatures are designed for the Glory of God.*

В разделе синтаксиса грамматики Купера эти понятия не включены, но даны указание на состав законченного предложения, содержащего именительный падеж, глагол и винительный падеж, если глагол переходный [175, 142] (эти морфологические обозначения заменяли синтаксические термины в эпоху, когда учение о членах предложения не было разработано, и отмечено, что к этим главным частям добавляются различные зависимые – приложения, существительные с предлогом наречия и т. п.

В грамматике Дж. Брайтленда, изданной в начале XVIII в. (вместе с риторикой и логикой), учение о предложении уже включено в синтаксис и деление предложений на простые и составные дано как исходное. В

общем определении предложения, Брайтленд, как и Купер, указывает, что оно должно содержать не менее трех слов для выражения какого-либо чувства или мысли (первые два – это глагол -«утверждение» и имя, субъект этого утверждения). Имя может быть выражено или подразумеваемо [165, 109-110]. Это замечание так же, как и упомянутое выше высказывание Купера о словах, заменяющих предложений, подготавливает почву для отнесения предложений с однородными членами к составным.

Определение простого предложения совпадает со структурной частью общего определения предложения. В определении составного предложения указано, что оно содержит два или более простых соединённых частицей или союзом. Это определение станет в дальнейшем традиционным.

Другие грамматисты в первой половине и середины XVIII в., Гринвуд и Фэрроу, выступая как последователи Брайтленда, вносят некоторые незначительные изменения или уточнения в новую классификацию. Они говорят о простых или единичных предложениях (a single sentence), еще в большей степени подчеркивая количественный принцип противопоставления, наметившийся у Брайтленда. По мнению Гринвича, признаком единичного предложения является один личный глагол. Фэрроу поясняет значение термина «составное» предложение, указывая на то, что оно «сделано или составлено» (made up or composed) из простых [189, 148; 181, 320].

Оба автора, вслед за Брайтлендом повторяют определение союзов, в котором встречается понятие зависимости. Фэрроу считает, что, соединяя предложения, союзы «позволяют нам видеть отношения одного понятия к другому и зависимость одного предложения от другого» [181, 305]. Но вряд ли эти авторы вкладывали в понятие зависимости грамматическое содержание, так как были причинные и подчинительные, и сочинительные союзы. В грамматиках первого периода союзы подразделялись только по содержанию передаваемых

отношений как союзы соединительные, разделительные, причинные и т.п. Фэрроу уточняет, что зависимость одного понятия от другого выражается союзами причинными, условными и заключительными (illative). Примеры «союзов» последних групп – союзные наречия *therefore, then, thereupon* [181, 319]. Купер пишет о главных предложениях, зависящих от предшествующих по смыслу, а не по структуре (in respect of construction – подразумевалось, как правило, союзная связь) [174, 117; 165, 74].

Если обратиться к пособиям по логике, опубликованным в Англии в XVII-XVIII вв. становятся очевидными истоки нового учения о простых и составных предложениях. Большинство из которых написано на латинском языке. Среди авторов этих трудов был и Джон Мильтон. Остановимся подробнее на логике Грейнджера, написанной по-английски, где для иллюстрации привлекается английский материал и преемственность логики и английской грамматики более очевидны.

Подобно тому, как риторика отождествляла период с предложением, логика также отождествляет суждение с предложением как формой его выражения. Под суждением (axiom), считает Грейнджер, понимается заявление, пояснение, предложение, речь.

Суждения по своей сущности разделяются на простые и составные (an axiom is simple or compound). Члены простого суждения соединяются связкой глагола, члены составного суждения – союзами. Грейнджер определяет последнее как состоящее из простых суждений, связанных друг с другом союзной частицей. Составное суждение *If Socrates be a man, then he is a living creature* можно разложить на два простых: *Socrates is a man* и *Socrates is a living creature*, ибо два свойства приписываются здесь одному предмету [188, 22, 232, 237].

Подробную классификацию суждений мы находим и в пособиях по логике на латинском языке, где простое суждение (*proposito, enunciatio, axiomata simplex*) противопоставлено составному (*composite*). Примеры составных суждений – сложносочиненные предложения, сочетания

предложений с сочинительными союзами и простые предложения с однородными членами [164, 12; 167, 34; 213, 37].

В логике Брайденда примеры составных суждения (вместо «axiome» автор употребляет термин «proposition», - так обозначались словесное суждения в мысли, judgement) представляют предложения с однородными членами или два сочиненных: *Socrates was both learned and virtuous and beautiful; it is a virtue to eschew vice and the beginning of wisdom is to want folly* [165, 239].

Промежуточным звеном между логикой и грамматикой было веден понятия о простом и составном суждении в разделе пунктуации, т.е. сближение представлений, заимствованных из логики, с элементами риторики, отраженными в правилах пунктуации. Относительно термина «запятая» в грамматике Ч. Бутлера, изданной в 1634 г. имеется следующее высказывание: «Запятая – знак не законченного смысла в простом суждении или в каждой части составного, а точка с запятой – это знак несовершенного смысла в середине слова или периода, а это составное суждение, части которого соединены двойным или составным союзом» [171, 59].

Если Бутлер ещё не связывает простое и составное суждение с соответствующими типами предложения, то в последующем пятидесятилетии у Купера как мы видим такое отождествление произошло, но ещё в рамках учения о пунктуации, тогда как у Брайтленда эти понятия становятся составной частью синтаксиса.

Из логики были заимствованы так же упомянутые Купером понятия зависимости главных предложений и глаголов, причинных, условных и т.п. отношений между предложениями-суждениями, к перенесению которых в синтаксис сложного предложения грамматисты последующего столетия оказались не подготовленными.

В работе Грейнджера не совсем отчетливо сказано о зависимости одних предложений от других главных. По поводу многословия (redundance) автор пишет, что его можно обнаружить тогда, когда один

и тот же довод «добавляет к главным частям (суждения), так же как поясняющие и зависимые предложения (explanative or dependence) добавляют к главным и их частям в грамматике» [188, 227].

Если Грейнджер имел ввиду синтаксическую зависимость, то он опередил авторов логики и французской грамматики Пор Рояля, на приоритете которых в этом вопросе указывают исследователи. Они обнаружили смысловую неравноправность, «сопутствующий» характер некоторых суждений в составе «сложных» и пришли, таким образом, к выделению атрибутивных и объектных придаточных частей [200, 113-135; 187, 109]. Но, как было отмечено выше, у нас нет чётких доказательств того, что понятия *dependence* и *dependent* по отношению к связи суждений и компонентов составного предложения в английской логике и описательной грамматике имели грамматическое значение.

Семантическая классификация составных суждений, деление их на соединительные, разделительные, условные, причинные и т.п. сопоставимы лишь с довольно дробной классификацией союзов. Буллокар называет восемь значений союзов, Гринвуд – более двенадцати. Влияние логики сказывается и в том, что большинство грамматистов определяют союзы как часть речи, связывающие не слова а предложения (Гринвуд и др.).

Так выявляется один из неграмматических источников учения о простых и составных предложениях. Если риторика подсказывала принципы членения на смысловые и пунктуационные единства – периоды, механически отождествляемые с предложением, то в то время тогда учение о предложении ещё не являлось предметом синтаксиса, т.е. не упоминалось в грамматике его объём и структура, а логика способствовала внутренней классификации пунктуационных единств, разделению их на два основных типа. Критерием было количество имён и глаголов в составе пунктуационных единств. Сочетание одного имени с одним глаголом соответствовало структуре и значению простого суждения, и оно стало называться в языке простым предложением.

Таким образом, грамматисты рассматриваемого периода, стремясь грамматически осмыслить структуру «предложений» – различных по объему и построению отрезков речи в рамках пунктуационного единства, применяя выделительные и классификационные приемы анализа, особенно характерные, как справедливо указывает В.Г.Адмони, для ранних этапов развития грамматической теории [3, 74-75, 90], в учении о простых и составных предложениях опирались на неграмматические понятия, которыми оперировала риторика и логика, подсказавшие грамматистам путь от содержания к форме при членении речевого потока.

«*A Short Introduction to English Grammar*» [209] «Короткая введение к английской грамматике»

Ведущий грамматист второй половины XVIII в., Лоут, в своей грамматике, впервые изданной в 1762 г., дает общее логическое определение предложения, указывает также и на его грамматическую организацию: «Предложение – это группа (*assemblage*) слов, выраженных в соответствующей (*proper*) форме и расположенных в соответствующем порядке для выражения законченного смысла (*complete sense*)» [209, 118].

Выражение законченного смысла считалось свойством и периода, и суждения. В логике У. Дункана указано, что законченное суждение (*a complete proposition*) имеется при наличии всех его компонентов – субъекта, предиката и связки [179, 157]. Поэтому закономерно было введён в английский синтаксис логического определения предложений, известного, впрочем, как было отмечено выше, ещё в античной грамматике.

Последователь Лоута, американский грамматист Л. Муррей, издавший впервые свою, в основном компилятивную, грамматику в 1795 г., сократил общее определение Лоута, устранив указание на грамматические признаки предложения: «Предложение – это группа слов, образующая законченный смысл» [218, 137]. Это логическое определение станет впоследствии традиционным.

Созданная на рубеже двух столетий грамматика Л. Муррея, в которой были воплощены нормативные устремления грамматистов этой эпохи, пользовалась огромной популярностью. Основанная главным образом на тексте грамматики Лоута она стала образцом для грамматистов первой половины XIX в., и этим, очевидно, объясняется отсутствием в их трудах заметного развития синтаксической теории не только по сравнению с началом нормативного периода, но и с последним этапом описательной грамматики.

Соотносительные определения простого и составного предложения остаются такими же, как и в грамматиках первой половины XVIII в., хотя встречаются и варианты формулировки. Простое предложение отграничивается от составного как содержащее одно подлежащее (subject с середины XVIII в. употребляется уже как грамматический термин) и один личный глагол [209, 170; 218, 137], иногда в качестве признака простого предложения упоминается только лишний глагол (ср. выше у Гринвуда) [153, 100].

В своем наиболее развернутом определении составного предложения Лоут предлагает два варианта формулировки: «В составном предложении более одного подлежащего или личного глагола, выраженного или подразумеваемого, или оно включает двух или более простых предложений» [209, 198]. Первая часть этого определения позволяла грамматистам считать составными любые разновидности простых предложений с однородными членами. Последователи Лоута используют либо первую, либо вторую часть этого определения. Примеры составных предложений, приводимые в грамматиках первой половины XIX в. Это, как и прежде, были предложения сложноподчинённые, сочетания предложений, связанных сочинительными союзами. (бессоюзная связь, как правило, не принималось во внимание), а также простые предложения с однородными членами [155; 203; 237].

Во второй половине XVIII в. грамматисты выводят в учение о составном предложении понятие clause, спародически встречающийся в ранних грамматиках в значении “часть предложения”, структура и объем который не были установлены. Лоут еще не пользуется этим понятием. В разделе пунктуации он говорит о частях простого и составного предложения, называя их members (члены), т. е. понятием, связанными с членами периода. Но Пристли, современник Лоута, широко пользуется понятием clause [227, 193, 197-198]. Муррей также считает, что члены составного предложения следует более правильно называть clause. Последующие авторы предлагают на выбор member или clause. Но в грамматике первой половины XIX веков понятие clause еще не получило терминологического значения, поскольку его структура не была определена, и грамматисты по-разному толковали объем clause. В предложении *Never was man so teized, or suffered half the uneasiness as I have done...* Пристли обнаружил три clause. По мнению Муррей, союзы объединяют отдельные clause в составное предложение, тогда как при помощи относительных местоимений несколько предложений образуют один clause [217, 127].

Пристли пользуется понятием зависимости при определении функции союзов и связи отдельных слов, упоминается также и зависимость clause от одного слова (при описании предлогов), [227, 28, 29, 173, 174] Лоут, в свою очередь обходится без этого понятия. А. Муррей в самом общем плане говорит о большей или меньшей зависимости или независимости предложений и их частей при разделении их знаками припенания.

В середине XVIII в.. дробная классификация союзов заменяется более обобщенной, впервые встретившейся у автора философской грамматике, Дж. Херриса [192, 240]. Союзы делятся на соединительные и разделительные (conjunctive and disjunctive) на том основании, что по смыслу союзы либо соединяют, либо разделяют предложения. Сочинительные и подчинительные союзы распределяются между этими

двумя группами. Это деление, восходящее к античной традиции, соответствует и более обобщенной классификации составных суждений некоторых логиков (например, Грейнджера и Дункана).

Значительный сдвиг в теории сложного предложения произошел в грамматиках середины XIX в., когда общая дихотомическая классификация предложений была заменена трихотомической в результате подразделения составного предложения на две разновидности. Было выделено собственно составное предложение, основанное на сочинительной связи его компонентности, и сложности (*complex*) [192, 37] с подчинительной связью частей. Новая классификация связана с различием грамматистами двух способов синтаксической связи компонентов недифференцированного прежде составного предложения – сочинения и подчинения. Уже в самых ранних определениях типов непростых предложений содержатся упоминание на эти способы связи. Так, в грамматике Буллионза термин *compound* еще сохраняется как общий для обоих типов, но одновременно было указано, что части таких предложений могут быть зависимыми или независимыми и что иногда их называют сочиненными или подчиненными (*coordinate and subordinate*) [169, 131].

В этот период понятие *clause* становится ведущим в теории сложного предложения. Оно получает терминологическое значение как название компонентов составного или сложного предложения, содержащего подлежащее или сказуемое (часто обозначавшихся морфологическими терминами – имени и глагола).

По своей синтаксической значимости предикативные части подразделяются на независимые и зависимые, или сочиненные и подчиненные. Для выделения синтаксически ведущей части вводятся термины *leading clause* «ведущая часть» (у Буллионза) и уже известные логики понятий «главная часть» и также «главный глагол» – *principal* (у Ленни [203, 196] и др.). Различие между независимыми и зависимыми предикативными частями определяются и по знаку семантической

автономности; первые выражают законченный смысл сами по себе, вторые – только в сочетании с другой частью сложного предложения. Определен и минимум независимых частей в сложных предложениях – в нем должно быть не менее одной независимой части. Устанавливаются морфологическая классификация зависимых частей, которые приравниваются по функции к отдельному слову и подразделяются на существительные, прилагательные и наречные.

Так, в грамматике Аллена и Корнуэлла, первые издания которой относятся к 30 – 40-м годам, есть указание на, то что предложения могут быть главными или вспомогательными (*accessory*). Первые не зависят от какого-либо другого предложения (*The boy throws the stone*), вторые зависят от другого (*that he may hit the tree*) [153, 101]. Как видно из этого определения, большую роль сыграло и понятие зависимости, под которым в начале первого периода, как мы видели, подразумевалась смысловая зависимость одного предложения от другого. Постепенно приобретая грамматическое значение, в особенности при описании связей слов (при управлении), это понятие начинает обозначать и грамматическую зависимость предикативных частей от отдельных слов (ср. выше у Пристли) или других (ведущих) предикативных частей. Новые синонимичный термин «*subordinate*» и «*subordination*», известные прежде в логике (где обозначали подчинение понятий) [167, 63], в философии, и политической терминологии, так же как и противопоставленные им понятия «*coordinate*» и «*coordination*» (означавшие – «равный» и «равенство» по рангу, степени или значению), получают в грамматике с середины XIX в. строго грамматическое содержание. Понятие «сочинение» ассоциируется с понятием «независимость».

Однако наиболее ранние упоминания и определения составного и сложного предложений или их компонентов еще пронизаны логическими представлениями и терминами.

NED приводит очень раннюю цитату употребления прилагательного *subordinate* в логико-грамматическом понимании, от 1818 г. (из грамматики Стоддарда, изд. 1845 г.): «Различные сочетания предложений, в которых подчиненные утверждения (*subordinate assertions*) допускаются разумом так, как было показано» [219]. Грин в книге «*Analysis of Sentences*» (Philadelphia, 1842) пишет, что предложение, содержащее одно суждения (*proposition*), - простое, предложение, содержащее два суждения, одно из которых определяет (*modifies*) другое – сложное, предложение, содержащее два суждения, которые никоим образом не определяют друг друга, - составное [166, 458].

Очевидно, что новые понятия начинают распространяться в грамматических трудах, изданных в 40 – е годы (о чем свидетельствуют другие цитаты в NED). В грамматике Аллена и Кореуэлла сохранена дихотомическая классификация, но вместо «*compound*» употребляется термин «*complex*» и введены, как было отмечено выше, понятия главного и вспомогательного предложения. Новая классификация постепенно проникает в грамматику в середине и второй половине XIX в. Неоднократно переиздававшейся грамматика Ленниа, в 69 – ом издании (1871 г.) можно обнаруживать компромисс между старой и новой теорией. В общей части грамматики, предназначенной для школьников, сохраняется дихотомическая классификация, но в приложении, рассчитанном на учителей, введены новые понятия, хотя сложное предложение, как и упомянутой выше грамматике. Буллионза, рассматривается как разновидность простого, один член которого выражен предикативным сочетанием [203, 196]. Однако, в каком из изданий грамматики появилось это приложение установить не удалось. В 59 – ом издании (1865 г.) его еще не было. В грамматике Ангуса 1862 г. трихотомическая классификация дана как исходная [152, 242-243].

В новых нормативных грамматиках последней четверти XIX в. (не являющихся переизданием старых грамматик) колебаний между старой и новой системой сложного предложения уже не наблюдается. Все авторы

исходят из трихотомического деления предложений, хотя в частных определениях отдельных типов встречаются отголоски прежних формулировок.

Общие определения предложения остаются традиционными, логики-грамматическими [204; 208, 14]. В определениях простого предложения (при довольно пестрой и отчасти архаичной терминологии) подчеркивается количественный признак – наличие одного подлежащего и одного сказуемого [158, 148; 213, 145; 209].

Определения сложного предложения также подчеркивают количественный признак, причем одни авторы говорят о количестве подлежащих и сказуемых, другие – о количестве простых предложений в составе сложного, третьи – объединяют эти оба момента. В определениях отмечена и синтаксическая, и семантическая неравномерность компонентов сложного предложения. Такова теория сложного предложения, окончательно сформулированная в английской нормативной грамматике второй половины XIX в. и сохранившаяся, как мы увидим ниже, почти без изменений до настоящего времени.

В определении «составного предложения» количественный признак не выражается в терминах «подлежащее» и «личный глагол», а только в терминах *clauses* или *sentences*. Предложение называется составным, когда оно содержит два или более главных предложений, сочиненных друг с другом, или две или более независимые части [163, 156; 213, 166; 204, 74]. Бейн и Мэйсон подчеркивают синтаксическую независимость частей составного предложения. Приводятся следующие примеры: *the sun rose and the mists disappeared; he came but we did not see him*. Бейна пишет, что отдельные части составного предложения никоим образом не зависят друг от друга и каждое утверждение могло бы быть самостоятельным. Мы могли бы произнести «*the sun rose*» или «*the mists disappeared*» отдельно, и смысл был бы законченным, тогда как сложное предложение нельзя расчленить из части с независимым значением: *I will, If I can*. Мейсон также пишет, что составное предложение возникает

каждый раз, когда два или более число предложений, которые образуют законченное целое сами по себе. (form complete wholes in themselves), соединены сочинительными союзами [163, 161; 208, 169]. Предложения с однородными членами рассматриваются как результат стяжения составных и соответственно называются стяженными (contract sentences) [163, 165].

Что касается классификации союзов, отражающей понимание связей между предикативными частями предложения, то в данный период новая теория сложного предложения находит свое отражение, хотя разрыв с традиционной классификацией наступает не сразу. Те авторы, которые приняли половинчатое решение, занимают такую же позицию и при классификации союзов. У Буллионза и Ленниа остается прежнее деление союзов на соединительные и разделительные, как исходные, что мы находим в грамматике Ангуса [169, 53; 152, 235].

Большой интерес в свете последующего развития учения о контекстуальных средствах связи самостоятельных предложений представляет следующее замечание Мейсона: «Поскольку все указательные слова подразумевают» ссылку (reference), они всегда вызывают известную связь в мысли между двумя престанавлениями». Но несмотря на это, пишет далее автор, они не являются с грамматической точки зрения связывающими словами. Такие слова, как *therefore, hence, still, consequently, accordingly, yet, likewise, also* и т. п., – простые наречия, даже не союзные, и еще меньше оснований считать их союзами. Так, в примере «*he was idle: for that reason he did not succeed*» мы имеем два законченных и независимых предложения, но стоит только заменить сочетание “*for that reason*” его грамматическим эквивалентом *therefore*, как половина грамматистов скажет, что *therefore* – союз и что мы имеем одно (составное), а не два отдельных предложения [208, 125].

Нормативная грамматика XX в. уже не является единственным в английском языкознании типом грамматики, поскольку классическая научная грамматика начинает развиваться с конца XIX в. При всем том,

не оказало заметного влияния на нормативную грамматику это существование, как мы наблюдаем ниже, последняя установила не только создание научной грамматики в изучаемом вопросе грамматической схемы, но и в других аспектах грамматической теории.

Преимственность нормативной грамматики второй половины XIX и XX вв. обеспечивается тем, что в XX в. переиздаются грамматики, созданные в XIX в. (например, грамматика Ленниа, Мейсона в обработке Эштона, Давидсона и Элькока). Как эти труды, так и грамматики, появившийся в XX в., сохраняют известные нам положения.

Очень характерна грамматика Несфильда, которая вышла еще в конце XIX в., но неоднократно переиздавалась и перерабатывалась в XX в. По популярности и количеству переизданий ее можно сопоставить с грамматикой Муррея, появившийся на рубеже двух столетий, но оказавшей огромное влияние на нормативные грамматики последующего пятидесятилетия.

В этой группе нормативных грамматик сохраняются логические общие определения предложения (иногда с пояснением, что для выражения законченной мысли предложение должно содержать подлежащее и сказуемое) [203, 181; 210, 141; 227, 178, 193; 176, 48; 182, 9; 193, 89; 222, 4; 198, 17; 228, 8]. К логическому определению иногда добавляется указание на грамматическую организацию предложения примерно на том же теоретическом уровне, на котором находилось соответствующее определение в грамматике Лоута [154, 126].

Н. Берк и Дж. Берк сначала предлагают модернизированное определение предложения, отдавая дань новым тенденциям: «Согласно самому общему определению, предложение – это любое высказывание (locution), произнесенное или отмеченное пунктуацией как независимая единица речи (discourse)». Однако в практических целях, пишут далее авторы, предложение лучше всего определить, как независимое утверждение (assertion), которое содержит подлежащее и сказуемое.

Традиционные признаки повествовательного предложения – заглавная буква в начале и точка в конце [161, 132].

Соотносительные определения простого и обеих разновидностей сложного предложения в основной своей массе также не представляют ничего принципиально нового (за некоторыми исключениями, которые будут отмечены ниже). В них встречаются все варианты определений, отмеченные в грамматике XVIII и XIX вв. [216, 102; 203, 181; 178, 193; 210, 142; 176, 179; 198, 124; 193, 14].

Несколько иначе сформулировано определение Пенса: «Простое предложение состоит из одной предикативной части, (с)ауначинается с заглавной буквы и заканчивается точкой» [222, 14]. Другие авторы говорят о том, что простое предложение представляет одну независимую предикативную часть [224, 86; 214, 174; 161, 553]. Это новый момент, который внесли грамматисты XX в. в характеристику простого предложения.

Понимание грамматической сущности составного предложения, отраженное в определениях, также не претерпевает существенных изменений. Киерзек исходит из этимологического значения термина: «Составное предложение, как указывает термин, образовано путем составления и объединения двух или более простых предложений», а поскольку «простые предложения – единицы структурно и грамматически законченные, то составные предложения могут быть расчленены на такие же законченные и независимые единицы» [196, 49-50]. Эту же мысль, сказанную уже грамматистами второй половины XIX в., развивает и Майерз, отмечая, что в разговорном языке часто невозможно определить, следует ли рассматривать ряд независимых частей как одно составное или несколько простых предложений. За исключением приготовленных заранее речей, говорящий сам не придает этому вопросу значения, а слушатели могут только догадываться. В письменном языке различие достигается просто при помощи пунктуации. Но как поступит пишущий, совершенно безразлично. Автор

приводит ряд союзных и бессоюзных сочетаний сочинённых предложений, разделёнными запятыми (или точкой с запятой), и отмечает, что можно разделить каждое из этих предложений на два, заменив эти знаки препинания точкой, что и можно отбросить союзы *but* и *and* и сохранить их [214, 182-183].

В изучаемый период появляется весьма интересное терминологическое нововведение. Объединенный комитет по упорядочению грамматической терминологии составил рекомендации, в которых предлагалось различать предложения простые, сложные, двойные (*double*) и множественные (*multiple*). Последние два термина должны были заменины терминами «составное предложение» [184, 320].

Эта рекомендация была впервые принята, насколько нам известно, в грамматике Несфильда. Несфильд различает «двойные предложения» как: «составленные из двух, и «множественные», составлены из более чем двух сочиненных (т. е. равных или независимых частей, *clauses*)» [216, 103].

Представляется, что новые созданные и термины и терминосочетаний не случайны, что они отображают инстинктивное (т. е. не аргументированное теоретически) осознание того факта, что соединение независимых предложений, именуемое «составным предложением», не обладает формой целого предложения по существу, как это было выявлено из традиционной дефиниции и термина. В лингвистике новые термины и терминословосочетание лишь подтверждают, что группа, заключающаяся из двух, трех или более предложений, соединена средствами сочинительной или подчинительной связи (ипунктуацией).

Мун развивает новую классификацию сочиненных предложений, выделяя вместо распространенного типа «*compound complex*» (т. е. сочетания сочиненных предложений, имеющие в своем составе зависимые части) две разновидности: *double-complex* и *multiple-complex*

[212, 150]. И Несфильд и Мун относят к двойному и множественному предложению с однородными сказуемыми.

Таким образом, и в нормативной грамматике нового времени в объем понятия составного (двойного или множественного) предложения входят простые предложения с однородными членами, главным образом сказуемыми и подлежащими, как это было в грамматиках XVIII и XIX вв.

И в определении сложного предложения мы находим формулировки, уже встретившиеся в грамматиках второй половины XIX в. Сложные предложения определяются на основании минимума независимых и зависимых частей [222, 16; 201, 223; 182, 226; 196, 50; 176, 185; 224, 86; 161, 553], или в более ранних или консервативных грамматиках – количество (минимума) содержащихся в нем личных глаголов или сказуемых, или подлежащих и глаголов; например, в сложном предложении не менее двух личных глаголов и соответственно не менее двух частей (clauses) [203, 196].

Также выделяются и две разновидности предикативных частей предложений – независимые и зависимые, которые характеризуются таким же образом. Общее определение clause по структурным признакам напоминает определение простого предложения – это член предложения, содержащий личный глагол, или сочетание групп (связанных) слов, содержащая подлежащее и сказуемое [203, 182; 154, 126]. Отсюда ряд грамматистов приходит к выводу, что clause – всегда простое предложение, содержащее подлежащее и сказуемое [154, 126; 228, 7; 222, 11; 224, 54; 193, 89; 161, 553], что простое предложение равно clause – предикативному сочетанию, но не каждое предикативное сочетание равно простому предложению. Крег подчеркивает несамостоятельность коммуникативной функции некоторых clause, которые зависят от других предикативных частей при сообщении мысли [176, 179-180]. Это новое понимание clause как структурного единства – предикативного сочетания, которое может выступать и как самостоятельное предложение

и как часть другого предложения в зависимости от оформления или синтаксической функции, близко к понятию «предикативная единица»

Классификация зависимых частей остается прежней – по принципу эквивалентности отдельному слову они подразделяются на существительные, прилагательные и наречные, с дальнейшим подразделением первых по синтаксическим функциям [176, 181; 154, 126; 224, 54]. Интересна у Несфильда критика определения главной части в грамматике Мейсона, где указано (как в других грамматиках), что она содержит главное подлежащее и сказуемое. Несфильд отмечает, что это определение неправильно, так как иногда нет главного подлежащего, поскольку само подлежащее может быть выражено подчиненной предикативной частью [216, 110].

Помимо подробного анализа синтаксических функций зависимых предикативных частей (в особенности зависимой части – существительного), встречается деление зависимых частей – существительных по целенаправленности, намечанное еще Мейсоном, главным образом при употреблении их в косвенной речи. По аналогии с простыми предложениями или с независимыми частями выделяются косвенные утверждения, вопросы, приказания и пожелания [212, 135].

Мы видим, что нормативная грамматика XX в. не выявляет приметного формирования и развития теории сложного предложения в таких проблемах, как структурная классификация и систематизация предложений, свойств видов и компонентов сложных предложений. Она не перешагнула ступени, достигнутой во второй половине XIX в., сохранив трихотомическое деление предложений и определение типов предложений и их частей, выработанные в этот период. Наиболее значительным нововведением в рассмотренных грамматиках является, то что во-первых, новые термины для обозначения сочинительных сочетаний предложений, свидетельствующие о том, что грамматисты эмпирически осознали отсутствие формы одного предложения при сочинении двух или более независимых предложений – *double* и *multiple*

sentences, и, во-вторых, соединение понятия clause, которое обозначало предикативную часть, компонент составного или сложного предложения, с представлением самостоятельно простого предложения. Произошло вычленение clause ые из структуры сложного предложения, возникло новое понимание предикативного сочетания, как структурные единицы, используемой в составе различных типов предложения на основе тех признаков, которые были общими у обеих разновидностей clause и простого двусоставного предложения – наличия подлежащего и сказуемого, и признака синтаксической независимости, сближавшего независимую или главную предикативную часть с простым предложением.

A New English Grammar: Logical and Historical [232; 233]. *Дастури нави забони англисӣ: мантиқӣ ва таърихӣ* (Новая английская грамматика: логическая и историческая)

В конце XIX столетия начинается новый этап в развитии английской грамматической мысли – появляются научные грамматики английского языка, в которых проблемы сложного предложения рассматриваются глубже и на более высоком теоретическом уровне, чем в нормативных грамматиках. Однако английская научная грамматика не создала новую грамматическую систему. Она восприняла положения нормативной грамматики, отказавшись только от нормативного подхода к изложению материала. Первый автор научной грамматики Г. Суит в предисловии к своей книге называет грамматики Бейна и Мейсона (из рассмотренных выше) среди тех, которым он больше всего обязан [232, 13].

Суит более вдумчиво и глубоко подходит к общему определению предложения. Отталкиваясь от традиционного логического определения предложения как слова или группы слов, проявляющих оконченную мысль. Суит уточняет его в структурном плане, говоря о том, что способность слова или группы слов выполнять эту функцию, зависит от того, как в данном языке строятся предложения, т. е. от их формы.

Предложение – это «слово или группа слов, форма которых заставляет нас ожидать выражения полного смысла» [232, 155]. Иными словами, в этом грамматическом определении предложения заключено указание на структурную завершенность как основной признак предложения. Суит поясняет, что выражение полного смысла зависит и от контекста: такое предложение, как “He is coming”, хотя и закончено по форме, не закончено по смыслу, так как оно означает кто-то упомянутым раньше». Новым является указание на то, что предложение – не только логическое, но и фонетическое единство [232, 158]. Нормативная грамматика XIX в. не принимала во внимание признак предложения в устной речи, тогда как Суит устанавливает фонетические границы смысловой группы, равной предложению, – паузы и интонацию. Суит отказывается от терминологического разграничения составных и сложных предложений, ставшего к концу века традиционным, и употребляет их как общий термин: «complex sentence, или сокращенно complex» [232, 158]. Но все же для разграничения подчиненных и сочиненных частей сложного предложения Суит создает свои термины – co-clause и sub-clause. Соответственно сочетание независимых сочиненных предложений называется co-complex, а сложноподчиненное предложение – sub-complex. За исключением новой терминологии, не воспринятой в дальнейшем ни авторами нормативных, ни научных грамматик (кроме термина sub-clause), и некоторых уточнений и разъяснений, Суит воспроизводит в основном учение о сложном предложении таким, каким он его нашел в нормативной грамматике второй половины XIX в., более углубленно описывая синтаксические единицы, выделенные нормативной грамматикой.

Суит уделяет большое внимание средствам связи. Наряду с союзами Суит выделяет «полусоюзы» – независимые наречия still, nevertheless (зависимыми наречиями автор считает относительные, например where). Отличие полусоюзов от подлинных союзов заключается в том, что полусоюзы соединяют только по смыслу. Как

постепенное *he*, наречия *still* и *nevertheless* отсылают предшествующему предложению, но предложения, введенные этими тремя словами, формально не зависят от предшествующих. Таким образом, Суит развил мысли о контекстуальной связи предложений, встречавшиеся в предшествующих нормативных грамматиках, и мы здесь находим в зародышеи теорию сигналов последовательности Фриза, намеченную еще раньше Мейсеном.

Суит, также предвосхищая Фриза, вводит термин *sequence* (последовательность, ряд предложений) для обозначения сочетания двух или более независимых предложений, связанных логически. Предложения, образующие ряд, соединение бессоюзных способов или при помощи «полусоюзов». Например: *I was tired, so I went to bed; I am tired, I cannot go any farther* (в сопоставлении с «комплексом» *I was tired so that I could not go any farther*) [232, 166-167].

Давая развернутую классификацию предикативных частей, Суит делит зависимые части по целенаправленности на повествовательную и вопросительную [232, 170]. Это деление в дальнейшем получает некоторое развитие, также как и замечание Суита о том, что простые предложения, содержащие неличные формы глагола (*verbals*), очень близки к сложным, поскольку словосочетания с вербалиями только грамматически отличаются от предложений с личным глаголом. Такие предложения, как *I heard of his coming home, I wish him to come*, по его имению, содержат в себе зародыши (*germs*) зависимых предложений [229, 167].

Теоретической основой учения научной грамматики XX в. о сложном предложении также остаются положения нормативной грамматики второй половины XIX в., хотя, как мы увидим ниже, в некоторых грамматиках намечается отход от этих позиций. Мы остановимся на системе сложного предложения в грамматиках Кимбалл и Оннионза начала XX в. И на трудах, вышедших в 10 – 40-х годах, – Керма, Поутсма, Крейзинга, Есперсена, Стокоу. К этой же группе можно

отнести и более позднюю работу М. Брайант, находящуюся, судя по некоторым разделам, под влиянием взглядом Есперсена [197; 219, 177; 223; 199; 194, 231; 168].

Выводы к первой главе

Проанализировав имеющийся информации, мы пришли к следующим выводам.

1. Термин устойчиво выражается частью лексического и семантического неделимого, который может становится практическая деятельность, наука, техника, но всегда – особая или специальная область. Термин и терминосочетания, бесспорно, являются языковой единицей и одновременно языковым знаком любого языка самостоятельно от способа и путей использования и чрезвычайно различается от остальных единиц и знаков языка.

2. Следует иметь в виду, что при составлении словарей, глоссарей и учебников, не каждое слово, используемое в метаязыке, является термином и терминословосочетанием, однако, в свою очередь, любой термин или терминосочетание является компонентом метаязыка.

3. Развитие и формирование вышеупомянутых языков как литературного, межнационального и национального считается одним из константных обстоятельств, при котором вообще становится вероятным заявлять о становлении синтаксической терминологии таджикского и английского языков. В сфере лингвистики переход на родной язык литературы и науки и составлении научного и учебного стандарта – письменного в первую очередь, а потом – устного является важнейшим феноменом в истории синтаксической терминологии таджикского и английского языков.

4. Заимствование (прежде всего, из арабского и русского языков в таджикском и из латинского и французского в английском) являлось основным источником становления и развития синтаксической терминологии таджикского и английского языков в первый период существования вышеназванных языков.

5. База, определявшая тот факт, что большинство синтаксических терминов таджикского языка обладает диахроническим характером, который было заимствовано из арабского и русского языков в указанный период заимствованно. С одной стороны, это разъясняет тем, что вся территория Персии в VII в. находилась под контролем арабского халифата, а с другой стороны, присоединение среднеазиатских республик к Российской империи стало причиной заимствования русских терминов. Следует указать, что в эпоху Норманнского завоевания англичане имели близкий контакт с французами. Большое количество терминов синтаксиса этимологически восходит к греческому языку, тем не менее, большое количество терминов и терминосочетаний заимствовано из французского и латинского языков.

6. Латинский язык был языком науки и грамоты в древнеанглийском и среднеанглийском периоде, а именно заимствования из него (немногие по сопоставлению со словами французского генезиса) свидетельствуют о роли и места латыни в Англии.

7 Объем и число значений большинства терминов и терминосочетаний, заимствованных в эту эпоху, существенно различаются от их современных понятия и значений.

ГЛАВА 2.

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

2.1. Несколько слов об истории пути и способы зарождения терминологии синтаксиса в исследуемых языках

Граматику любого языка, независимо к каким семьям они относятся составляют синтаксис и морфология. Однако довольно часто недифференцированно обуславливается термин «наҳв (синтаксис)» как сама синтаксическая структура языка, расположенная независимо от нашего разума, так и исследование, и учение о синтаксической структуре языка – установленной части науки о языке. С одной стороны, при формировании любой науки и определении ее понятий необходимо отличать исследуемый и изучаемый объект, а с другой стороны, - науку, который он занимается. Для этого следует избегать использования одного и того же термина или терминосочетаний при дефиниции и того, и другого в целом.

Известно, что в таджикском языкознании наблюдается разные определения термина «наҳв – syntax (синтаксис)»; при всем том, большинство из них, включая отдельные несоответствия в тех или иных позициях, довольно чётко сводятся к следующим двум понятиям синтаксиса: соответственно первому дефиниции, термин «наҳв (синтаксис)» занимается исследованием и изучением словосочетания, а соответственно второй дефиниции, термин «синтаксис» является учением о предложении.

Как независимая часть грамматики, синтаксис изучает как правила составления из этих сочетаний предложений, так и правил объединение слов.

Известный русский ученый и лингвист М. Н. Питерсон определяет следующее дефиниции термина синтаксиса: «Учение о сочетании слов и предложений и его задачу видит в изучении словосочетания» [112, 67].

А. А. Шахматова интерпретирует термин следующим образом: «синтаксис есть та часть языкознания, которая исследует способы словесного выражения мысли в ее целом, ее членах и в ее составных частях» [36, 102; 133, 210].

По мнению лингвиста С. Джаматова, в этом отношении, специальное значение приобретает подтверждение выдающего языковеда Н.Б. Гвишиани о том, что: «синтаксис – раздел языкознания, предметом которого является как предложение, выступающее в качестве основной единицы речи, так и словосочетание, выступающее в качестве неопредельного составляющего предложения» [36, 203].

Наряду с другими науками, синтаксис имеет своим собственным предметом изучения в сопоставляемых языках как самостоятельный отдел грамматики. Его главным объектом является предложение, строение которого следует рассматривать в его исторических отношениях с группами слов – словосочетаниями, выделяемыми в предложении.

Синтаксис играл колоссальную роль в становлении и развитии грамматической терминологии сравниваемых языков в различные эпохи их существования.

В произведении «Шифо» Абуали ибни Сино свою точку зрения о терминах, относящихся к синтаксису высказал следующее: «Термин *чумла* относится к *лафз*, а термин *калимаҳои алоҳида* – к *лафзи муфрад*, и термин *ибора* – к *лафзи мураккаб*» [119, 132].

Начало создания таджикской научной терминологии связано с введением в научный обиход литературного языка фарси-дари в начале XI в.

Первая попытка в этой области принадлежит Абули ибн – Сине, создавшему между 1023 и 1037 гг. первое обобщающее философское сочинение «Донишномаи Алаи» («Высшая мудрость»). Лексика и особенно терминологии этого произведения привлекали внимание многих исследователей – иранистов, которые установили, что

источниками создания терминов были лексика, унаследованная от языка средне – иранского периода – пехлеви, средне – персидского (например, термины *ҳастӣ* 'бытие', *чандӣ* количество, *кай* 'время' и др.), и лексика литературного и разговорного языка того времени (ново –иранского периода). Основная масса таджикских терминов – эквивалентов арабских – создана Абуали ибни – Сине на основе обиходной лексики путем специализации значения слов, что, как известно, является одним из основных средств создания терминов и разработки научной терминологии, например: *сухан* 'слово' – 'рассуждение', *гирд* 'круглый' – 'вращательный', *гавҳар* 'субстанция' и др. [Лившиц, Смирнова, 1981, 115].

С. Айни в исследовании, посвященном характеристике научной деятельности Абуали ибн - Сины, приводит многочисленные примеры создания ученым терминов на таджикском языке. Таковы, например: *чунбиш* в.м. араб. *ҳаракат* 'движение', *чизҳо ва ашйё* 'предметы', *гардиш* в.м. *тагирот* 'изменение', *созӣ* (муз.) 'гармония', *носозӣ* (муз.) 'дисгармония' и др. [Айни, 1963, 71-72].

В трактате Абуали ибн – Сины «Донишнома» прослеживается его лингвистическая интуиция в вопросах замены арабских терминов таджикскими и отбора тех арабских терминов, которые уже в раннем средневековые органически вошли в таджикский язык. Так, например, прочно закрепились в таджикском языке и в настоящее время занимают значительное место в современных таджикских терминологических системах арабские термины абстрактного значения, например: *чинс* 'род', *шахс* 'индивид', *навъ* 'вид', *сатҳ* 'плоскость', *чихат* 'направление', *мураккаб* 'сложный' и др.

Попыткой разработки таджикской терминологии, предпринятая Абуали ибн – Синой, как свидетельствуют исследователи, не прошла бесследно. И в последующую эпоху в сочинениях ряда авторов, писавших на таджикском и персидском языках, «широко употреблялись термины, примененные в «Донишнома», а ряд новых терминов, в том

числе и для выражения абстрактных понятий, был создан по аналогии с теми, которыми пользовался Ибн-Сина» [Лившиц, Смирнова, 1981, 134].

Стремление противопоставленности арабской терминологии научную терминологию на таджикском языке, созданную преимущественно на базе таджикского – персидского языка, несомненно, имело большое значение. Тем не менее на протяжении столетий таджикский язык пользовался в основном арабской научной и общественно – политической терминологией, охватывающей определенный круг отраслей наук, зародившихся еще в древности и получивших свое развитие в IX – XI вв. (философия, логика, астрономия, математика, медицина, геодезия, география, ботаника, история). В последующие века расцвету литературы сопутствовало высокое развитие прикладного искусства, архитектуры, ремесел, что в свою очередь обуславливало развитие соответствующей профессиональной терминологии. Отражение этого процесса зафиксировано в фархангах - толковых словарях таджикско-персидского языка, которых на протяжении десяти веков (IX – XIX вв.) было создано свыше двухсот [см.1969, 5-7].

После победы Октябрьской революции, особенно в 20 – е годы, в республиках Средней Азии развертывается широкое движение за переход таджикской письменности на новый алфавит. В 1930 г. был принят новый латинизированный алфавит, а в 1940 г. таджикская письменность была переведена на новый таджикский алфавит, основанный на русской графике и близкий алфавитам братских народов Советского Союза, что обеспечило унификацию и стабильность в написании научно – технических терминов, топонимов, собственных имен.

В связи с коренным переустройством общественного строя, реконструкцией народного хозяйства, широким развитием народного образования и культуры, создание терминологии на таджикском языке приобрело актуальное значение.

В первые годы послеоктябрьского периода процесс терминотворчества носит стихийный, неорганизованный характер. Появляются новые периодические издания публикации общественно-политической литературы, издаются новые советские учебные пособия по школьным предметам. Наблюдается широкое проникновение в жизнь, быт, производство, народное хозяйство новых понятий, явлений, требующих незамедлительного обозначения их на родном языке. Именно на этом раннем этапе вопросы становления современного таджикского литературного языка и особенно его терминологии становятся ареной ожесточенной идеологической борьбы, в которой выявились основные тенденции в создание терминологии.

Относительно термина *наҳв* и его места в грамматике персидско-таджикского языка другой мыслитель средневекового периода Мухаммад ибни Исҳоки Надим выразил свои взгляды в своем труде, и посвятил вторую часть произведения лексикологии и синтаксиса, которая состоит из трех предмета.

Один из ученых и мыслителей средневекового периода Носир Хусрав также обратил внимание в своём произведении на место и использование термина *наҳв* в персидско-таджикской грамматике назвал, что: «термин матн – калом и термин чумла – қавл» [144, 67].

В своем произведении Насириддин Туси «Асосулиқтибос» изложил свою точку зрения относительно синтаксических терминов таких как: «ибора – phrase (словосочетание) и чумла – sentence (предложение)» [134, 8]. Рассматривая слова по семантике и синтаксическим функциям, он разделял их на простое и составное. По его мнению, термин: «*чумла* назывался термином *калмаи таркибӣ*» [134, 89].

Один из мыслителей средневекового периода Шамс Кайси Рози поставил синтаксис в один ряд с наукой аруз в своём произведении «Ал-мӯъчам» [113, 45].

Мухаммад Омули в своём произведении под термином *калом* имел ввиду термин *чумла*, который состоит из слов, и высказывает следующее:

«Калом – қавлест, ки мутазаммини ду калима бошад бо иснод» [98, 25-70].

Другой таджикский учёный и лингвист средневекового периода Ходжа Хасани Нисори подробно рассматривал роль и место синтаксиса в своем труде и особенно обратил огромное внимание на: «способы связи слов в словосочетании» [92, 45-53].

Таким образом, в ходе анализа вышеупомянутых терминов выявилось, что синтаксические термины занимали заметное место в словарном составе средневекового периода. В итоге, такие термины считались основными синтаксическими терминами: наҳв – синтаксис, калом – чумла, фоил – мубтадо, мафъул – пуркунанда, изофат – бандаки изофӣ, музоф – муайяншаванда, музофилайх – муайянкунанда. Вышеупомянутые термины и терминосочетаний имеют арабское происхождение. Следовательно, в последующей части диссертации считаем необходимым рассмотреть все синтаксические термины и терминосочетание сравниваемых языках по структуре.

2.2. Структурный анализ монокомпонентных и поликомпонентных терминов синтаксиса в рассматриваемых языках

Исследование и рассмотрение современного состояния терминологии синтаксиса, ее структурно-грамматических и лексико-семантических анализов представляют значительный интерес как с практической, так и теоретической точки зрения. Без исследования и изучения особенности терминосистемы терминологии не могут найти решение до конца большинство лингвистически проблем.

Следует отметить, что ядром синтаксиса в обоих языках составляют следующие термины: тартиби калима – word order, ибора – phrase, чумла – sentence, матн – text, чумлаи сода – simple sentence, алоқаи наҳвӣ – syntactic relation, «аъзоҳои чумла – clause elements (члены предложения)», «мубтадо – subject (подлежащее)», «хабар – predicate (сказуемое)», «пуркунанда – object (дополнение)», «хол – adverbial

(обстоятельство), «чумлаи мураккаб – multiple sentence (сложное предложение)» [43, 45-55].

Проблемы терминообразования, терминографии и терминоведения в сравниваемых языках относится к числу из актуальных, потому что «терминологический взрыв», происходящий в последнее время, определил перед языковедами задачу систематизации, унификации и стандартизации терминологических единиц.

Известно огромное количество трудов, посвящённых исследованию способов и путей формирования терминов и терминосочетаний в разных подъязыках науки. Среди них можно называть исследования таких учёных и лингвистов, как А.Винокур [1939], А.А. Реформатский [1955], А.А.Санкин [1956], Д.С. Лотте [1958], М.Д. Бенелис [1962], Б.В. Штернгерц [1970], Е.П. Стемковская [1971], Б.Н. Головин [1971], Н.М. Эфендиева [1972], Е.Н. Симанчевская [1974], В.П. Даниленко [1977], Д. Саймиддинов [2003], М. Касымова [1997, 2000], М. Султон [1999, 2008], С. Назарзода [2004], С. Джаматов [2006, 2015] и др.

Способов и путей терминообразования существует в практике, немало, однако три из них являются более приемлемыми: 1) применение «ничейного», «древнего» наследия, т.е. словообразовательных моделей и элементов слов греческого и латинского происхождения; 2) использование слова общенародного языка в качестве термина, 3) из других языков заимствование терминов.

По мнению Б. Н. Головина способы создание терминов являются следующие: «Термины создаются лишь двумя способами или путями – на основании своих слов и на базе слов, заимствованных из иных языков» [40, 65].

Во-первых, из ресурсов самого языка по разным моделям создание терминов, как «*исм + исм – noun+noun (существительное + существительное)*» или «*сифат + исм – adjective+noun (прилагательное + существительное)*» и, во-вторых, синтаксический способ, т.е. способ построения терминосочетания, и в-третьих, морфологический способ,

т.е. главным способом терминообразования синтаксических терминов в сравниваемых языках являются использование различных словообразующих элементов (префиксы, инфиксы, суффиксы).

Таким образом, обобщая отмечанные выше взгляды лингвистов и учёных относительно отнесённости терминологии синтаксиса и сообразуясь с задачами данного диссертационного исследования, выделить следующие классификационные разряды терминологической лексики в пределах структурного анализа.

1. Простые непроезводные термины. Под простыми терминами подразумеваются терминологические единицы, состоящие лишь из одной корневой морфемы или корня, к которым в дальнейшем могут добавляться терминоизменяющие суффиксы, префиксы или инфиксы в настоящем исследовании.

2. Простые производные термины. Терминологические единицы, построенные при помощи морфологических способов от основы в диссертации, интерпретируются в качестве простых производных терминов, однако в отличие от простых, производные термины установлены другими терминами и терминосочетаниями, т.е. являются второстепенными приметами.

3. Сложные термины. В процессе морфологического терминообразования они создаются путем объединения двух или более основ, и при помощи соединительных гласных в отдельных случаях могут формироваться сложные термины. Сложные слова как предмет рассмотрения и анализа принципиально различаются от иных объектов языковедческого разбора, в том числе от деривационных слов – конвертированных и аффиксальных.

Следует отметить, что, в большинстве случаев наблюдается смешение двух отдельных терминов при морфологическом разборе того или другого термина, относящегося к синтаксису в сопоставляемых языках и к ним можно отнести сложные слова и словосочетания. Чтобы

избежать этого, предлагаем выявленные различия между этими терминами в последующих частях работы.

В сопоставляемых языках часто наблюдаются три подхода в бесчисленных стремлениях различать понятия «калимаи мураккаб (сложное слово)» и «ибора (словосочетание)».

Первый подход охарактеризуется старанием разделить все виды многокомпонентных комплексов на две группы: *калимаҳои мураккаб – compounds words*, *ибораҳо – phrases*, проведя отчетливую линию разграничения между ними. Совершенно очевидно, что для этого потребуется установить перечень различительных знаков обеих групп.

В следующей части диссертационной работы мы проведём анализ морфемной структуры терминов или терминосочетаний, относящихся к разделам синтаксиса сопоставляемых языках.

2.2.1. Морфемная структура терминов, относящихся к «тартиби калима – word order (порядок слов)» в сопоставляемых языках

Как известно, порядок слов является важнейшим компонентом внешней структуры предложения, то есть расположением элементов лексико-грамматического состава высказывания в установленной линейной последовательности.

В таджикском и английском языках при сравнении понятия порядка слов нужно отметить, что слова в английском предложении расставляются в установленном порядке, который закреплен для каждого типа предложений и, благодаря этому, обладает четкой целью в различии относительно свободного порядка слов в языках с более сформированной системой флексий. При всем том, наблюдается несколько второстепенных и основных способов, которые определяют порядок слов в предложении, не учитывая его соотносительности к тому или другому языку. В функции, осуществляемых порядком слов, заложены принципы, среди которых выделяют эмфатическую, грамматическую, или связывающую и коммуникативную.

Установление грамматического статуса и выражение грамматических связей какого-либо слова путем определения его положения в предложении является основной функцией порядка слов.

В словарной статье предлагается заглавное терминосочетание *тартиби калима* – *word order* вместе со своими синонимами: *сохтори наҳвӣ* – *syntactic structure*, *тартиби наҳвӣ* – *syntactic arrangement*, [Баранов 2001: 351; 241, 45-57].

Следует указать, что такие понятия, как: *тартиби озоди калима* – *free word order* с синонимом *тартиби устувори калима* – *fixed word order* или *flexible word order* выделяются среди гипонимов термина *тартиби калима* – *word order*, однако для английского языка второй более свойственен.

В то же время, следующие два гипонима: *тартиби бевоситаи калима* – *direct word order* с синонимом *тартиби баръакси калима* – *inverted word order* и *тартиби муқарраии калима* – *normal word order* с синонимами *инверсия* – *inversion* и *reverse word order* представляют собой способы расположения слов в предложении.

Следует указать, что в повествовательном предложении английского языка наиболее распространенной моделью прямого порядка слов является следующее: «*мубтадо* – *хабар* – *пуркуннада* – *Subject* — *Predicate* — (*Object*) (*Субъект* — *Предикат* — (*Объект*))». В вопросах, относящихся к подлежащему или к его определению, также употребляется такой порядок слов.

Однако в таджикском языке наблюдается совсем другая картина: *мубтадо* – *пуркунанда* – *хабар* – *Subject* — (*Object*) – *Predicat*.

Известно, что для терминосочетания *инверсияи пурра* – *full inversion* и *инверсияи ноупурра* – *artial inversion* является гиперонимом терминосочетание *тартиби баръакси калима* - *inverted word order* (*обратный порядок слов*), которое может восприниматься как обычный порядок слов, применяемый в вопросительных, восклицательных, отрицательных и повелительных, предложениях, а также и для

стилистического эффекта, а также и для смыслового выделения какого-либо члена предложения в английском языке.

В английской лингвистике существует термин *emphatic word order* – *тартиби эмфатии калима* соединяющего все случаи порядка слов, обеспечивающие экспрессивность речи для второго понятия.

В качестве гипонима по отношению к терминосочетанию *word order* – *тартиби калима* (*порядок слов*), который связывает функцию, предоставляющую возможность продолжения мысли в предложениях, является *linking word order* – *тартиби алоқамандкунандаи калима* (*связующий порядок слов*)

2.2.2. Морфемная структура терминов, относящихся к «ибора –phrase (словосочетание)» в сравниваемых языках

Словосочетание представляет собой распространение члена предложения, соединение двух и более компонентов предложения в синтаксическом аспекте. Его можно рассматривать и как синтаксическую, вычленяемую в предложении, и как номинативную единицу, существующую вне предложения.

До настоящего времени не существует общеустановленной дефиниции относительно синтаксических единиц в лингвистике и имеются существенные разногласия в её толковании в отечественном и зарубежном языкознании и, несмотря на то, что в традиционном изложении словосочетание является одной из стержневых единиц синтаксиса и его изучения наравне с изучением другой синтаксической единицы, т.е. предложения, составляет объект синтаксиса.

Изучение и исследование словосочетания начинается с академика М. В. Ломоносова в русском языкознании. Он не использовал термин «ибора», но высказал все-таки и о сочинении (словосочетание), частей речи, охватывающих правило сочетания слов в предложении на основании управления и согласования» [88, 408].

Ф. Ф. Фортунатов внес значительный вклад в развитие учения о словосочетании. Под термином «словосочетание» он обычно понимает

следующее: «В целом значение, в котором формируется сочетание одного полного слова с другим полным словом» [141. 45].

А.М. Пешковский определяет синтаксис как отдел грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний, и относительно о форме словосочетания отмечает следующее: «О свойстве всего словосочетания, взятого в целом, выделять по звукам и по значению в сознании говорящего и слушающего двоякого рода элементы: вещественные и формальные. Одним из важнейших условий образования словосочетания является одновременное соединение слов и в речи, и в мысли» [106, 36; 36, 100].

Под понятием «ибора (словосочетание)» академик А. А. Шахматов имел в виду следующее: «Объединение слов, которое формирует грамматическое единство, выявляемое зависимостью одного из этих слов от других» [146, 198].

По нашему мнению, словосочетание разделяется на: «законченные» и «незаконченные». Отсюда можно прийти к выводу, что у первого имеется предикативность и интонация, а в других нет их.

Известно, что в середине 50-Х годов ХХ прошлого столетия появились две точки зрения относительно интерпретации и понимания термина «ибора (словосочетание)» в русской лингвистической науке. Согласно первой точки зрения, любое сочетание слов, не обладающее коммуникативной функцией, должно считаться словосочетанием (А. М. Пешковский, А. А. Белошапкова, позже Л. С. Бархударов, Б. А. Ильиш, , Н. Н. Пропокович, В. В. Бурлакова, В. П. Сухотин). Согласно второй точки зрения, словосочетанием считается соединение лишь двух или более самостоятельных частей речи, расположенных в субординативной связи (В. В. Виноградов, А. И. Смириницкий, М. Я. Блох, В. Д. Аракин, О. С. Ахманова, В. Н. Ярцева, Н. Ю. Шведова, Н. С. Валгина, Б. С. Хаймович и Б. Л. Роговская).

Относительно термина «словосочетания» академик В. В. Виноградов выразил свои мысли следующим образом: «лишь такие соединения двух

или более знаменательных слов, имеющих грамматические отношения по смыслу, находятся в субординативной связи, которые выполняют номинативную функцию» [29, 56].

Во второй половине XVIII века наряду с главными членами предложения английский лингвист Р. Лоут стал одним из первых кто использовал термин *phrase*, под которым он понимал следующее: «Сочетаний несколько слов, которые могут составлять часть предложения или даже все предложение» [207, 56].

Генри Суит основоположник научной грамматики английского языка конца XIX столетия в своих трудах отказывается от использования термина *phrase* и вместо него употребляет слова *word-group*, под которым он объясняет следующее: «логическую и грамматическую сочетаемость слов, не образующих предложение, и ставить разграничения между адьюнкта и ядро, а также координативную и субординативную связь между ними» [234, 68].

Однако в отношении вышеупомянутого термина, английский учёный Е. Крейзинг в своих произведениях предлагает следующие термины: «*loose syntactic group* и *close syntactic group* вместо термина *phrase* и *word group*» [198, 33].

Изучение словосочетаний в Таджикистане началось во второй половине двадцатого века. Статья Д. Таджиева появилась в 1955 г., за которой последовали монография А. Халилова (1964 г.), статья М. Н. Касымовой (1965 г.) и, а также статья Ш. Н. Ниязи (1960 г.). По данному вопросу была опубликованна статья Л. С. Пейсикова в 1971 году. О глагольных словосочетаниях таджикского языка первая монографическая работа А. Мирзоева издана в 1972 году. В 2002 году он же защитил докторскую диссертацию, посвященную проблемам словосочетания родного языка в целом. С. Абдурахимов в 1967 году, М. Акрамов в 1977 году защитили кандидатские диссертации по различному типу словосочетаний таджикского языка.

Следует понимать традиционно создаваемое соединение двух или более знаменательных слов под термином «ибора – phrase (словосочетание)», согласующихся по значению, объединенных лексическим или грамматическим средством, они выражают сложное, но разчленимое понятие

Обзор научных работ и анализ словарей, глоссариев относительно термина «ибора (словосочетание)» разрешает определить перечень терминов и терминосочетаний, находящихся близких по своему значению к обороту понятия «word group/phrase» (Chalker 1998: 427) (рус. словосочетание, фр. *groupe de mots*, нем. *Wortgruppe*, исп. *combinacion de palabras*).

Выявляется ряд синонимов, прежде всего, которые включает следующие терминологические единицы со значением «ибора» (словосочетание) в английском языке: *phrase*, *speech measure*, *word combination*, *word cluster*, *word complex*, *syntagm* [237, 23]. Наряду с этим, стоит отметить, что в настоящее время явление синонимии у термина *phrase* в английском языке вызывает сомнение среди лингвистов по причине его полисемичности [253, 428]. Однако, имея ввиду его постоянное употребление в трудах по грамматике, обычно у американских лингвистов, мы его вводим в словарную статью.

Термин ибора – *word group/phrase* (словосочетание) характеризуется сформированной гиперо-гипонимической связью. С точки зрения линейной структуры, если рассматривать термин ибора (словосочетание), то можно выделить такие гипонимы, как *ибораи асосӣ* – *endocentric word group* (эндоцентрическое словосочетание) и *ибораи ғайриасосӣ* – *exocentric word group* (экзоцентрическое словосочетание) [253, 135], следовательно, первому термину сопровождают два меронима: *калимаи асосӣ* – *head* (главное слово) и *марказӣ* – *centre* (центральный), а второму только один – *марказӣ* – *centre* (центр).

В рассматриваемых языках выделяются следующие гипонимы по функциональному и словосочетанию или по критериям: «ибораи исмӣ –

nominal/noun group/phrase (именное/субстантивное словосочетание), ибораи сифатӣ – adjective group/ phrase (адъективное словосочетание), ибораи зарфӣ – adverbial/adverb group/phrase (адвербиальное словосочетание), ибораи феълӣ – verbal/verb group/phrase (глагольное словосочетание) ибораи пайвандакӣ – conjunction group/phrase (союзное словосочетание), ибораи пешояндӣ – preposition/prepositional group/phrase (предложное словосочетание)» [238, 11, 246, 282, 379; 41, 141; 241, 156].

Словосочетания по формальному признаку подразделяются на следующие гипонимы: ибораи сода – simple phrase /word group/collocation (простое словосочетание) и ибораи мураккаб – complex phrase /word group/collocation (сложное словосочетание).

Гипоним ибораи устувор – fixed /phrase /word group (устойчивое словосочетание) с синонимом set expression (устойчивое словосочетание) и антонимом ибораи озод – free phrase /word group (свободное словосочетание) рассматривается по семантическому критерию [253, 153; 241, 157).

Следует отметить, что словосочетания разделяется на гипонимы в роли идентификаторов членов предложения в исследуемых языках, то есть с точки зрения синтаксической функции: «*ибораи муайякунандагӣ – attribute phrase/word group (определяющее словосочетание), ибораи ҳолӣ - adverb phrase/word group (обстоятельное словосочетание), ибораи нуркунандагӣ – object phrase/word group, ибораи хабарӣ - predicate word group, ибораи исмӣ/номӣ - subject word group (субъектное словосочетание)*» [46, 70-78].

Сложные термины, которое входят в данную микротерминосистему составляет примерно 2%. от общего числа терминов. В сложной терминологии сопоставляемых языках основными словообразовательными моделями являются следующие:

а) сложные термины таджикского языка:

1. Adverb+Verb+Suffix: пасояндӣ - postpositional (послеложный), пешояндӣ - prepositional (предложный) [43, 87].

2. Noun+Verb+Suffix: пайвасткунанда - coordinative// coordinating (сочинительный), тобеъкунанда - subordinating (подчинительный) [43, 87].

3. Noun+Wowel+Verb+Suffix: чонишинӣ – pronominal (местоименный) [43, 87].

б) сложные термины английского языка:

1. Prefix+Noun+Preposition *in*+Suffix: determiner - муайянкунанда, детерминатив (определяющее слово, детерминатив) [43, 32].

2. Noun+Conjunction+Suffix: quantifier - квантификатор (квантификатор) [43, 32].

3. Adjective+Conjunction+Suffix: qualifier - квалификатор, муайянкунанда (квалификатор, определитель) [43, 32].

4. Prefix+Noun+Noun: dependent - вобаста (зависимый) [241, 59].

5. Noun+Noun+Verb: parataxis - алоқаи ҳамроҳӣ (примыкание) [241, 78].

6. Verb+Noun+Suffix: government - алоқаи вобастагӣ (управление) [241, 87].

7. Prefix+Noun+Verb+Suffix: adversative - хилофӣ (противительный) [241, 98].

8. Prefix+Noun+Preposition+Suffix: «predicative – хабарӣ» [242, 113].

9. Adv.+V+Suffix: «infinitival – масдарӣ» [43, 115].

Модели *Adv.+V+Suffix* в таджикском и *Noun+Noun+Verb* в английском языке являются наиболее частотной моделью в сложной терминологии данной микротерминосистемы.

В целом, 12 словообразовательных моделей было употреблено в сравниваемых языках (три – к таджикскому и девять – к английскому).

2.2.3. Анализ поликомпонентных терминов, относящихся к словосочетанию по структуре

Семантически целостное сочетание, раздельнооформленное, поликомпонентное, построенное путем соединения двух, трех и более элементов обычно называется терминологическим сочетанием.

Независимо от вида взаимоотношений между элементами, терминологические сочетания, охватывают в целом около 85% от всех анализируемых терминов, относящихся к составным терминам английского и таджикского языков.

В терминологиях по сути терминообразовательные модели не должны различаться от словообразовательных моделей слова общеупотребительного типа лишь по своей принадлежности к профессиональным, а не бытовым понятиям. В сопоставляемых языках микротерминосистем «ибора - wordcombination/phrase, collocation (словосочетание)» образуется по следующим моделям:

а) термины-словосочетания таджикского языка:

1. Сущ.+ Прил.: «ибораи рехта - set phrase, ибораи сода – simple phrase, ибораи озод – free word combination, ибораи исмӣ – nominal/noun phrase» [43, 4-41].

2. Сущ.+Прил.+Предл. +Сущ.: «ибораҳои исмӣ бо сифат – noun phrases with adjective, ибораҳои исмӣ бо исм – noun phrases with noun» [43, 4-204].

3. Сущ.+Прилаг. +Пред.+Сущ+Прилаг.: «ибораҳои исмӣ бо чонишинҳои таъинӣ - noun phrases with definitive pronoun, ибораҳои исмӣ бо чонишини нафсӣ – noun phrases with reflexive pronoun» [43, 4-204].

б) терминосочетания английского языка:

1. Прилаг. + Сущ.: «co-ordinate phrases – ибораҳои пайвасткунанда, subordinate phrases – ибораҳои тобеъкунанда» [241, 45-57].

2. Сущ.+Сущ.: «verb phrases – ибораҳои феълӣ, adjective phrases – ибораҳои сифатӣ» [241, 45-57].

3. Сущ.+Сущ.+Предлог.*with* + Глагол+Сущ.: «noun phrases with postposed adjunct – ибораҳои исмӣ пас аз калимаи муайянкунанда, noun phrases with preposed adjunct - ибораҳои исмӣ пеш аз калимаи муайянкунанда» [241, 45-57].

Таким образом, в таджикском языке три модели использовались, а в английском их количество также составляет три. Модели - *Adj+N*

является более продуктивной в английском языке, а модель *N+ Adj* ее заменяет в таджикском. Такого типа различия убеждают нас в том, что в сопоставляемых языках наблюдаются заметные различия в порядке слов.

2.2.4. Морфемная структура терминов, относящихся к «алоқои наҳвӣ – syntactic relation (синтаксическая связь)»

В исследуемых языках одним из главных синтаксических понятий, которое выражает структурно-семантические связи между основными единицами синтаксиса является терминосочетание *алоқои наҳвӣ – syntactic link* с синонимами *syntactic bond*, *syntactic connection*, *syntactic relation* [241, 134]. Соединение единиц различного уровня (слова и предложения, слова и словосочетания, компонентов аналитической формы и значения слова, самостоятельного и служебного слова) является начальной функцией таких отношений, а единицы одного уровня (слов или предложений) – вторичной. При всем этом, вышеупомянутые функции синтаксической связи предоставляют нам вероятность поставить анализируемый термин в отношении «компонента» предложения.

Наиболее распространенный традиционный подход предполагает, что такие термины, как *пайваст – coordination (сочинение)* и *тобеъ - subordination (подчинение)* являются ее основными типами в исследуемых языках, применяемый к понятию синтаксической связи, главными функциями которых являются отношения неоднородности (зависимости) и однородности (равноправия) объектов. Кроме того, существует понятие, выражаемое термином - *juxtaposition (соположение)* недифференцированной связи в синтаксисе, при которой показатель связи отсутствует, но, сохраняются связи равноправности компонентов в той или другой критерии.

В обоих языках предлагается пользоваться терминами *алоқои тобеъ - parataxis (паратаксис)*, включающим в себя сочинение и соположение, и *алоқои пайваст - hypotaxis (гипотаксис)*, представляющим подчинение для различения вышеуказанных связей

Бархударов, Ахманова, Блох объясняют тем что, терминосочетание *алоқаи предикативӣ – predication* является еще одним видом синтаксической связи в рассматриваемых языках. Тем не менее, по своей сути данный вид связи может занимать главенствующее связующее положение, потому что устанавливает отношение между членами предложения – подлежащим, и другие части предложения, что превращает сочетание слов и терминов в предложение и позволяет актуализировать виртуальные элементы языка.

Следовательно, такие терминосочетание как: *алоқаи тобеъ – parataxis (паратаксис)*, *алоқаи пайваст – hypotaxis (гипотаксис)* и *алоқаи предикативӣ – predication (предикация)* выступают как главные гипонимов по отношению к терминосочетание *алоқаи наҳвӣ – syntactic relation (синтаксическая связь)*.

Следует отметить, что следующие гипонимы в рассматриваемых языках соответствуют термину *алоқа – coordination (сочинение)* и его синониму *пайваст – conjoining (соединение)* [43, 97]: *алоқаи пайвандақдор – syndetic coordination (союзное сочинение)*, где термин *алоқаи пайваст – coordinators (сочинительные союзы)* вступает в отношении компонента; *алоқаи бепайвандақ – asyndetic coordination (бессоюзное сочинение)* с синонимом *алоқаи бепайвандақ – unlinked coordination (разъединенное сочинение)*; *combinatory coordination (комбинаторное сочинение)*; *segregatory coordination (сегрегаторное сочинение)*; *алоқаи таркибӣ – multiple coordination (составное сочинение)* с синонимом *алоқаи мураккаб – complex coordination (сложное сочинение)* и антонимом *алоқаи сода – simple coordination (простое сочинение)* [43, 97].

Сравнительно второго вида синтаксической связи – *тобеъ (подчинения)*, следует указать, что, несмотря на традиционно выделяемые в нем понятия *мувофиқат (согласования)*, *алоқаи вобастагӣ (управления)* и *алоқаи ҳамроҳӣ (примыкания)*, последнее из них широко употребляется лишь в отечественной лингвистике. Благодаря этому гипонимами термина *тобеъ – subordination (подчинение)* с неполным

синонимом *бартарияти яктарафа* – *monolateral (one-way) domination* (одностороннее доминирование) являются *мувофиқат - concord* (согласование) и *алоқаи вобастагӣ - government* (управление) [43, 78].

Терминосочетаниями, расположенными в отношении элементов подчинения как такового являются *калимаи вобастабуда – adjunct (expansion)* (зависимое слово) и *калимаи асосӣ/калидвожа - headword (kernel)* (главное слово) [43, 78].

Наряду с этим, термин *мувофиқат – concord* (согласование) в английском языке с синонимом *agreement* (согласование) выступает в качестве гиперонима по отношению к группе терминов: *мувофиқати грамматикӣ – grammatical concord (agreement)* (грамматическое согласование); *мувофиқати маъноӣ – notional concord (agreement)* (смысловое согласование (синезис)); *мувофиқати гайриграмматикӣ - proximity concord (agreement)* (неграмматическое согласование) [43, 78].

Следует отметить, что такие терминосочетания, как *prepositional government – алоқаи пешоянддор* (предложное управление), *verbal government* (глагольное управление), *prepositionless government – алоқаи бепешоянд* (беспредложное управление) [241, 56].

Рассматривая термин *предикатсия - predication* (предикация), можно прийти к выводу, что его позиции в системе синтаксических связей не совсем ясна. Некоторые ученые интерпретируют *предикатсию - predication* (предикация), расположенную рядом с подчинительной и сочинительной, как синтаксическую связь, а другие рассматривают в ней вид неprisловной подчинительной связи.

Таких гипонимов, как *secondary predication* (вторичная предикация) с синонимами *предикатсияи нопурра – semi-predication, potential predication* (неполная предикация), и *предикатсияи ибтидоӣ – primary predication* (первичная предикация) с синонимами *предикатсияи пурра – full, genuine, complete predication* сопровождают в словарной статье термину *предикатсия - predication* (предикация) [43, 143].

2.2.5. Морфемная структура терминов, относящихся к «чумла – sentence (предложение)»

Термин *чумла – sentence (предложение)* является стержневым понятием данного параграфа. Говоря о предложениях естественного человеческого языка, Ф.Ф. Фортунатов отмечает следующее: «Мысль, выражающуюся в предложении, как психологическое суждение. Определение психологическое прибавляют с той целью, чтобы не давать повода смешивать суждение в его психологической стороне, рассматриваемое в процессе его образования, как известное духовное явление, с суждением, о котором говорит логика, имеющая задачей исследование условий правильного мышления» [139, 67; 36, 102].

А. А. Шахматов исходит из основной функции языка – коммуникативной, рассматривая язык как: «Средство общения в определении синтаксических понятий. Так, например, *предложение* определяется им как облеченное в одно грамматическое целое словесное (выражение коммуникации), а *сказуемое* как грамматически господствующее слово зависимого состава (выражающего предикат коммуникации)» [133, 213 – 224; 36, 103].

Взаимоотношение предложения с понятием высказывания подводит нас к выяснению включения предложения в речевой акт. Среди массы имеющихся интерпретаций понятия высказывания наиболее подходящей видится разъяснение, заключающееся в том, что высказывание наряду с остальными единицами речевого общения, а также в процессе изучения закономерностей функционирования предложения в речи, необходимость выделения которой была осознана в свете анализируемых нами парадигматических отношений между терминами и терминосочетаниями. То есть, предложение может приобрести квалификацию или систематизацию – высказывание, которое «гүфтор (высказывание) – это любая линейная часть речи как коммуникативная единица в предоставленной речевой ситуации,

осуществляющее коммуникативную функцию и в условиях полного для оповещения о чем-то.

То сообщение, которое прямо информируется высказыванием, также относится к компонентному разделению. В современной лингвистике среди различных вариантов названия такого членения (контекстуальное членение, функциональная перспектива, смысловое, коммуникативное) безраздельно господствует понятие актуального членения предложения.

Следует указать, что актуальное членение не является константным, отдельные предложения осуществляют более двухсот способов подобного членения в отличие от грамматического, реализуется редко в пределах высказывания, таким образом, обеспечивая оригинальную привязку высказывания к предметному контексту и позволяя варьирование такого лексико-грамматического состава, как *данное* (освоенное, известное) и *новое*. Все наименования, выражающие анализируемое противопоставление, в настоящее время вытеснены терминами *тема* - *theme* (*тема*) и *рема* - *rheme* (*рема*) которые в роли «компонента» высказывания мы и включаем в подготавливаемый нами англо-русско-таджикский словарь синтаксических терминов (около 2000 слов и словосочетаний).

Термины *тема* и *рема* для обозначения понятий отправной точки в процессе общения, предмета высказывания широко используется К. Боостю следующим образом: «Термин *рема* восходит к древнегреческой традиции и связан с необходимостью обозначения части высказывания, более протяженной в линейном развертывании предложения, чем сказуемое. На основе определенного знания разделяемого говорящим и слушающим, и пока-еще-незнания слушающего развертывается содержание мысли, выраженной в данной единице речи» [160, 57; 36, 115].

Можно утверждать, прежде всего, что термин *хабарият* – *predicativity* в предложении имеет следующие функции: «Оно используется только тогда, когда некой сущности (предмету/явлению)

реальности говорящий приписывает (преддицирует) некий признак, который обладает своим именем, но принадлежит не действительности, а мысли говорящего, анализируя свойства предложения, отличающие его от других синтаксических единиц (сочетаний и словоформ)» [23, 56]. А оно должно, как пишет, устанавливать очерчиваемый факт по отношению ко времени информации и позиции говорящего для того, чтобы любое предложение стало актуализированной единицей речи — высказыванием.

Традиционно семантические, или денотативные роли разделяются на *хабар* – *предикаты* (это признаки, отношения, действия, объединяющие участников обстоятельства друг с другом) и *аъзоҳо* – *participants* (партиципаны (участники события – ситуации и актанты и свойства событий - сирконстанты) в пределах ролевой, или так именуемой «падежной» концептуальности или концепции.

В этой части исследования мы анализируем термин *аъзоҳо* – *participants* (*партиципаны*) в качестве стержневого компонента по отношению к понятию предложения, термины *актант* – *actant* (*актант*) с синонимом *далел* – *argument* (*аргумент*) и *сирконстант* – *circumstant* (*сирконстант*) как гипоним по отношению к понятию *аъзоҳо* – *participants* (*партиципаны*), а термин *нақши семантикӣ* – *semantic roles* (*семантические роли*) выступает как «функция» для вышеупомянутых компонентов предложения, и которая более подробно представлена в параграфе «аъзоҳои ҷумла – clause elements – члены предложения» при характеристике семантических функций членов предложения.

2.2.6. Морфемная структура терминов, относящихся к «ҷумлаҳои – сода (простые предложения)»

Мы считаем необходимым толковать дефиницию самого термина, «ҷумлаҳои сода», прежде чем, приступить к рассмотрению терминов и терминосочетаний, относящихся к нему в исследуемых языках.

Следует отметить, что терминосочетание *ҷумлаи сода* – *simple sentence* (*простое предложение*) обладает довольно разветвленной структурой.

Терминосочетание *чумлаи якхабара* - *monopredicative sentence* (*монопредикативное предложение*) является синонимом, а терминосочетаний *чумлаи мураккаб*, *мураккаби тобеъ* - *complex sentence* (*сложное, сложноподчиненное предложение*), *чумлаи мураккаби пайваст* - *compound sentence* (*сложносочиненное предложение*), *чумлаи дорои алоқаи пайваст ва тобеъ* – *compound-complex sentence* (*предложение с сочинением и подчинением*) [47, 89-97] выступают в качестве антонимов, а большое количество терминов и терминосочетаний являются гипонимами, которые называют отдельные виды простых предложений.

Следующие термины служат гипонимами понятию *чумлаи сода* - *simple sentence* (*простое предложение*) в связи с перечисленными критериями: «*чумлаи тафсилӣ* – *expanded sentence* или *extended sentence* (*распространенное предложение*); *чумлаи хуллас* - *unexpanded sentence* или *unextended sentence* (*нераспространенное предложение*)» [46, 89-97].

В синтаксической теории лингвисты пользуются различными терминами при определении данного принципа классификации предложений. Н.Ф.Иртеньева разделяет предложения по цели высказывания и называет не два типа [66, 29-32], как это сделал Л.С. Бархударов, а три: *ҳикоягӣ* (повествовательные), *саволӣ* (вопросительные) и побудительные [19, 78]. Каждое из этих предложений может быть восклицательным.

Рассматривая понятие классификации предложение лингвист Б. Н. Головин пришел к следующему выводу: «Подобную классификацию связывает предложений с категорией, которая со своим значением придает самые общие различия в отношении сознание человека к содержанию высказывания. Отсюда деление всех предложений по значению категории модальности и на повествовательности, вопросительные, побудительные, восклицательные и иные» [40, 87-98].

По характеру подлежащего Н. Ф. Иртеньева выделяет четыре основных структурно – семантических типа среди двусоставных

предложений современного английского языка: «личные, неопределенно личные, обобщенно – личные, безличные» [66, 29-32].

С. М. Барсова классифицирует простое предложение по признаку состава, который выражен в терминах морфологической характеристики основных членов модели предложения с дополнительным делением по признаку независимости: «1) независимые модели, способные к изолированному употреблению (нейтральные к окружению); 2) контекстуальные модели, ограниченные в употреблении определенным и условным контекстуальным окружением» [18, 34-35].

Известно, что по полноте наличия членов предложения разделяются на неэллиптические (полные) и эллиптические (неполные).

П. С. Бархударов справедливо отмечает следующее: «что единицы, являющиеся маркированным членом второй оппозиции, могут быть восполнены синтагматически или парадигматически. Если представленные нулевым вариантом слово или слова восстанавливаются в своем варианте из окружающего контекста, то такое предложение называется синтагматически восполняемым» [19, 89].

Если же восстановление данного слово или слов возможно только на основе других аналогичных конструкций языка, не зарегистрированных в контекстуальном окружении данного эллиптического предложения, то предложение называется парадигматически, восполняемым.

Мнение Б. С. Хаймовича относительно эллиптических предложений заключается в том, что “чумлаҳои ноपुरра – incomplete sentences (неполные предложения) существуют только в изолированном виде. Эти же предложения вполне полные в соответствующем окружении [140, 54].

Б. Н. Головин отмечает, что “неполные предложения работают только поэтому, что они соотвесны с полными или даже хорошо известная и понятной реальной обстановкой, называть которую говорящим нет надобности” [40, 98].

В последние годы синтаксическая теория обогатилась новыми грамматическими синтаксическими категориями, которые нашли свое отражение в работах Л. С. Бархударова, А. М. Мухина, Э. Н. Плеухиной, Б. С. Хаймовича.

Б. С. Хаймович и Б. И. Роговская называют оппозицию простого повествовательного и вопросительного предложения термином “категория презентации” [140, 54]. Э. Н. Плеухиной справедливо возражает против этого термина, так как он не отражает основного грамматического значения, определяемого данной категорией, и предлагает назвать данную оппозицию категорией повествовательно – вопросительной коммуникации. Убедительным представляется несогласие Э. Н. Плеухиной с выделением категории выразительности в качестве синтаксической категории, “поскольку употребление синтаксических и аналитических глагольных форм остается и релевантным на уровне предложения” [107, 9].

Как видим, простое предложение представляет собой очень важную многоаспектную синтаксическую единицу. Несмотря на наличие содержательных лингвистических трудов, по этому вопросу, простое предложение все еще остается интересным объектом исследования на всех уровнях.

Изучение и исследование структуры предложения и его функционирования в разных подъязыках и стилях, его причин и эволюции, вызывающие разнообразие конструкций в английском языке, требует самой жизнью.

Изучение структуры простого предложения подтверждает правильность выводов о том, что двусоставность предложения является типичной для современного английского языка. В авторской речи художественной прозы 98% изучаемых синтаксических единиц являются полными двусоставными предложениями; в периодической печати они составляют 97%. Такое явление, по-видимому, объясняется тем, что

избранные нами подъязыки относятся к нормированной литературной речи, где всегда имеет место избирательность языковых средств.

Односоставные предложения в авторской речи представлены 0.8% и 1.6% в прессе.

В анализируемых нами источниках встречаются такие синтаксические единицы, которые в изолированном виде не поддаются грамматическому анализу.

Понятие неполных предложений обуславливается контекстом, речевой ситуаций. В грамматическом отношении они характеризуются не выраженностью некоторых компонентов, их синтаксической незамещенностью. Функционирование неполных предложений как полноценных единиц общений - это следствие действие общих закономерностей построений предложений, закона языковой экономии. На появление их могут оказывать влияние и экстралингвистические факторы.

Исходя из содержания и формы семантического аспекта предложения, выделение следующих признаков или классификация предусматривает следующие термины:

- термины, относящихся к типам предложении по цели высказывания: саволї – interrogative (вопросительный), хикоягї – declarative (повествовательный);
- термины, имеющие характер предикативных отношений: тасдиқї – declarative (утвердительный), инкорї – negative (отрицательный).
- термины, имеющие эмоциональную характеристику: бетарафї – neuteral нейтральный, хитобї – exclamatory (восклицательный)

Следующие термины-гипонимы в английском языке на основании содержания обозначаемых типов предложений объединяет данную классификацию: *declarative sentence* – *чумлаи хикоягї* (повествовательное предложение) с синонимом *narrative sentence* со своими гипонимами, представленными терминами *чумлаи инкорї - negative sentence* (отрицательное предложение) и *чумлаи тасдиқї – affirmative sentence*,

осуществляющие функцию, выраженную термином *масдиқ* – *statement* (*утверждение*). Можно выделить следующие терминосочетаний среди гипонимов повествовательного предложения: *чумлаи бепахс* - *impersonal sentence* (*безличное предложение*) [46, 112-125].

Терминосочетание *interrogative sentence* - *чумлаи саволӣ* (*вопросительное предложение*) с функцией *савол* - *question* (*вопрос*) и большой группой когипонимов, является второстепенным из главных семантических гипонимов простого предложения: *чумлаи саволи бевосита* - *direct interrogative sentence* (*прямое вопросительное предложение*), с синонимом *саволи бевосита* - *immediate question* (*прямой вопрос*); *чумлаи саволи бавосита* - *indirect interrogative sentence* (*косвенное вопросительное предложение*); *саволи умумӣ* – *general question* или *yes-no question* (*общий вопрос*); *саволи махсус* – *wh-question* или *special question* (*специальный, опосредованный, дополнительный, направленный, частичный, развернутый вопрос*) с гипонимами *саволи махсуси инкорӣ* - *negative wh-question* (*отрицательный специальный вопрос*), *саволи махсуси одӣ* - *positive wh-question* (*положительный специальный вопрос*); *саволи алтернативӣ* - *alternative question* (*альтернативный вопрос*); *саволи ҷудоӣ* - *tag question* (*расчлененный вопрос*) с гипонимами *саволи ҷудоии амрӣ* - *imperative tag question* (*повелительный расчлененный вопрос*), *саволи ҷудоии хитобӣ* - *exclamative tag question* (*восклицательный расчлененный вопрос*), *саволи ҷудоии дигаршакл* - *invariant tag question* (*инвариантный расчлененный вопрос*); *саволи хитобӣ* - *exclamatory question* (*восклицательный вопрос*); *масдиқи саволдор* - *rhetorical question* (*риторический вопрос*); *саволи хабарӣ* - *declarative question* (*повествовательный вопрос*), *саволи мутақобил* - *counter-question* (*встречный вопрос*); *саволи инкорӣ* - *negative question* (*отрицательный вопрос*); *савол –эхо* - *echo question* (*вопрос-эхо*) [46, 112-125].

Простое предложение третьего типа включает следующие терминосочетаний: *чумлаи амрӣ* – *imperative sentence* (*повелительное предложение*) с гипонимом *чумлаи амрии ифодакуннадаи амр* - *jussive*

sentence (повелительное предложение, выражающее команду), осуществляющим функцию, в целом проявленную термином *дастур*, *супориш – directives* (инструкция, указания) [46, 112-125].

Терминосочетание *чумлаи хитобӣ* - *exclamatory sentence* (восклицательное предложение) ставит точку на семантическую систематизацию или классификацию со словом *хитоб* - *exclamation* (восклицание).

Таким образом, согласно их структуре, можно разделить все собранные термины на простые, производные и сложные:

1. Простые производные термины. В данную микротерминосистему их вклад составляет около 44% от тотального количества терминов, например: *нопура* - *incomplete* (неполный), *ҳикоягӣ* - *declarative* (повествовательный) [46, 207, 206]; *classification* - *гурӯхбандӣ* (классификация), *sentence* - *чумла* (предложение) [241, 29].

Производные термины, относящиеся к «чумлаи сода –simple sentence (простое предложение)» создаются по следующим моделям:

(1) образование терминов при помощи префиксов или префиксальная модель: *declarative* - *ҳикоягӣ* (повествовательный), *бешахс* - *impersonal* (безличный);

(2) образование терминов при помощи суффиксов: *саволӣ* - *interrogative* (вопросительный), *инкорӣ* – *negative* (отрицательный), *тафсилӣ* - *extended* (распространённый) [46, 205, 206, 207]; *special* – *махсус* (специальный), *simple* – *сода* (простой) [241, 64-66].

Следовательно, при образовании данной группы терминов огромную роль играют префиксы и суффиксы. Приставки *ex-* в таджикском языке и *be-* в английском, и суффиксы *-le*, *-ed*, *-ive* в английском и соответственно *-ӣ* в таджикском зафиксированы наибольшей частотностью.

Сложные термины или термисочетания.

а) сложные термины таджикского языка:

1. Numeral+Noun+Suffix: дутаркиба- two-member (двусоставный), яктаркиба - one-member - (односоставный) [46, 206].

б) сложные термины английского языка:

1. Префикс+Суффикс+Пред.+Суффикс: interrogative – саволи (вопросительный) [241, 64].

2. Префикс+Предл. +Предл+суффикс: imperative – амри [241, 67].

3. Префикс+Префик+Глагол+Суффикс: unextended – тафсил [241, 68].

4. Числ. +Сущ.: one-member – яктаркиба, two-member – дутаркиба [241, 68, 67].

5. Сущ.+Сущ.: alternative – алтернатив [241, 66].

В таджикском языке модель *Numeral+Noun+Suffix* является наиболее частотной моделью в сложной терминологии данной микротерминосистемы; в английском языке ей соответствует модель– *Numeral +Noun*.

2.2.7. Структура составных терминов, относящихся к простому предложению

В целом от всех анализируемых таджикских и английских терминов, относящихся к *чумлаи сода – simple sentence (простое предложение)* терминологические сочетания составляют примерно 80% независимо от вида взаимоотношений между элементами.

Подавляющее большинство терминословосочетаний между составляющими их элементами создаются на базе атрибутивных отношений по характеру смысловых отношений. Термины-словосочетания образуются по следующим моделям, которые составляют микротерминосистему «чумлаи сода – simple sentence» в сравниваемых языках:

а) термины-словосочетания таджикского языка:

1.Noun+ Adjective: «чумлаи яктаркиба – one-member sentence, чумлаи сода – simple sentence» [46, 205-219].

а) термины-словосочетания английского языка:

1. Прилаг. + Сущ.: «exclamatory sentence – чумлаи хитобӣ, declarative sentence – чумлаи хабарӣ /ҳикоягӣ, simple sentence – чумлаи сода» [241, 69-115].

Следовательно, в образовании составных терминов, относящихся к чумлаи сода – simple sentence (простое предложение) в рассматриваемых языках были использованы 2 терминообразовательных моделей.

2.2.8. Морфемная структура терминов, относящихся к «аъзоҳои чумла – clause elements (члены предложения) в сопоставляемых языках

В составе предложения члены предложения, которые являются минимальными синтаксическими единицами, выделяются на основании формальных признаков и функции. Они строятся на основе частей речи, то есть выражаются отдельно взятыми словоформами или сочетанием слов.

Следует отметить, что автономное слово в предложении, синтаксическая форма самого слова, безусловно, представляют члены предложения. В члене предложения как в синтаксической единице в то же время выражаются вещественное и грамматическое значение. Вещественным значениям лексики отображаются обусловленные признаки, действия и объекты.

Любая функциональная часть, рассматриваемая в структуре предложения в таджикском и английском языках, во многих грамматических описаниях подразумевается под членом предложения.

Разграничение главных и второстепенных членов предложения (“head words” и “adjunct-words”), а также определений (“modifiers”) и определяемых членов предложения (“modified”) имеет большое значение в плане изучения синтаксических отношений между словами.

Терминосочетание *аъзоҳои чумла - clause elements (члены предложения)*, употребляемый с синонимами в английском языке в форме *parts of the sentence* и *sentence parts* является гиперонимом по

отношению, в первую очередь, к группе терминов, обозначающих обобщенные понятия. Следующие термины-гипонимы входят в этот список: «*саръзоҳои ҷумла – principal elements* или *parts of the sentence* с синонимом *main/principal elements of the sentence* и *аззоҳои найрави ҷумла – secondary elements/parts of the sentence* с синонимом *optional elements* или *parts*» [46, 64-66].

Подлежащий и сказуемое в обоих языках понятий относятся к главным членам предложения. Однако, широко применяются термины *мубтадо – subject* и *хабар – predicate*, проникнувшие из логики и обладающие максимальным объемным значением для их обозначения в современной лингвистике.

Необходимо отметить, что при анализе главных членов предложения в таджикском и английском языках почти не наблюдаются каких-либо очевидных расхождений. Все шире распространяется точка зрения, что согласно философии *субъект (subject)* и *предикат (predicate)* являются, взаимообусловленными уровнями, которые просто не могут существовать друг без друга, и это очерчивается на сегодняшний день, как в зарубежной, так и в отечественной языкознании.

Относительно второстепенных членов обстановка не столь однозначна так, например, нет равноценного эквивалента термину *пуркунанда – complement (дополнение)* в таджикском языке. Поскольку в английской грамматике, он является полноправным элементом предложения, мы его включаем в словарь со всеми особенностями, присущими собственно английскому языку. Дискуссионное отношение также появляется к термину *муайянкунда - attribute (определение)*. Несмотря на его независимость, согласованность с определяемым словом, все же в таджикском языке оно отдельно представлено в качестве второстепенного члена предложения. В некоторых источниках по грамматике английского языка можно также встретить термин

муайянкунанда - *attribute* (определение) с синонимом *adjunct* (адъюнкт, определение) в роли второстепенного члена предложения.

Исходя из этого, можно сказать, что существенная роль и функции определения как второстепенного члена предложения в обоих языках возложены на такие термины, как *ҳол* - *adverbial* (обстоятельство) и *пуркунанда* - *complement* (дополнение).

Таким образом, в словаре выделяются пять элементов структуры предложения: *мубтадо* - *subject* (субъект), *хабар* - *verb* или *predicate* (сказуемое, предикат), *муайянкунанда* - *attribute* (определение), *пуркунанда* - *complement* (дополнение) и *ҳол* - *adverbial* (обстоятельство) в соответствии с наиболее распространенным современным подходом к синтаксису таджикского и английского предложений.

С одной стороны, изучение научных трудов по вопросу членов предложения в грамматике таджикского и английского языков приводит нас к раскрытию обширного спектра семантических связей, которые связывают в единое семантическое поле с заглавным термином не менее широкий перечень терминологических единиц *аъзоҳои ҷумла* – *clause elements* – члены предложения, но, с другой стороны, каждый из вышеупомянутых терминов довольно автономен, располагает своими, лишь ему свойственными иерархическими связями, и, таким образом, рассматривать их в словаре целесообразнее по отдельности.

Термин *мубтадо* – *subject* (субъект) определяется как главный член предложения, соответствующий объекту суждения в грамматической традиции. Однако, термин *подлежащее* для обозначение этого члена предложение используется в русском языке часто, который на таджикском переводится как *мубтадо*. Однако, при сопоставлении понятий субъекта и подлежащего необходимо отметить, несмотря на наличествующую полисемию термина *субъект* - *subject* (субъект), он - интернационален, а термин *подлежащее* является калькой латинского слова *subjection*, обладает гораздо максимальным ограниченным использованием, имеющие отношение лишь к синтаксической структуре

предложения (плану выражения), и без внимания оставляет содержание, смысл и формы предложения.

Термин *verb – феъл (глагол, сказуемое)* источниках в англоязычных преимущественно при определении второго главного члена предложения [224, 720, 253, 415]. При этом, в настоящее время, в связи с некоторыми различительными свойствами указанного термина в значении *феъл – verb (глагол)*, приоритет передается его синониму *хабар – predicate (предикат)*, что особенно наблюдается в отечественной лингвистике.

Терминсочетание *хабари мураккаб – compound predicate (составное сказуемое)* также имеет два основных гипонима: *хабари таркиби феъл – compound verbal predicate*.

Терминосочетания *бандаки феъл – link verb (глагол-связка)* и *қисми номи хабари таркиб – predicative (именная часть составного сказуемого)* в том случае представляется в качестве компонентов по отношению к *хабари таркиби ном – compound nominal predicate (составное именное сказуемое)* [46, 64-76].

Анализируя понятие *хабар – predicate (предикат, сказуемое)* мы будем опираться на два основных семантических типа сказуемого-предиката: «*хабари ҷараён – processual predicate (процессный предикат)*, выражает бытё, состояние или действие, и *хабари сифат – qualificative predicate*, выражающее свойство субъект и такие терминосочетания, как *хабари ҳолат – statal predicate*, *хабари мавҷуда – existential predicate*, *хабари нисб – relational predicate*, *хабари макон – local predicate*, (*реляционный предикат*) и *хабари амал – actional predicate (акциональный предикат)* являются гипонимами термина *хабари ҷараён – processual predicate (процессное сказуемое)*» [46, 64-76].

По мнению авторов, академическое грамматике, таких терминословосочетания, как: «*хабари тасниф – classifying predicate*, *хабари тасниф – characterizing predicate* и *хабари таъин – identifying predicate* являются гипонимами термина *хабари сифат – qualificative predicate (квалификативный предикат)*» [46, 64-76].

В таджикском языке термин «муайянкунанда – attribute (определение)» по структуре является сложным, поскольку он состоит из прилагательного *муайян* (определенный) и основы глагола настоящего времени *кун* (*делай, сделай*), т.е. и суффикса – *анда*, который образует причастие.

В таджикском языке термин «пуркунанда – object (дополнение)» сложный по структуре: он состоит из основы настоящего времени глагола *кун* и суффикса – *анда*, обрезающего причастие и наречия *пур*. В английском языке термин «object – пуркунанда (дополнение)» по составу простой. Этот термин был заимствован английским языком в поздний средневековый период из латинского языка в форме *objectum*.

Таким образом, дополнение как второстепенный член предложения, относящийся к существительным, прилагательным, числительным, наречиям или глаголам, обозначает объект, на который передается действие.

Традиционно различаются два основных типа дополнения с точки зрения грамматических особенностей объекта и значения: *пуркунандаи бевосита* - *direct object* (*прямой, непосредственный, первичный объект*), напрямую получающий действие глагола и *пуркунандаи бавосита* - *indirect object* (*вторичный, не прямой объект, косвенный, опосредствованный*), в котором имеет более отдаленный характер предметно-процессного отношения.

Наряду с этим, терминосочетание *пуркунандаи бевсита* - *direct object* (*прямой объект*) в грамматике употребляется согласно одним лингвистов со своим гипонимом, [46, 64-76], а, согласно другим синонимом *пуркунандаи бенешоянд* - *non-prepositional object* (*беспредложный объект*).

Прямое дополнение выражается следующими терминами по семантическим функциям: *пуркунандаи амал* – *patient* или *affected object* (*пациент*), *пуркунандаи макон* - *locative object* (*объект-место действия*), *пуркунандаи ҳолат* - *eventive object* (*объект-событие*) [46, 64-76].

Терминосочетание *пуркунандаи бавосита* – *indirect object* с синонимом *пуркунандаи ишорат* - *object of reference* [46, 64-76] имеет два гипонима: *пуркунандаи бавоситаи бенешоянд* - *indirect non-prepositional object* (косвенный беспредложный объект) и *пуркунандаи бавоситаи пешоянддор* - *indirect prepositional object* (косвенный предложный объект) [46, 64-76].

По структуре термин «ҳол» (обстоятельство) будучи простым, заимствован в таджикском языке из арабского. По нашему мнению, этот термин состоит из трех компонентов: *adverbial+of* + *modifier* в английском языке, который по составу является терминосочетанием.

Обстоятельство как второстепенный член предложения в рассматриваемых языках, обозначает признак действия или признак другого признака и всегда зависит от сказуемого.

В структурном плане выделяются следующие термины-гипонимы: *ҳоли сода* - *simple adverbial* (простое обстоятельство), состоящий из одного слова, *ҳоли мураккаб* - *complex adverbial* (сложное обстоятельство), состоящий из двух и более слов, и *ҷумлаи пайрави ҳол* - *clausal adverbial* (обстоятельство придаточное предложение), осуществляющий функцию придаточного предложения.

Все собранные термины, выполняющие функцию членов предложения согласно их морфемной структуре можно разделить на следующих групп.

1. Вклад простых производных терминов составляет около 27% в данную микротерминосистему от тотального количества терминов, например: «хабар - predicate (сказуемое), мубтадо - subject (подлежащее), мухотаб - address (обращение), хол – adverbial modifier (обстоятельство); direct - бевосита (прямой), cognate - хамреша (однокоренной), subject - мубтадо (подлежащее)» [46, 227-367; 241, 69-80].

2. Простые производные термины. От общего количества терминов их вклад составляет около 44% в данную микротерминосистему, например: «таркибӣ – composite (составной), феълӣ - verbal (глагольный), бевосита - direct (прямой), номӣ - nominal (именной)» [46, 227-367].

Производные термины, относящихся к *аъзоҳои ҷумла – parts of the sentence* образуются по следующим моделям в исследуемых языках:

- (1) префиксальный модель: «бавосита – indirect, бевосита – direct» [241, 69-80].
- (2) суффиксальный модель: изофӣ - izaphet (изафетный), чида - homogenous (однородный) [46, 227-367]; objective - объективӣ (объектный), direction - (направление) [241, 69-80].
- (3) модель с приставкой и суффиксом или префиксально-суффиксальная модель: homogeneous - чидааъзо (однородный), predicate - хабар (сказуемое) [241, 69-80].

При создание данной группы терминов значительную роль играли приставки и суффиксы. приставки *бе-, ба-* в таджикском, и *pre-, homo-* в английском отмечены максимальной частотностью, а также в английском *-ed, -le, -ment, -tion*, в таджикском языке суффиксы *-ӣ, -а*.

Сложные термины в сравниваемых языков. В данную микротерминосистему общее количество терминов и терминосочетаний составляет около 2%. Основные терминообразовательные модели, относящиеся к *аъзоҳои ҷумла – parts of the sentence* являются следующие в сложной терминологии сопоставляемых языках:

а) сложные термины таджикского языка:

1. Сущ.+Сущ.: чидааъзо – homogeneous, сараъзо – principal clause [46, 68].
2. Noun+Verb+Suffix: муайянкунанда - attribute (определение); пуркунанда - object (дополнение) [46, 89].

б) сложные термины английского языка:

1. Noun+Prefix+Suffix: parenthesis - калимаи туфайлӣ (вводное слово) [241, 80].
2. Prefix+Noun+ Suffix+Suffix: predicative - предикатив (предикатив) [241, 69].
3. Verb+Noun: consequence - натиҷа (следствие) [241, 80].
4. Verb+Noun+Suffix: condition - шарт (условие) [241, 69].
5. Pronoun+Wowel+Adjective: measure - андоза (мера) [241, 69-80].

В сложной терминологии данной микротерминосистемы в сопоставляемых языках наиболее частотной моделью являются модель *Сущ.+Сущ.* в таджикском и *Сущ.+Преф. +Суф.* в английском. Максимальной частотностью отличается суффиксальный способ терминообразования, а минимальной частотностью характеризуются префиксальный способ и словосложение в микротерминосистеме *аъзоҳои ҷумла – parts of the sentence*.

2. 2. 9. Структура составных терминов, относящихся к членам предложения

В таджикском и английском языках рассматриваемые термины, относящиеся к *аъзоҳои ҷумла – parts of the sentence* (члены предложения) составляют в целом примерно 70% всех независимо от типа взаимоотношений между элементами этих терминологических сочетаний.

Термины-словосочетания, составляющие микротерминосистему *аъзоҳои ҷумла – parts of the sentence* образуются в сопоставляемых языках по следующим моделям:

а) термины-словосочетания таджикского языка:

1. Сущ. + Сущ.: «ҳоли миқдор – adverbial modifier of quantity, сараъзоҳои ҷумла – principle parts of the sentence» [46, 227-316].
2. Сущ. + Сущ.+ Сущ.: «ҳоли миқдору дараҷа – adverbial modifier of quantity and degree, аъзоҳои пайрави ҷумла – secondary parts of the sentence» [46, 227-316].
3. Сущ. + Прил.+ Прилаг.: «хабарҳои феълии сода – the simple predicate, хабарҳои феълии таркибӣ – the compound verbal predicate» [46, 227-316].
4. Сущ. + Сущ. + Предлог *бо*+ Сущ.: «ифодаи хабар бо сифат – expression of the predicate with the adjective, ифодаи хабар бо исм – expression of the predicate with the noun» [46, 227-316].
5. Сущ. + Сущ + Предл.*бо* + Сущ.+ Прилаг: «ифодаи муайянкунанда бо сифати феълӣ- expression of the attribute with Participle I, ифодаи хабар бо сифати феълӣ- expression of the predicate with the ParticipleI» [46, 227-316].

а) термины-словосочетания английского языка:

1. Сущ.+Предд *of*+Артикл *the*+Сущ.: «parts of the sentence - аъзоҳои ҷумла (члены предложения)» [241, 123-133].
2. Прил.+Сущ.+Предлог *of*+Артикл *the*+Сущ.: «the secondary parts of the sentence - аъзоҳои пайрави ҷумла, principal parts of the sentence - сараъзоҳои ҷумла» [241, 123-133].
3. Прил. +Прил.+Сущ.: «compound verbal predicate – хабари таркибии феълӣ, compound-complex sentence – ҷумлаи мураккаби тобеъ ва пайваст» [241, 123-133].

Следовательно, при создании составных терминов 8 терминообразовательных моделей было использовано, 3 – к английскому языку и 5 из них относятся к таджикскому, относящихся к аъзоҳои ҷумла – parts of the sentence (члены предложения) в сопоставляемых языках. Таким образом, следует констатировать, что роль и место служебных слов (предлоги и союзы) очень велики в образовании составных терминов английского языка по сопоставлению с таджикским.

2.2.10. Структурный анализ терминов и терминосочетаний, относящихся к «ҷумлаи мураккаб – multiple sentence - сложным предложением» в сравниваемых языках

В исследуемых языках под терминосочетанием *ҷумлаи мураккаб – multiple sentence (сложное предложение)* с синонимами *composite sentence, polypredicative sentence* и *clause complex* подразумевается та синтаксическая терминология, которая состоит из двух или более компонентов, или элементов, формирующая структурное, интонационное и смысловое целое.

Сложное предложение обычно представляет собой единицу более высокой степени в иерархическом расположении по сопоставлению с простым предложением, и его семантическое различие состоит в том, что если простое предложение очерчивает событие (отношение, ситуацию), то сложное предложение отображает отношение между событиями.

Отсутствие или наличие союзных слов и союзов, что предоставляет основу выделить такие термины-гипонимы, как *asyndetic multiple sentence* – *чумлаи мураккаби бепайвандак* (бессоюзное сложное предложение) и *syndetic multiple sentence* – *чумлаи мураккаби пайвандакдор* (союзное сложное предложение) [241, 123-133] является общим для всех видов сложных предложений.

Такие понятия, как *complex sentence* и *compound sentence* – *чумлаи мураккаб* в английском языке входят в родовидовые связи в качестве стержневых гипонимов терминосочетания *multiple sentence*, в зависимости от главных видов связи (подчинительная и сочинительная).

Терминосочетание *compound sentence* – *чумлаи мураккаби пайваст* (сложносочиненное предложение) относится к такому типу предложению, принцип, создание, которая базируется на синтаксическом равноправии более двух простых предложений, т.е. на принципе синтаксической согласованности, который обычно обуславливается тем, что его части объединяются сочинительными и подчинительными союзами.

Следовательно, соположение как основной принцип создания сложносочиненного предложения в сопоставляемых языках представлено тремя важнейшими вариантами, которые принято именовать противительными, разделительными и соединительными отношениями. На основании этих видов семантических связей, мы выделяем три гипонима терминосочетания: «чумлаи мураккаби пайваст – *compound sentence* (сложносочиненное предложение): чумлаи мураккаби пайвасти пайихам – *copulative compound sentence* (соединительное сложносочиненное предложение), чумлаи мураккаби пайвасти хилофй - *adversative compound sentence* и чумлаи мураккаби пайвасти чудой - *disjunctive compound sentence*)» [47, 123-133]. Все же разные союзные слова, союзы, соединяемые термином *coordinators* – *пайвасткунандахо* (координаторы) и его синонимом *connectors* – *пайвандкунандах* (коннекторы), выступают преимущественно в роли бесчисленных

соединительных элементов или компонентов вышеупомянутых видов сложносочиненных предложений.

В своем составе предложение объединяет, как сложноподчиненные предложения, так и сложносочиненные, и поэтому не рассматривается отдельно, и оно всегда репрезентируется терминсочетанием *compound-complex sentence* – *чумлаи муракаби пайваст ва тобеъ* (сложное сочиненно-подчиненное предложение).

По сравнению с другими терминами, английское терминсочетание *чумлаи мураккаби тобеъ* – *complex sentence* (сложноподчиненное предложение), именуемое предложения, созданные на базе подчинительной связи, обладающим главным предложением и как минимум одним придаточным (зависимым) в своем составе, которые представлены в глоссариях и словарях такие терминсочетаниями, как: «principal clause, main clause, head clause, matrix clause, superordinate clause – сарчумла (главное предложение)» [253, 232; 236, 220; 224, 988] и sub-clause, subordinate clause, embedded clause, dependent clause, constituent clause, syntactically bond clause, included clause – чумлаи пайрав (зависимое, придаточное предложение) является наиболее продуктивным и многоплановым в грамматике.

Наряду с этим, можно распределить по группам и установить число и состав каждой из этих групп в отдельности и в зависимости от морфемной структуры рассматриваемые лексико-терминологические единицы данной микротерминосистемы.

1. От общего количество терминов и терминсочетаний в данную микросистему вклад простых и производных терминов составляет около 54%, например: «пайвандак – conjunction, хиссача – particle (частица), семантикй – semantics (семантический); composite - таркибй (составной)» [46, 8; 241, 78].

Производные термины, относящиеся к «чумлаи мураккаб - multiple sentence (сложное предложение)» создаются по следующим моделям:

(1) модель при помощи приставок или префиксальная модель: subordinate - пайрав (придаточное);

(2) модель с суффиксом или суффиксальная модель: «adversative – хилофӣ (противительный), copulative – алоқаи пайваст (соединительный), elliptical – эллиптикӣ (эллиптический), disjunctive – ҷудой (разделительный), syndetically – алоқаи пайваст (соединительный)» [241, 32-35];

(3) модель с префиксом и суффиксом или префиксально-суффиксальная модель: «attributive – муайянкунанда (атрибутив, определение), asyndetically – алоқаи пайвасти бепаивандак (бессоюзный), coordination – алоқа (связь)» [241, 32-35].

Префиксы и суффиксы играют важную роль при образовании данной группы терминов. Наибольшей частотностью отличаются префиксы *a-*, *co-*, *sub-*, *at-* в английском языке и *-ī* в таджикском, и суффиксы *-ly*, *-ate*, *-ite*, *ive* являются его английские эквиваленты.

Сложные термины сопоставляемых языков. От общего количества терминов и терминосочетаний, входящих в данную микротерминосистему подобные термины составляет около 3%. В сопоставляемых языках модели, относящиеся к сложному предложению являются следующие:

а) сложные термины таджикского языка:

1. Нар.+Гл.+Суфф.: пешояндӣ - prepositional (предложный), пасояндӣ - postpositional (послеложный), [46, 8].

2. Сущ.+Гл.+Суфф.: тобеъкунанда – subordinating (подчинительный), пайвасткунанда – coordinative / coordinating (сочинительный) [46, 8].

3. Сущ.+Инфикс+Гл.+Суфф.: ҷонишинӣ – pronominal (местоименный) [46, 8].

б) сложные термины английского языка:

1. Сущ.+Сущ.: «compound causative-consecutive – алоқаи пайваст ба воситаи пайвандакҳои сабаб ва натиҷа, compound – мураккаби пайваст» [241, 32-35].

Модель *Сущ.+Глагол+Суфф.* в таджикском и *Чис.+Сущ.* в английском языках являются наиболее частотными в сложной терминологии данной микротерминосистемы. Префиксальный способ и словосложение охарактеризуются наименьшей употребительностью в микротерминосистеме «чумлаи мураккаб – multiple sentence», суффиксальный способ терминообразования отличается в максимальной частотности.

2.2. 11. Анализ составных терминов, относящихся к «чумлаи мураккаб – multiple sentence» по составу

Самостоятельно от типа взаимосвязей между элементами или компонентами около 81% от всех анализируемых терминов, относятся к «чумлаи мураккаб – multiple sentence (сложное предложение)» в рассматриваемых языках.

На базе атрибутивных отношений между составляющими их элементами или компонентами подавляющее большинство терминословосочетаний создаются по характеру смысловых связей. В сопоставляемых языках термины-словосочетания, которые участвуют в формировании микротерминосистемы «чумлаи мураккаб – multiple sentence (сложное предложение)» создаются по следующим моделям:

а) термины-словосочетания таджикского языка:

1. Сущ.+ Сущ.+ Сущ.: «ҳоли микдору дараҷа – adverbial modifier of quantity and degree, аъзоҳои пайрави чумла – secondary parts of the sentence, чумлаи пайрави ҳабар – predicative clauses, чумлаи пайрави мубтадо – subject clauses» [47, 8-200].

2. Сущ.+ Сущ.+ Сущ.+Сущ.: «чумлаи пайрави микдору дараҷа – subordinate clause of quantity and degree (придаточное предложение количества и степени)» [47, 8-200].

3. Сущ.+Прилаг.+Сущ.: «аъзоҳои иловагии чумла -detached (loose) parts of the sentence, аъзоҳои истисноии чумла – the independent elements of the sentence» [47, 8-200].

4. Сущ.+ Прилаг. + Прилаг.: чумлаи мураккаби омехта – mixed compound sentence, чумлаи мураккаби сертаркиб – multicomponent compound sentence [47, 8-200].

5. Сущ.+ Прилаг. + Прилаг. +Прилаг.: «чумлаи мураккаби пайвасти кушода – opened compound sentence, чумлаи мураккаби пайвасти баста – closed compound sentence, чумлаи мураккаби пайвасти сертаркиб – multicomponent compound sentence, чумлаи мураккаби пайвасти пайвандакдор – syndetic compound sentence» [47, 8-200].

6. Сущ.+ Прилаг. + Глагол: «нутқи мазмунан нақлшуда – indirect speech, нутқи айнан нақлшуда – direct speech» [47, 8-200].

а) термины-словосочетания английского языка:

1. Прилаг. +Сущ.+Предлог *of*+Артикл *the*+Сущ.: «independent elements of the sentence – аъзоҳои иловагии чумла, detached/loose parts of the sentence – аъзоҳои истисноии чумла» [241, 32-38].

2. Прилаг. +Прилаг. +Сущ.: «compound-complex sentence – чумлаҳои мураккаби тобеъ ва пайваст» [241, 32-38].

3. Сущ.+Сущ.: subject clause – чумлаи пайрави мубтадо, object clause - чумлаи пайрави пурқунанда, clause elements – аъзоҳои чумла, predicate clause – чумлаи пайрави хабар [241, 32-38].

4. Сущ.+Предлог *of*+Сущ.: sequence of the tenses – мувофиқати замонҳо [241, 32-38].

Следовательно, всего 10 словообразовательных моделей было использовано, 4 из которых относятся к английскому языку и 6 – к таджикскому в создании составных терминов, относящихся к «чумлаи мураккаб – multiple sentence» в сравниваемых языках. В английском языке модели $N+N$ или $A+N$ являются продуктивными, а их эквиваленты заменяют $Adj+N$ и $Adj+Adj+N$ в таджикском языке.

2.2.12. Структурный анализ составных терминов, относящихся к пунктуации

Подавляющее большинство терминов-словосочетаний создаются по характеру смысловых связей на основе атрибутивных отношений

между составляющими их компонентами. Терминисочетания, формирующие микротерминосистему пунктуации в сравниваемых языках, являются следующими моделями:

а) термины-словосочетания таджикского языка:

1. Сущ.+ Сущ.: «аломати хитоб – exclamation mark, аломати савол – question/interrogation mark» [46, 76].

а) термины-словосочетания английского языка:

1. Сущ.+ Сущ.: «exclamation mark – аломати хитоб, question/interrogation mark – аломати савол» [241, 32-38].

2. Сущ.+Сущ.+ Суфф.: «quotation marks – нохунак (кавычки)» [241, 32-38].

3. Прилаг. + Сущ.+Суфф.: «inverted commas -нохунак (кавычки)» [241,32-38].

Следовательно, всего было использовано четыре терминообразовательных модели в образовании составных терминов, относящихся к *аломатҳои китобатӣ – punctuation* в сопоставляемых языках, три к – английскому и одна из них относится к таджикскому языку. Известно, что ни префиксы и ни суффиксы как терминообразующие элементы не играют особые роли в построении составных терминов и терминосочетаний и английского, и таджикского языков.

2.2.13. Анализ терминов, относящихся к «матн – text» по структуре

Термин «*матн – text*» является единицей прагматической, и даже семантической, нежели грамматической в отличие от термина *ҷумла – sentence*, соответственно – синтаксической в большой степени исследуемой работы.

При всем том, не все лингвисты признают и считают соотнесенность понятия «*матн – text*» к разделу синтаксиса, что в каждом языке терминосочетание *ҷумлаи сода – simple sentence* является стержневым единице синтаксиса. Коршунова определяет *текста* как: «Единицы

низшего порядка для простого предложения это поскольку строительные материалы, так как простые предложения – единицы высшего порядка» [47,89].

В конечном итоге, по мнению Коршунова, термин *матн – text* имеет следующее дефиниции: «Текст, являющееся сложным целым, функционирующим как структурно-семантическое единство, представляет собой нечто нечленимое, при всем том, это не обозначает, что располагает определенными законами порядка смыслового и формального соединения. Наряду с недостаточной на сегодняшний день разработанностью лингвистики текста и все сложности разделения текстов в целом, все-таки членение текста допустимо и происходит оно, исходя из семантических, структурных и функциональных принципов» [47, 89].

Большинство ученых (Борботько 1998; Макаров 1998; Почепцов 1998, Караулов, Петров 1989; Карасик 2000, Арутюнова 1990) полагают практически вероятным синонимизирование термина *матн – text (текст)* с термином *дискурс – discourse (дискурс)*. Тем не менее, термин *дискурс – discourse (дискурс)* к понятию *матн – text (текст)* в современной лингвистике имеет тесное отношение по смыслу, но постоянное отыскивание таких эквивалентов как: *дискурс – discourse (дискурс)*, *нутқ – speech (речь)*, *намуди нутқ – type of speech (тип речи)*, *матн – text (текст)*, *намуди матн – type of text (тип текста)*, *матни алоқамандбуа – related text (связный текст)*, *матни бо нутқ алоқамандбуда – related of the text with speech (текст связной речи)* [43, 78-90]. и др.— удостоверяет о различие и сущности содержание последнего понятия: *дискурс – ин чизе, ки гуфта ва навишта мешавад – discourse is the thing that said and written (все, что пишется и говорится, считается дискурсом)*.

Под термином *матн – text* обычно понимается продукт речевой деятельности или, другими словами, *асари нутқӣ – speech work*, который может быть реализовано как в устной, так и в письменной форме. В

диссертации Коршунова, термин дискурс – *discourse* представляется следующим образом: «Как коммуникативный процесс, обусловленный экстралингвистическими факторами, и представляет собой «вербализованную речемыслительную деятельность, проявляющейся как процесс и как результат» [47, 90].

Следует отметить, что термин дискурс имеет многочисленные толкования в настоящее время. По мнению Г.М. Костюшкина, термин дискурс имеет следующее дефиниции: «Дискурс как живая речь – во многих своих моментах спонтанен, он рождается, живет и умирает, когда предмет, который обсуждается, теряет свою актуальность, и ситуация общения меняется» [77, 31].

Необходимо определить термины и терминосочетания, которые демонстрируют нормы текстов и способны отвечать на важные проблемы лингвистики прежде чем рассматривать текст с позиций его составляющих элементов, и как на человеческом взаимодействии воздействует текст. Для этого существует множество терминов на сегодняшний день (*целостность, завершенность, коммуникативность, информативность, текстовость, эмотивность, когезия, когерентность, интеграция, континуум, последовательность, цельность, тематичность и т.п.*), но основополагающими нами были отобраны следующие термины: «*когезия – cohesion (когезия), когерентность – coherence (когерентность), барқасд – intentionality (преднамеренность), қобили қабул - acceptability (приемлемость), хабарноқі - informativity (информативность), вазыятноқі - situationality (ситуативность) и байниматнї - intertextuality (интертекстуальность)*, который так или иначе объясняют отдельные части приспособления связности текста в отношении понятие қисман – пурра в качестве аломат» [43, 78-90].

Поддерживая точку зрения Р. Квирка [224, 1425-1446] и В.Г. Гака [34, 779-784], имея ввиду составляющие возможные сверхфразовые единства и средства связи внутри текста, следующие термины можно также выделить, отражающуюся связь так называемого «хусусият –

feature». По мнению Коршунова, грамматические связи внутри текста являются следующие: «Грамматические средства связи, которые представлены терминосочетаниями *средства связи (воситан алоқа/text word order)* с гипонимами *линейная последовательность, конкатенация (алоқаи мунтазам/successive connection)*, которые выступают в роли синонима с позиции актуального членения для термина *последовательное соединение (пайвастиави мурамтаб/thematic correlation)*, и *параллельное соединение (пайвастиави мувозӣ/parallel correlation)* соответственно с синонимом *рематическое соединение (пайвастиави рематикӯ/rhematic correlation)*; *союзное соединение (алоқаи пайвандакдор/syndetic connection)* с антонимом *бессоюзное соединение (алоқаи бепайвандак/asyndetic connection)*»[43, 78-90].

Тем не менее, лексические средства связи представлены следующими терминосочетаниями: *lexical connection* – *алоқаи лугавӣ* с гипонимами *thematic vocabulary* – *лугати тематикӯ ё мавзӯӣ* и *lexical recurrence* – *номгузори лугавӣ*, которые подразделяются на такие гипонимы в свою очередь: *opposition* – *тазод*, *exclusion* – *истисно*, *similarity* – *баробараҳамиятӣ*, *inclusion* – *дохилишавӣ* [43, 78-90].

Следует отметить, что разные термины, выражающие отношения на семантическом уровне, сопутствуют понятию *матн - text (текст)*, например, «*вазифа – function (функция)*» (*фикри баёнишуда, гуфта - utterance (высказывание)*), «*чузъ – component (компонент)*» (*мавзӯ - theme (тема), rheme (рема)*), «*чанба – aspect (аспект)*» (*диктум - dictum (диктум), модус- modus (модус)*) [43, 78-90] и др. Принимая во внимание тот факт, что в минимальной синтаксической единице – предложении обнаруживается исконно отмеченная степень, то в пределах последнего очерчивает его целесообразно.

Мы будем ориентироваться на наиболее устоявшиеся классификации, базирующийся на факторах действительной коммуникации (коммуникативно-прагматические), обобщенный вариант в данном исследовании: *тасвир - description (описание)*, *нақл*

- *narration* (наррация), *debocha* - *exposition* (экспозиция), *дастур* - *instruction* (инструкция) и *далел* - *argumentation* (аргументация), который будут выполнять отношение «функция» в словаре [43, 78-90].

Согласно учению А.Н. Баранова [235, 7], В.Г. Гака [34, 779], и др относительно композиционно-структурного состава, такими терминами представлено отношение часть-целое: «*воҳиди аз ибора калон* – *supra-phrasal unity* (сверхфразовое единство), *сарсатр* – *paragraph* (абзац), *ҷумлаи сода* – *simple sentence* (простое предложение), *ҷумлаи мураккб* – *multiple/compound sentence* (сложное предложение), которые являются меронимами, осуществляющими роль *ҷузъ* – *component* (компонент) для термина *маатн* - *text* (текст) и гипонимами для терминосочетания *воҳиди маатн* - *text unit* (единица текста, текстовая единица)» [43, 78-90].

Выводы к второй главе

Основные способы формирования и развития терминологии синтаксиса таджикского и английского языков были изучены и исследованы в данной главе. Таджикские лексемы и их английские эквиваленты, которые называют понятия в общеупотребительной речи и в синтаксической терминологии являлись предметом исследования. Из всех собранных синтаксических терминов было выделено 236 таджикских терминосочетаний и 197 английских терминов. Можно сделать следующие выводы, обобщая все, что было высказано в этой главе:

1. Каждый из синтаксических терминов подвергались анализу, относящихся к разным частям синтаксиса, в частности, порядок слов, словосочетание, простое предложение, текст, сложное предложение, пунктуации и члены предложения. Независимо от того, в какую часть синтаксис относился к тому или иному термину или терминосочетаний, весь собранный материал по структуре был дифференцирован на простые, производные, сложные и составные. Следует указать, что в процессе терминообразования синтаксических терминов

рассматриваемых языках место и роль английских суффиксов *-ed, -le, -icle, -ive, -ous, -al, -ic* и префиксов *ad-, ab-, ex, dis, pro-* и таджикских префиксов, таких как *ҳам-* и суффиксов *гӯ, -ӣ* по сопоставлению с другими словообразующими элементами была чрезвычайно значительно. Помимо этого, можно отметить, что доля английских словообразующих элементов более ощутимая, чем таджикских эквивалентов.

2. В качестве предмета исследования и анализа в целом было выбрано 66 таджикских и 77 английских терминов и терминосочетаний;

3. В рассматриваемых языках наиболее продуктивным способом терминообразования является суффиксальный, однако в данном аспекте роль префиксов не очень значительна. Английские термины больше всего принимают морфемы языка-донора, а таджикские термины создадутся путем таких терминообразовательных моделей, как префиксальный, суффиксальный и префиксально-суффиксальный которая образуется при помощи морфем таджикского языка;

4. В группе таджикских синтаксических терминов 12 лексем – непроизводные, из них 10 лексем являются заимствованными словами. В группе английских синтаксических терминов 64 лексем – непроизводные, и из них 22 лексемы являются заимствованными.

ГЛАВА 3.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Реально существующие объединения взаимозависимых и взаимосвязанных лексических единиц, выявляющихся в словарном составе любого языка по тем или другим приметам общности, предполагаются в системности лексики: этимологическую, семантическую, структурную и т.д. Только в составе группировок, в основу которых положен принцип общности значения, рассматривается слово и почти лексики, так или иначе относящихся к семантике в каждом исследовании.

При этом семантические группировки могут быть различных объемов и порядков, начиная с объединений сравнительно незначительного количества слов и терминов, обладающих наибольшей общностью смыслов – омонимических, антонимических и синонимических групп, и заканчивая соединениями слов и терминов в группе весьма значительного объема по наиболее тотальным семантическим субкатегориям и категориям.

3.1 Десемантизация синтаксических терминов

В теории синтаксиса предложения довольно широко используются такие термины, как обособление, присоединение, парцелляция, сепаратизация и сегментация.

Объектом теории соответствующих данных терминов служат синтаксические образования, основным свойством которых является нарушение контактности в связи элементов простого или сложного предложения при сохранении порядка их следования или его изменения.

Критерии, по которым определяется грамматический статус таких структур, могут быть обобщены и сведены к следующим:

1. Ослабление, разрыв синтаксической связи между расчлененными элементами, что находит свое пунктуационное и интонационное выражение в речевом актуализме.

2. Выход структурно-обязательного элемента за пределы состава предложения и приобретение им большей синтаксической самостоятельности по сравнению с соответствующим неотделенным членом.

В связи с этим следует говорить о маркированности отдельного члена, признаком которого являются повышенная предикативность, полипредикативность, вторичная предикативность, свернутая или развернутая форма предикативности и нулевая предикативность. Различия в данных определениях зависят от взгляда авторов на предикативность вообще.

3. Семантическая отдаленность элемента и автосемантическая основная часть. На этом основании позиция основной части считается обязательной, а позиция отчлененного элемента – факультативной.

В теориях сильного обособления, присоединения, парцелляции, сепартизации отмечается структурная обязательность постпозиции отчлененного элемента.

4. Приобретение отчлененным элементом смыслового значения дополнительной информации по отношению к основной части. Отмечаются и другие отношения, возникающие параллельно инвариантному значению добавочного сообщения между частями расчлененных структур: пояснительные, уточнительные, причинно-следственные, целевые и др.

Интерес представляют следующие определения: «Обособленные члены предложения содержат элемент добавочного сообщения присоединительные конструкции имеют характер добавочных сообщений, уточняющих, поясняющих и развивающих основных высказываний парцеллированная конструкция приобретает

дополнительное значение экспрессивности и информационное насыщение» [28, 178].

В динамическом аспекте функционального синтаксиса критерий дополнительной информативности служит аргументацией в определении романтического свойства отчлененного компонента.

В стилистике эти же критерии берутся в качестве основного при рассмотрении расчлененных структур в сфере экспрессивного синтаксиса.

5. Логическая разноплановость (смещение логико-синтаксической линии речи) или одноплановость (продолжение логико-синтаксической последовательности) отчлененного элемента с основной частью высказывания.

Можно полагать, что критерии идентификации синтагматических расчлененных структур, выдвигаемые в качестве основных во всех упомянутых выше теориях, базируются на обобщении их семантико-синтаксических, логических, структурных, функциональных пунктуационных и просодических свойств.

Основной причиной возникновения терминологической избыточности, связанно с описанием этого явления в синтаксисе, послужили, на наш взгляд, разные подходы к его синтаксической деривации.

Под синтаксической деривацией понимается синтаксический процесс образования производной единицы из исходной. Отношения синтаксической деривации не даны нам в прямом наблюдении и определяются гипотетически.

Рассмотрим освещение синтаксической деривации синтагматических расчлененных структур в вышеупомянутых теориях. Толкования их образования можно свести к двум упрощенным гипотезам.

1. Исходной является единая базисная структура-предложение, построенное по определенным правилам грамматики языка. Расчленение

данной структуры в речевой реализации порождает новые типы структур. Семантико-денотативное значение терминологического ряда, отражающего понятийную сущность этой гипотезы, выражено в следующих названиях: обособление, парцелляция, сепаратизация, сегментация.

Синтаксический термин “обособление” впервые появился в работах А. М. Пешковского и первоначально означал “ритмико-интонационный отрыв слова, группы слов рядом стоящих”. Являясь наиболее устоявшимся, традиционным термином, он часто служит базисом в определении последующих терминов (парцелляция, сепаратизм, сегментация), которые понимаются более широко – как нарушение контактности всех типов связи (зависимых и независимых) – в отличие от обособления, где имеются виду только зависимые связи (согласование, управление, примыкание) [104, 98].

Это, очевидно, послужило причиной возникновения таких сочетаний, как парцеллированное (сепарированное, сегментированное) обособление.

Разграничение терминологических понятий парцелляции, презентации, пигментации проведено четко, несмотря на имеющиеся попытки, например, акцентировать отделение, деление в семантической структуре слова “семантизация” и в семантической структуре слова “парцелляция”. Исходя из этого, сцентрированные члены относят к относительным предложениям, а парцеллируемые к частям сложного или простого предложения.

Однако в большинстве определений такая дифференциация не проводится, и в определении и схематизации, и поэтизации акцентируются одни и те же моменты отделения “и самостоятельности” функции отделенного члена. Те же моменты вкладываются в понятие сегментации.

Кроме пересечения значений номинально различных терминов существует еще множество неоднозначных толкований одного и того же

термина, представляющих собой пересекающийся ряды общих частных определений.

Например, парцелляция определяется как несовпадение коррелятивных единиц языка и речи; интонационное расчленение словосочетания в составе предложения, расчленение только в составе сложного предложения, любое расчленение; прием экспрессивного расчленения и синтаксиса письменности языка и художественной прозы; сохранение отношений и тех же форм, что и части соответствующей перпарцилируемой конструкции и, наоборот, как трансформационное преобразование, в результате которого появляются новые отношения и новые типы связи сравнения с непарцилируемыми соответствующими структурами.

Подобная свободная трактовка терминологических значений снижает понятийную синтаксическую значимость такого термина и приводит к избыточности в синтаксическом словаре, значительно затрудняющей понимание установленной сущности лингвистического явления.

Вторая гипотеза синтаксической деривации в рассматриваемых нами структур противоположна первой и заключается в том, что исходными являются две или более структуры, которые, объединяясь в процессе речи, образуют новое синтаксическое единство.

Соответственно, терминологический ряд присоединения, интеграция восполнения, выражающая понятийную сущность этой гипотезы, противоположен по своему сегменту терминологии высокого ряда первой гипотезы.

Присоединение определяется по-разному. Его терминологическая сущность впервые была определена Л. В. Горбой и в дальнейшем получила широкую интерпретацию.

По составу присоединительные элементы могут быть словами, словосочетаниями, предложениями.

Присоединение может быть союзным или бессоюзным. Синтаксическая связь присоединительных конструкций предусматривается также многоплатно, особая присоединительная связь, присоединительная, сочинительная и присоединительно – подчинительная, практическая соотносительная, прерывистая.

Существует также мнение, что связь присоединительных конструкций не представляет собой новый тип связи, а является соответственно сочинением или подчинением.

Необходимо отметить, что присоединение рассматривается также так один из видов синтаксического процесса путем включения вводного элемента монопредикативное предложение.

Кроме того, этот термин используется также для обозначения синтаксического значение, заключающегося в модификации членов предложения частицами, не имеющими статуса члена предложения.

В отличие от присоединения интеграция понимается как реализация двух или более самостоятельных и грамматически замкнутых предложений в интонационном смысловом единстве. Составляющими интегрированные конструкции должны быть грамматически законченными двусоставными предложения типа I'm sorry she's left.

При исполнении присоединяются самые разнообразные части высказывания, первоначально не входившие в его коммуникативную задачу.

Таким образом, можно полагать, что терминологические ряды обособленных присоединений характеризуются противоположностью теории образования синтаксический расчленённых структур.

Однако это дифференциации так же не проводится так генерация обособление рассматривается как синтаксический процесс включение (embedding) одного предложения в другое – “синтаксическое объединение”, двух или нескольких предложений в поверхностной структуре текста”, в предложения с обособленными членами как

результат синтаксического сокращёнными несколькими элементарными предложениями.

Подобная трактовка синтаксической расцепленной структуре уже встречалась в работах Н. Н. Греча, А. А. Востокова, И. И. Давыдова, Ф. Бусалаева, с той лишь разницей, что эти авторы не применяли термин: “обособление”, а связывали их сокращёнными придоточными предложениями.

Десемантизация терминологических рядов обособления – присоединения достигла такой высокой степени, что довольно часто в лингвистической литературе можно встретить колокации типа обособленное (сепарированное, парцеллированное, сегментированное) присоединение или парцеллируемое восполнение.

Яркой иллюстрацией десемантизации терминологических рядов “обособление – присоединение” может служить толкование А. А. Андриевской явления сепаритизации, под которой автор понимает все случаи крайнего обособления и куда, по ее мнению, “фактически можно отнести присоединительные конструкции”.

3.2. Специфика увеличения системно-семантических плотности отношений терминов синтаксиса

Синтагматические и парадигматические связи терминов охарактеризуются значительным разнообразием на последующих этапах формирования систем, т.е. происходит рост системно-семантической плотности отношений единиц, хотя часто при транзите к следующему уровню функционирования вследствие выбора терминосистемой фиксируется только один из терминов-синонимов, ликвидируя, следовательно, лишние единицы в отыскивании оптимального варианта целостности (ср. логические (И.И. Давыдов) *калимаи муайянкунанда* (слова определительные) – *муайянкунанда* (определения); слова дополнительные (*калимаи пуркунанда*) – *пуркунанда* (дополнения) и логико-грамматический (Н.И. Греч) *муайянкунанда* (определения), *пуркунанда* (дополнения); логический (И.И. Давыдов) *алоқа* (связь –

связка) и соответствующий логико-грамматический (Н.И. Греч) *алоқа* (*связь*), т.е. синонимичный термин *связь* транзита на логико-грамматической ступени, тем не менее, сохраняется система с последующим употреблением на морфолого-грамматической ступени как один из лексико-семантических версий многозначности термина).

Необходимо также отметить, что: «перегруппировки частей микросистем в рамках макросистемы терминология синтаксиса второстепенных предложений, на логическом и логико-грамматическом уровне функционирующая в составе микросистемы синтаксиса предложения, на историко-психологическом уровне включается в микросистему синтаксиса словосочетания» [137, 189].

3.3. Явление полисемии в синтаксической терминологии таджикского и английского языков

Любой синтаксический термин или терминосочетание в противовес простому слову (или словосочетанию) должен обладать твердо определенным содержанием. Независимо от контекста это содержание термина, в свое время как значение или смысл простого слова, определяются лишь в выявленном порядке в соединении с прочими общеупотребительными словами или терминами; при этом такие дополнительные средства, как ударения, интонация, редукция и т.п. время от времени употребляются вновь в разговорной речи.

Необходимо отметить, что двойственности или противоречивости статуса термина заключается в том, что он как самостоятельное слово может стать многозначным, иметь синонимы, омонимы, антонимы, но как специальное название установленного понятия он постоянно должен быть однозначным, т.е. он должен обладать только одним единым отраслевым значением.

В синтаксической терминологии таджикского и английского языков категориальная многозначность чаще всего наблюдается в терминах, используемых для единицы речи, слова, словосочетания, предложения и типов их выражения по семантике и структуре.

Безусловно, как правило, полисемичное слово имеет одно основное значение, вокруг которого, систематизируются остальные лексические значения. В совокупности они создадут лексико-семантические виды многозначных слов.

Отдельные ученые и лингвисты полагают, что лексика таджикского и английского языков различается исключительно значительным числом многозначных слов. По мнению Л. Теснера причины появления полисемии являются следующие: «Колоссальный размах полисемии в рассматриваемых языках объясняется в основной мере теми же факторами, которые функционируют и в других языках, стремлением человеческого мышления к отражению окружающей действительности и сходство предмета и явлений, находящихся в одинаковое наименование в языке, и оба фактора находят свое отражение в обобщающем характере всякого слова» [234, 33].

Большое воздействие следует узнать и за характерными особенностями английского языка, среди которых следует отметить, во-первых, обширно распространенное в нем явление конверсии и, во-вторых, склонность этого языка к моносиллабизму. Оба фактора благоприятствуют росту многозначных слов в словарном составе этого языка

Можно предложить следующие термины в группе таджикских синтаксических терминов: «синтагма – syntagm (синтагма), ибора – phrase (словосочетание), чумла – sentence/clause (предложение), сохт – structure (структура), мураккаб-compound (сложный)» [52, 98].

По мнению лингвиста С. Джаматова, термин «синтагма» имеет следующие признаки полисемии: 1) a two-member structure whose members are correlated as definable and defining, and these members can be either words or morphemes; complex formation sign of speech, in which the functions of identification and distinction are distributed by its constituent elements, which (due to the binary character of the syntagma normally) – ба хамдигар алоқамандшавии ду аъзо, яке муайяншаванда асту дигаре

муайянкунанда, бо вучуди ин, морфемаҳо ва калимаҳо аъзоёни он буда метавонанд. Аломати мураккаб ташкилгардидаи нутқ, ки дар он вазифаи шабоҳат ва тавофут байни чузъҳои таркибии он тақсим карда мешавад; 2) **синтагма** – ин натиҷаи тақсим намудани қисмҳои ибора аз нигоҳи наҳв ва услуб - the result of division the parts of the phrase from the point of view of syntax and style; 3) «синтагма» - ин яъне банди нутқ - the same as the speech link; *4) «**синтагма** - the word as the limiting element of the word combination (corresponding sentence) in its relation to other similar elements, i.e. words belonging to the same complex syntactic unity – калима ҳамчун охири чузъи ибора (мутаносибан ҷумла) ва муносибати он бо дигар чузъҳо, ки ба воҳиди комплекси синтаксисӣ дохил мешаванд. 5) **синтагма** яъне синтагмаи дохилӣ - the same as the internal syntagma; 6) **синтагма** яъне ибора – the same as the phrase» [48, 235].

В английском языке термин синтагма обладает всего 2 значения: «1) ҷамъоварии систематикӣ баён ва ё изҳор (систематический сбор заявлений или предложений) – a systematic collection of statements or propositions 2) воҳиди наҳвӣ ва ё калима ва ё фразае, ки воҳиди наҳвиरो месозад (синтаксическая единица, или слово или фраза, которая формирует синтаксическую единицу) – a syntactic unit or a word or phrase forming a syntactic unit. Если указанный термин в таджикском языке обладает шестью значениями, то у него в английском всего два, что подтверждает о более развитой полисемии в английском языке по сопоставлению с таджикским. Из двух значений английского эквивалента одно из них относится к синтаксису, а другое - к общеупотребительной лексике, а шесть значений термина «синтагма» таджикского языка все относятся к синтаксису» [48, 235].

В словаре Вебстера термин ибора имеет следующие признаки многозначности: «1) the connection of two or more significant words together with the official or auxiliary words relating to them, or without them, serving to designate a single but divided concept or representation – пайвастшавии ду ва ё зиёда калимаҳои мустақилмаъно (дар якҷоягии

калимаҳои ёридиҳанда ва ё бидуни онҳо), ки барои ифодаи мафҳуми ягона, аммо мустақил хизмат мекунад; 2) any kind of grammatical combination of full-meaning words – яке аз намудҳои пайвастиҳои грамматикӣ калимаҳои маънодор» [236, 78].

Следует указать, что термин «ибора» имеет несколько форм в английском языке, такие слова как «collocation, word combination phrase». Однако у английского термина «phrase» наблюдается два значения эквивалентов, и они оба имеют непосредственное отношение к синтаксису. Английский термин *collocation* – *ибора* будучи многозначным в словаре Лонгмана встречается с следующими определениями: «1. Як гурӯҳи калима ё калимаҳо, ки зуд-зуд якҷоя меоянд (группа или группы слов, которые часто уподобляются вместе) – a word or a group of words that occur together frequently); 2). зуд-зуд пайдошавии як калима бо калима ва ё калимаҳои дигар (частотное появление слова с другим словом или словами) – the frequent occurrence of a word with another word or words» [211, 167]. Известно, что в сопоставляемых языках оба термина являются многозначными, и примеры тому подтверждается вышеупомянутые термины.

В словаре Чокаре термин *sentence* – *ҷумла* встречается с следующей дефиниции: «1) grammatically and intonationally formed according to the laws of the language, an indivisible unit of speech, which is the main means of formation, designation and communication of thought about some reality and attitude to it by the speaker – воҳиди томи аз нигоҳи грамматикӣ ва оҳанг ташаккулёфтаи нутқ, ки воситаи асосии ташаккул, ифода ва фикрро дар бораи воқеа ва муносибати ғӯянда дар бар мегирад; 2) a two-member syntactic complex in which two main members (the subject and the predicate) are fully expressed, or, in more complex cases, the group of the subject and the group of predicate – ин маҷмӯи ду аъзогии синтаксисӣ, ки дар он мафҳуми ду сараъзои ҷумла (мубтадо ва хабар) ва дар ҳолатҳои мураккаб гурӯҳи мубтадо ва гурӯҳи хабар баён ёфтаанд. 3) the part of multiple sentence – қисми ҷумлаи мураккаб» [48, 235].

Слово «sentence» имеет следующие значения в английском языке: «1. Гурӯҳи калимаҳое, ки фикри тамомшударо ифода намуда, изҳор, савол, хитоб ва амрро интиқол медиҳад – set of words that is complete in itself, conveying a statement, question, exclamation, or command. 2) ҷазое, ки ба касе дода мешавад, ки гуноҳаш аз тарфи додгоҳ дарёфт шудааст – the punishment given to someone found guilty by a court» [241, 87]. Со вторым значением английского эквивалента «sentence» не совпадают обозначения таджикского термина «ҷумла».

«**Сохтор/таркиб** – structure (строй, структура) обладает следующее дефиниции: «1) a way of expressing grammatical relations between words as a syntactic characteristic of a language; organization of a complex syntactic unit, the correspondence found in it to certain building models – роҳҳои ифодаи муносибатҳои грамматикии байни калимаҳо ҳамчун таснифоти синтаксисии забон; сохтани воҳидҳои мураккаби нахвӣ, ки аз он колабҳои муайяни сохтор ёфт мегардад. 2) the system of relations in one or another section of the language – чунин низоми муносибат дар ин ё он қисмати забон» [241, 125].

Лексема *сохтор/таркиб* с английским эквивалентом *structure* имеет следующие значения в английском языке: «1) бино ва ё дигар иншооте, ки аз якчанд қисм сохта шудааст (здание или иной объект, построенные из нескольких частей) – a building or other object constructed from several parts; 2) сифати хуб ташкилшуда (качество, хорошо организованное) – the quality of being well organized. 3) ҷобачогузорӣ ва алоқа байни қисмҳои мураккаб (расположение и отношения между частями чего-то сложного) – the arrangement and relationships between the parts of something complex» [43, 78].

Английский эквивалент имеет три разные значения по сопоставлению с таджикским, которые взаимосвязаны друг с другом, но не идентичны по значению. Несмотря на то, что во многих случаях их смыслы не сходятся, этот термин в сущности можно полагать многозначным.

Синтаксический термин **мураккаб** – **compound/multiple /complex** (сложный) имеет следующий дефиниции: «1) **мураккаб** (таркибӣ, аналитикӣ). Regarding the grammatical form: consisting of more than one word, including auxiliary words, separatelyformed (аналитический, составной) – дар бораи шакли грамматикӣ иборат аз як калима зиёдтар, ки дар таркиби худ калимаҳои ёридоханда дошта, тартиби навишти чудоғонаро соҳиб аст – (compound, analytical). О грамматической форме: состоит более чем из одного слова, включает вспомогательные слова, раздельнооформленный). 2) **мураккаб** - (таркибӣ). Consisting of two or more morphemes (Состоящий из двух или более морфем) - аз ду ва ё зиёда морфема иборат аст). 3) **мураккаб** сохтори комплекси синтаксисӣ дошта, ки аз якчанд ҷузъҳои синтаксисии ба ҳам алоқаманд таркиб ёфтааст – having a complex syntactic structure, composed of several interrelated syntactic elements (имеющий комплексное синтаксическое строение, составленное из нескольких взаимосвязанных синтаксических элементов)» [46, 135].

Лексемы *мураккаб* с английским эквивалентом *compound* имеет следующее значение: «1) моддае, ки аз ду ва ё зиёда ҷузъҳо ҳосил гардида, таркибан пайваст мебошад (вещество, состоящее из двух или более элементов, которые химически соединены) – a substance formed from two or more elements chemically united in fixed proportions. 2) калимае, ки аз ду ва ё зиёда калимаҳои мавҷуда сохта мешавад (слова, которые составлены из двух или более слов) – a word that is made up of two or more existing words. 3) предмет ва ё ашёе, ки аз ду ва ё зиёда ҷузъҳои ё унсурҳои чудоғона иборат аст (предмет, который состоит из двух или более отдельных элементов) a thing or object composed of two or more separate elements» [43, 67]. Известно, что в обоих языках вышеупомянутая лексема обладает тремя значениями, и её можно считать многозначным термином, при этом не сходятся с таджикским первые два значения английского эквивалента.

В следующих синтаксических терминах английского языка наблюдается явление полисемии: «object», «phrase», «syntax», «clause», «parenthesis».

Сам термин *syntax* – *наҳв/синтаксис (синтаксис)* имеет следующие дефиниции: «1) маҷмӯи қойидаҳо барои сохтани ҷумлаҳо (совокупность правил для построения предложения) – set of rules for constructing a sentence. 2) ҷобачогузори калимаҳо ва ибораҳо барои сохтани ҷумлаҳо (расположение слов и фразы для построения предложения) – arrangement of words and phrases for constructing sentences» [43, 101].

Следует указать, что лексема *наҳв* – *syntax (синтаксис)* в таджикском языке является моносемичной, так как обладает только одним значением: «як соҳаи забоншиносӣ, ки ибора хамчун кисми ҷумла, ва ҷумларо воҳиди асоси нутқ меомӯзад – one of the branches of linguistics, which studies the sentence as the basic unit of speech and phrase as part of the sentence (одна из областей лингвистики, которая рассматривает предложение как важнейшую единицу речи и словосочетание как часть предложения)» [43, 145]. Несомненно, что дифференциация по признаку многозначности наблюдается в сопоставляемых языках.

У термина *object* – *пурқунанда (дополнение)* наблюдается следующее признаки многозначности: «1) шахс ва ё ашъе, ки ба он амал ё ҳиссиёт равона гардидааст (лицо или предмет на которое направлено действие или чувство) – a person or thing to which an action or feeling is directed. 2) ашъи физикӣ, ки онро метавон дид ва даст расонд (физический предмет, который можно увидеть и тронуть и затронута) – a physical thing that can be seen and touched 3) исме, ки аз номи феъли гузаранда ва пешоянд баромад мекунад (существительное, которое действует от имени переходного глагола или предлога) – a noun acted on by a transitive verb or by a preposition. 4) мақсад (цель) – a purpose» [221, 167].

Лексемы *пурқунанда* – *object (дополнение)* в таджикском языке является однозначным так как он имеет только одно значение: «аъзои пайрави ҷумлаест, ки бо муносибату алоқаи мухталифи шахсии худ

хабари дар дохили чумла мавчуд бударо пур карда метавонад. – the secondary member of the sentence, which fills the predicate in the sentence with different objective relations. (второстепенный член предложения, который дополняет предложение разными объективными отношениями)» [43, 124].

У термина *phrase* – ибора, фраза (фраза) в английском языке наблюдается следующая дефиниция: «1) in music a note group that forms a distinctive unit within a longer passage – як гурӯҳи оҳанге, ки як воҳиди фарқкунандаеро дар порчаи дароз ташкил мекунад (группа нота, которая формирует различительную единицу в пределах более длинного отрывка); 2) a small group of words forming a unit within a sentence – як гурӯҳи хурди калимаҳо, ки дар дохили чумла воҳидеро ташкил медиҳанд (небольшая группа слов, формирующих единицу в пределах предложения). Таджикская лексема *phrase* – таркиб, ибора, фраза (фраза) является однозначным» [43, 123].

Термин *parenthesis* – калимаи туфайлӣ (вводное слово) имеет следующие признаки полисемии: «1) **parenthesis** a word or phrase added as an explanation or an afterthought; in writing is expressed in brackets, dashes or commas – калима ё иборае, ки ҳамчун шарҳ ва ё фикри дербаёншуда, ки дар навишт ба воситаи қавсайн, тире ва ё вергул ифода ёфтаанд, илова карда мешавад (слово или фраза, прибавленная как разъяснение или запоздалая мысль; в письменной форме выражается скобками, тире или запятыми). 2) **parenthesis** pair of parentheses of type () – чуфти қавси гирд монанди () (пара круглых скобок типа ())» [43, 78].

Терминосочетание *калимаи туфайлӣ* являлась эквивалентом термина *parenthesis* имеет только одно значение: «words that have no connection with the members of the sentence, can not become members of the sentence and express the expressed thought and the subjective attitude of the speaker in the sentence (слова, которые не имеют связи с членами предложения, не могут стать членами предложения и выражают высказанную мысль и субъективное отношение говорящего в

предложении – калимаҳое, ки бо аъзоҳои ҷумла зоҳиран алоқадор нестанд, аъзои ҷумла намешаванд, дар ҷумла ба фикри гуфташуда чигунагии муносибати субъективонаи гӯяндаро ифода мекунанд» [43, 187].

Несовпадение в толкованиях наблюдается у обоих эквивалентов, так как этот термин обладает два полных смысла в английском языке, а ни одного в таджикском языке. Следовательно, стоит отметить, что признак полусемии больше всего наблюдается в английской терминологии, как это видно в вышеуказанных примерах.

В словаре Чокера термин *clause* имеет следующее дефиниции: «1) a sentence that is the part of the complex sentence (предложение, являющееся частью сложного предложения) – қисми ҷумлаи муракаб. 2). гурӯҳи калимаҳое, ки мубтадо ва феълро дар бар гирифта ҷумла ва ё қисми ҷумла месозанд (группа слов, которая состоящая подлежащее и глагол и образует предложение или часть предложения) – a group of words that includes the subject and verb and forms a sentence or part of a sentence. 3). қисми махсус ё алоҳидаи шартнома, лоиҳаи барнома, қонун ва ё қарордод (специальный или отдельный пункт договора, законопроекта или контракта) – special or separate clause of a treaty, bill or contract» [43, 56].

Наряду с другими терминами, *clause* – ҷумла (*предложение*) в таджикском языке является моносемичным, так как у него имеется лишь единственную дефиницию: «the minimal unit of communication in human speech which consists of word (words) that have grammatical links and in terms of structure and intonation expressing a certain finished content (наименьшая единица отношения в человеческой речи, которая состоит из слов (слова), обладающих грамматическими связями и с точки зрения структуры и интонации, выражающих определенное завершённое содержание) – воҳиди хурдтарини алоқа дар нутқи инсонӣ, ки аз калимаҳои (калимаи) ба якдигар алоқаи грамматикӣ дошта, аз чихати

сохт ва оҳанг мазмуни муайяни ба охир расидаро ифода мекунад» [245, 123].

Таким образом, было определено, что по сравнению с таджикским языком английские эквиваленты являются более многозначными. Во-первых, в обоих языках первые два значения этого термина совпадают, второе при этой дефиниции английского термина «*clause*» не относится к терминологии синтаксиса, хотя указанный термин полисемантичен.

5. Специальных терминов являются многозначными из вышеназванных групп таджикских синтаксических терминов, что составляет примерно 10 % от общего числа рассматриваемых терминов.

Из числа английских синтаксических терминов 6 специальных терминов являются многозначными, что составляет 11 % от общего числа рассматриваемых лексем.

Среди синтаксической терминологии рассматриваемых языков все упомянутые таджикские лексемы являются многозначными, но таджикские эквиваленты английских многозначных синтаксических терминов *object*, *syntax*, *parenthesis*, *phrase*, *clause* и др. являются однозначными

В системе таджикской синтаксической терминологии существует больше близких и родственных понятий, выражаемых одной лексемой по сравнению с английской терминологией.

Следовательно, можно констатировать, что синтаксическая терминология в таджикском языке отличается большей однозначностью и отчетливостью, чем английская в целом.

3.4. Синонимия синтаксических терминов

Синонимия двух слов всегда предполагает выбор одного из них, причём выбор не исключает совместимости семантически равноценных слов и синонимические отношения. Исследователи вместе с тем по-разному определяют это свойство синонимов, что в конечном счете объясняется различным пониманием значения и смысла слова, признавая

семантическое или смысловое тождество или общность слов при условии их синонимии.

По мнению Коршунова, значение слова определяется: «семантической общностью и тогда синонимия слов основывается на их соотнесенности с одним понятием и значение слова через его денотат и тогда условием синонимии слов будет их спонтанность с одним денотатом, когда же значения слова приравнивают его словарному толкованию, то схождения и расхождения в значении слов усматриваются в общих и разных компонентах и значения». [81, 122]

Выдающийся русский лингвист А.А. Реформатский предлагает следующее определение синонима: «Общность значения двух слов одного языка через наличие у них общего денотата» [114, 324].

По мнению Р. А. Будагова под термином синонимии понимается: «Соотнесённость двух слов или сочетания слов с одним понятием и одним денотатом, а также наличие равнозвучащих слов с общим значением» [25, 245].

Таким образом, А. П. Евгеньевна даёт более точное определение указанной явление: «Синонимами следует признать лишь те слова которая соотносятся друг с другом по своему употреблению и значению» [57, 87].

П.Филина в своих произведениях определил понятие синонимов следующим образом: «Как лексические единицы либо полностью либо частично совпадавшие по своим семантико – понятийному или эмоциональному компонентам» [137, 56].

Сравнивая шесть анализируемых условий синонимов в ходе работы, следует подтверждать, что у всех наблюдается общий признак применения в письменной и устной речи.

А. Г. Горнфельд определяет понятие синонимии следующим образом: «Слова различного звучания обладающие семантической общностью и ограниченной взаимосвязью» [42, 123].

Определение в какой-либо общности значения (двух слов, необходимого признака их синонимии через соотнесенность этих слов с одним понятием) вызывает определённую трудность прежде всего потому, что каждое слова имеет по крайней мере одно значение, но далеко не всякие слова выражают то или иное понятия. Отсюда следует, что между числом слова значений и понятий нет соответствия число понятий не соответствует числу слов, не говоря уже о число значений.

Аргументируя эту точку зрения, В.А.Звегинцев справедливо полагает, что: «Определение синонимии на предметно-понятийной общности страдает непоследовательностью и носит весьма условный характер, поскольку нет точных лингвистических критериев для установления предметно-понятийной общности или близости слов» [62, 90].

По мнению В. А. Звегинцева, синонимия как: «Явление, прежде всего семантическое, другие исследователи с полным основанием считают, что определение синонимов оказывается производным от значения слов» [62, 90].

Как и многие исследователи В.А.Звегинцев, дал определения значениям денотативного подхода и отметил следующее: «Значение слова рассматривается ими как словарное толкование, и, следовательно, семантическая общность слов проявляется в общности их словарных толкований» [62, 92].

Следовательно, сочетаемость слов и дистрибуция, совместимые с их семантической общностью, значимы как признаки, устанавливающие значение и формы слова, в которые эти слова могут оказаться семантически сопредельным иному сочетанию слов или слову.

Отсюда следует, что при описании семантической общности двух слов важно знать, в каких именно формулах дистрибуции и при какой сочетаемости слово w_1 , имеет значение w_2 а слово w_2 , -значение w , а затем на основе словарных толкований определить, какова семантическая общность между словам w , в значении w_1 , и словом, учитывая, что

семантическая общность двух слов может иметь место в четырех случаях: при общей дистрибуции и сочетаемости; при общей дистрибуции, но различной сочетаемости; при различной дистрибуции и сочетаемости.

Содержание понятия «значение» расширилось при помощи очерчивание значения слова через его дистрибуцию и сочетаемость. Наряду с этим, лексикологи и лингвисты стали выделять два вида значения: значение слова и значение, зависимое от этих двух признаков.

Лексико-семантические версии отличаются в своих истолкованиях появляющийся в ситуациях той или иной сочетаемости и дистрибуции.

То обстоятельство, что в пределах словарной статьи число толкований может расходиться с числом лексико-семантических вариантов, например, одно толкование может объединять два лексико-семантических варианта, не подрывает ценности толкового словаря как источника информации о значениях слов и семантических структур слов, понимаемой как системное множество его лексико-семантических вариантов.

Действительно, если в одном словарном толковании объединены два лексико-семантических варианта, то задача исследователя – их расчленивать; если же толковый словарь дает не все лексико-семантические варианты, то и это не уделяет значение толкового словаря как источника информации, ибо ни один словарь не может поспеть за семантико-смысловыми изменениями слов в живом языке.

В работах В.А. Звегинцева, Л. Ельмслева, А.А Уфимцевой, Э.М. Береговской, и других лингвистов обосновывается понимание и толкование значения слова как его лексического интерпретации и правомерность обращения к толковым словарям как определенным информантам о функциях, значениях и семантической структуре слов в целом.

Исследователи и языковеды, считающие семантико-смысловую общность двух или более слов необходимым условием их синонимии, естественно, рассматривают значение этих слов как нечто поддающееся

разложению на составные части или компоненты, что и позволяет сравнивать синонимы друг с другом по числу общих и различных для них семантико-смысловых признаков. Так, синонимы определяются как слова, различающиеся по своему звуковому составу и содержащие в своих, сходных в целом, значениях те или иные различия.

Если расположить определения синонимии, содержащие признак семантико-смысловой общности, в порядке увеличения числа других признаков, то можно начать с определения синонимии А.Н.Гвоздева. Именно он предлагает следующие дефиниции синонимия: «Синонимы суть слова с близким, но не тождественным значением, которые, как правило, имея общее ядро значения, проявляют разнообразные расхождения в значениях» [37, 189].

Следует отметить, что, разделяя синонимы на полные и неполные, т. е. такие, которые могут быть взаимозаменяемы в любом контексте и полностью по семантико-смысловым признакам, – денотативному значению и эмоционально-стилистической – весьма редки, и для синонимов в целом характерно различие по этим признакам - $C^1 C^2 G^1 V C^1 G^1 G^2$.

К. А. Лавровская относительно дефиниции синонима предлагает следующее: «Как слова, совпадающие по своему основному номинативному значению и различающиеся разными дополнительными значениями и особенностями употребления» [83, 45].

А. П. Евгеньевой, относительно синонима даёт следующие понятие: «Слова тождественные по значению (C^1-C^2), обозначающие одно понятие (А), но различающиеся лишь оттенками значения ($C^1-C^1C^2$), либо стилистической окраской ($D^1-D^1D^2$), либо двумя этими признаками вместе ($C^1D^1-C^1C^2D^1D^2$): $AC^1VAC^1C^2V$ » [234, 342-343].

Многие исследователи рассматривают лексическое значение слова как: «Слова состоящее из двух компонентов, - денотативного и коннотативного и синонимия определяется ими следующим образом синонимы – слова различные по звучанию, но подобные по своему

денотативному значению или значениям и взаимозаменяемые по крайней мере в некоторых контекстах» [62; 66; 67; 97; 109; 123].

По мнению Б.А. Ильиша синоними являются такими явлениями как: «Слова одинакового или близкого значения, не взаимозаменяемые в любых контекстах, различающиеся чисто или фразеологическими особенностями» [64, 123].

Однако русский лингвист Ю. Д. Апресян интерпретирует явление синонимов следующим образом: «Словарные единицы, либо полностью совпадающие по значению, либо отличающиеся оттенками выделяет такие признаки синонимии как частичная их взаимозаменяемость, употребление в одной и той же синтаксической конструкции, в лексической среде» [17, 98].

Предлагаемое дефиниции синонимии М.Ф. Палевском является приемлимым: «Слова и эквивалентные им фразеологические обороты, которые при различном звучании называют одно и то же явление объективной действительности и различаются оттенками основного, общего для каждого из них значения, или отнесенностью к различным речевым стилям, или этими двумя признаками одновременно» [103, 76].

Проблема значения слова, компонентному анализу значения, семантической структуре слова посвящена большая научная литература, критический обзор которой требует особого исследования, и поэтому здесь мы остановимся лишь на том, какие типы значений и их компоненты выделяются исследователями в языке и речи, каково соотношение значения и компонента значения и каким образом компонентный анализ значений и смыслов может быть применен в исследовании синонимов.

Анализируя слово как единицу языка, языковеды выделяют в нем лексические и грамматические значения; системное множество лексических значений или лексико-семантических вариантов образует семантическую структуру слова; изучая функционирование слова в речи, лексикологи наблюдают, что слово может получать приращение к

своему отстоявшемуся в языке значению, приобретать определенный смысл, который со временем может стать словарным значением слова.

Определение лексического значения и синонимии Л.М.Васильевым смыкается: «с теми определениями этих двух понятий, в которых лексическое значение рассматривается как величина сложная, составная, а синонимия – как результат сближения слов хотя бы по одному компоненту их значения» [27, 16-26]. Именно так трактует этот вопрос и С. Г. Бережан, справедливо утверждая, что: «первый шаг в деле изучения синонимов – установить, тождественны ли слова как лексические единицы в полном своем объеме или между ними имеется лишь одна точка семантического соприкосновения» [21, 46-49].

Надо сказать, что понимание лексического значения как совокупности лексико-семантических вариантов представляется спорным, так как каждый лексико-семантический вариант сам являет свою значение, существующее в условиях определенной дистрибуции и сочетаемости, поэтому будем считать, что структурное множество лексико-семантических вариантов создает не лексическое значение слова, а его семантическую структуру в целом, и станем вести сравнение синонимов по дифференциальным признакам или компонентам значения, комбинации которых образуют лексико-семантические варианты слов.

Из предшествующего изложения ясно, что так называемые полные или абсолютные синонимы в нашем понимании синонимами не являются; что же касается определений синонимии, содержащих ее необходимые и в сумме достаточные признаки семантико-функциональной общности слов, то эти определения согласуются с принятой нами концепцией синонимии.

Детальное определение синонимов находим в предисловии к известному словарю синонимов Вебстера. Синонимы, – говорится в предисловии: «Это всегда два или более слов, которые имеют тождественное или почти тождественное основное значение (essential

meaning) и поэтому одинаково или почти одинаково истолковываются. Синонимы, указывается в этом словаре, – обычно различаются дополнительной импликацией или коннотацией, либо идиоматическим или контекстуальным употреблением» [256, 89].

Как видно, определение синонимии в словаре Вебстера исчерпывает суть дела и показывает, что синонимические связи слов устанавливаются на основе компонентов значения что средством раскрытия значения и компонентов значения слов является его истолкование; что сходство в истолковании двух слов указывает на сходство их значений, и, следовательно, истолкование слова есть своего рода метод компонентного анализа его значения что синонимические связи слов проявляются как в их значениях, так и в функциях; что при исследовании употреблений слов надо различать свободное употребление слов от фразеологического; что синонимия слов реализуется в их большой или меньшей взаимозаменяемости. Определение синонимии в словаре Вебстера косвенно говорит и о том, что: «Слова абсолютно тождественных по значению или абсолютных синонимов не существует, ибо толкования синонимов в той или иной мере отличие друг от друга (synonyms can be defined in the same terms up to a certain point)» [256, 137].

Действительно, семантической общностью, необходимым признаком синонимии, могут обладать не только слова, различные по своему звуковому или морфологическому составу, но и слова, проявляющие сходство по этим двум признакам; больше того, звуковое и морфологическое сходство слов может быть формальным выражением их семантической общности, ср. comment – commentary, imaginative – imaginary.

Отметим здесь, что Х. У. Фаулер, определяя: «синонимы — это слова, подобные по значению, но различные по звучанию и написанию (words like in sense but unlike in look or sound), вместе с тем уделяет много внимания анализу семантико-функциональных схождений и

расхождений слов, схожих в звуковых и морфологических отношениях» [255, 235-236]. Как показывает проводимый Х. У. Фаулером анализ, это: «Однокорневые слова с полным основанием могут быть названы синонимами, так как они обладают семантико-функциональной общностью» [255, 238-239].

Итак, поскольку слова, обнаруживающие сходство в своем звуковом и морфологическом составе, могут иметь: (1) семантико-смысловую общность и быть взаимозаменяемыми, (2) либо только один из этих двух признаков синонимии, (3) либо ни одного из них, то можно утверждать, что звуковая и морфологическая общность слова не детерминирует их синонимии, а всего лишь с ней совместима: если два слова являются синонимами, то это может иметь место при звуковой и морфологической общности слов, только при звуковой, только при морфологической и, наконец, при отсутствии звуковой и морфологической общности.

Мы считаем необходимым остановиться на позициях выделения синонимического ряда слов или соединения слов, прежде чем, приступит к классификации синонимов, ср.: «sentence – clause (чумла), point – dot-full-stop (аломати нукта), question mark - interrogative mark (аломати савол)». Исходя из того, что члены синонимического ряда должны обладать необходимыми и достаточными признаками синонимии, можно уточнить принципы выявления и описания лексических единиц, составляющих синонимических ряд.

В.А.Звегинцев, касаясь попыток изучения синонимии отмечает следующее: «Методом группировок слов по принадлежности их к одной понятийной сфере, пишет, что исследование этого рода идет по весьма скользкому пути, так как при таком подходе в одну синонимическую группу можно включать слова мать, сын, дочь, как относящиеся к понятийной сфере родственные отношения» [62, 90].

Правомерно рассматривать синонимический ряд как цепочку слов, связанных семантически, в которой каждый член синонимического ряда

отличается каким-либо компонентом своего значения от остальных членов ряда и вместе с тем совпадает с ними по-другому компоненту. Иногда синонимический ряд приравнивается микротоме, и специфичность слов и выражений, составляющих синонимический ряд, усматривается в том, что они по-разному называют одно и то же явление объективной действительности, иначе говоря, имеют один и тот же денотат, определение синонимии. Синонимы разделяются на идеографические и стилистические. Считается, что идеографические синонимы, соотнесены с одним понятием и принадлежат одной – нейтральной стилистической сфере стилистические синонимы принадлежат разным стилистическим сферам.

В группе синтаксических терминов таджикского языка наблюдается явление синонимии. Можно привести следующие синонимичные пары в качестве примера среди них: «муайянкунанда» - «атрибут», «предикат – хабар», «субъект – мубтадо», «объект – пуркунанда» и др. Имеется некоторое количество синонимичных пар в группе английских синтаксических терминов. Такие термины относятся к ним: «concord», «agreement (мувофиқат (согласование))», «sentence», «clause (чумла (предложение))», «part», «segment (аъзо (член))», «connection», «bond (алоқа (связь)), «word combination», «collocation», «phrase (ибора (словосочетание))» «main», «principal (сараъзо (главный))». Одна лексема – заимствованием или оба компонента в каждой из выделенных синонимичных пар являются заимствованными, а другая является исконно английским словом. Когда появилась синонимия, и две лексемы, выражающие одно значение, сосуществовали в языке, тогда заимствуемое слово потребовало подбора английского эквивалента.

Таким образом, можно сделать следующие выводы что: во-первых, в терминосистеме число синонимичных терминов, с одной стороны, не превышать вероятностей человеческой памяти, а, с другой, должно быть достаточным для исполнения отложенных на них функций, во-вторых,

следует стремиться не к полному отстранению синонимии, а лишь к ограничению ее и только в тех терминосистемах, где она превышает необходимые и достаточные размеры при урегулировании терминологии и, в-третьих, известная оценка синонимии как феномен, мешающего нормальной работе терминологии, ошибочна.

3.5. Явления антонимии у терминологии синтаксиса рассматриваемых языках

Наряду с другими лингвистическими явлениями, антонимия является одним из типов семантических и лексических отношений, обнаруживающихся в семантических группировках слов на основании всеобщих компонентов значения. Антонимия и гипонимия характеризуются наименьшим уровнем семантической общности в отличие от синонимических групп слов, соединенных по принципу общности; свойственные дистинктивные семантические компоненты в составе таких объединений определяют неосуществимость сопоставления вмещающихся в них слов или терминов с идентичными денотатами, для их значений характерны отношения взаимоисключения.

Разумеется, это может быть выявлено при сопоставлении этого семантического связи с другими типами связей в ряде слов, соединенных общностью значения ряд основных свойств антонимии.

Следует отметить, что свойство антонимии, как и других видов семантических связей, выявляются в обоих аспектах, обуславливающих соответствующие семантические объединения внутри отношений слов и, соответственно, в присущих для них всеобщих чертах. В терминах компонента значение, как отличие, так и общность в семантических связях слова могут быть проинтерпретированны.

Отнесение к антонимам следующих пар синтаксических терминов – правомерно: *гипотаксис* – *hypotaxis* (*гипотаксис*) – *паратаксис* – *parataxis* (*паратаксис*). В лингвистическом словаре О.С. Ахманова предлагается следующая дефиниция термина паратаксиса: «Паратаксис – способ выражения синтаксических отношений путем простого

соположения соотносящихся элементов, без формального выражения синтаксической зависимости одного от другого» [234, 311-312]. А антоним упомянутой термин *гипотаксис* в указанном словаре интерпретируется следующее: «Гипотаксис подчинение предложений; открытое выражение синтаксических отношений зависимости одного элемента от другого» [234, 100]. Из рассмотрения указанных определений стало очевидно, что «гипотаксис» и «паратаксис» являются антонимами, выражающими вид синтаксической связи при объединении в предложениях.

Антонимические термины рассматриваемых языков по структуре весьма разнообразны. Большое количество синтаксических терминов выражены сочетаниями, которые состоят из существительного и определяющего прилагательного. Приведем следующие общеязыковые антонимы: *soda – мураккаб; simple – compound*, которые используются в составе таких терминосочетаний, как: *ибораи сода – ибораи мураккаб simple phrase – compound phrase, чумлаи сода – чумлаи мураккаб, simple sentence – multiple /compound sentence, пайвандаки чудой – пайвандаки пайвасткунанда, disjunctive conjunction – coordinating conjunction, нутқи айнаннақлиуда – нутқи мазмунаннақлиуда, direct speech – indirect speech (косвенный)* и т.д.

Таким образом, в обоих языках наблюдается приналичие синтаксических терминов, которые по той или иной структуре предложения способны иметь антонимы.

3.6. Частеречная принадлежность синтаксических терминов

Проблема соотносении синтаксических терминов к той или иной части речи всегда привлекала внимание многих лингвистов второй половины XX столетия.

Следует указать, что в обозначении синтаксических понятий – прилагательные, имена существительные, наречия, глаголы (включая причастные формы) могут участвовать слова, относящихся к разным частям речи. При всем том, имена существительные или построенные и

терминословосочетания обычно подвергаются рассмотрению в качестве терминов как собственных языковых единиц.

Участие частей речи неодинаково по отношению обозначения частей речи в рассматриваемых языках, и поэтому число синтаксических терминов и терминосочетаний по большой степени отличается, и по степени использования, они относятся к той или иной части речи; если некоторые являются пассивными относительно сферы употребления, то другие из них активные. Предлагаем следующую дифференциацию синтаксических терминов соответственно их частеречевой принадлежности.

Синтаксические термины-существительные. Имя существительное является одна из самостоятельных частей речи, который имеет безусловную достижимость в рассматриваемых языках, и, несомненно, она способна создавать отвлеченные и отглагольные существительные, сформированные от основ прилагательных, что занимает приоритетное место, и именно к существительному относятся большое количество синтаксических терминов и терминословосочетания. Следовательно, расхождений среди терминологов почти не существует относительно терминов, относящихся к имени существительному как универсальной языковой единице, потому что именно эта часть речи осуществляет базовую функцию термина – номинативную в наибольшей степени, не существует. Все синтаксические термины и терминосочетаний приводятся ниже, которые относятся к имени существительному в сопоставляемых языках.

Синтаксические термины таджикского языка: *ибора* – *phrase*, *наҳв* – *syntax*, *алоқа* – *connection/relations/bond*, *ҷумла* – *sentence*, *хабар* – *predicate*, *мубтадо* – *subject*, *пуркунанда* – *object*, *муайянкунанда* – *attribute*, *ҳол* – *adverbial modifier*, *баёния* – *apposition*, *воҳид* – *unit*, *аъзо* – *member*, *мухотаб* – *address*, *мувофиқат* – *concord/agreement*, *инверсия* – *inversion*, *саръзо* – *principal* [46, 4-360].

Синтаксические термины английского языка: «part – аъзо (член), sentence – ҷумла (предложение), syntax – синтаксис, наҳв (синтаксис), subject – мубтадо (подлежащее), adverbial modifier – ҳол (обстоятельство), attribute – муайянкунанда (определение), parenthesis – калимаи туфайлӣ (вводное слово), apposition – баёния (приложение), predicate – хабар (сказуемое), sequence – мувофиқат (согласование), object – пуркунанда (дополнение), clause – ҷумла (предложение) coordination – алоқа (связь)» [241, 145-156].

Синтаксические термины-прилагательных. По сравнению с именем существительным число терминов и терминосочетаний, относящихся к имени прилагательному очень велика, так как от остальных частей речи свойство признака во многом отличается его терминообразования. В сопоставляемых языках используются следующие синтаксические термины, которые относятся к прилагательным: мураккаб – compound, озод – free, рехта - mixed/compound, сода - simple, пайваст – copulative, чудой – disjunctive, тобеъ – subordinating, пешояндӣ – prepositional, изофӣ – izafet, ҳамроҳӣ – parataxis, хилофӣ - adversative, пасояндӣ – postpositional, артиклӣ – article, исмӣ - nominal, сифатӣ – adjectival, шуморагӣ - numeral, ҷонишинӣ – prepositional, феълӣ – verbal, зарфӣ – adverbial, инкорӣ – negative, саволӣ – interrogative, ҳикоягӣ - declarative, амрӣ – imperative, хитобӣ - exclamatory [46, 221-319].

Синтаксические термины-глаголов. Наряду с существительным и прилагательным, в качестве синтаксического термина глагол также широко применяется в сопоставляемых языках. Более определёнными являются среди них, например: «punctuate – аломатҳои китобатиро мондан (расставлять знаки препинания), quote – дар даруни нохунак гирифтан (ставить кавычки)» [46, 34].

Следовательно, становится очевидным, что большинство терминов, относящихся к синтаксису в сопоставляемых языках, принадлежит к трём частям речи: имя существительное, имя прилагательное и глагол. Число

терминов, относящихся к отмечанным частям речи, в английском языке они составляет 35 единиц, в таджикском - 47.

3.7. Заимствованные синтаксические термины в исследуемых языках

Как известно, лексический состав каждого языка, находится в состоянии постоянного изменения. Такая неустойчивость и мобильность его определена тем, что, язык и его лексический состав, в первую очередь прямо связаны, как со всякой иной общественной деятельностью людей, так и с производственной. Чтобы язык смог реализовывать свою главную функцию – функцию основного средства общения полноценно – его лексического состава должен реагировать на изменения быстро, случающиеся во всех отраслях деятельности и жизни народов: в науке, в производстве, в общественно-экономических отношениях, в мировоззрении, и наконец, в быту; фиксировать и отображать эти модификации.

Таким образом, качественные модификации и количественное повышение лексического состава любого языка в мире связаны, в конечном счете, с историей народа, носителя и творца этого языка. При всем том, прослеживая отношение формирования и развития лексического состава языка с историей и цивилизацией данного коллективного общества, мы определяем и находим решение проблем о выявление основания развития лексического структурного и составного языка, но важно знать не только почему осуществляется то или иное явление для науки, но и как, т.е. оно проявляется в каких формах.

Мы находим в лексическом составе рассматриваемых языков колоссальное число слов и терминов с абсолютно неокрашенной этимологической структурой. Подобные слова и термины наблюдаются как среди слов, построенных самими английским и таджикским языками, так среди заимствованных слов.

В лексике многих языков, в результате их долгого исторического взаимовлияния и взаимодействия, заимствования занимает приоритетное

место. С одной стороны, само *заимствование* – является процессом перехода элементов одного языка в другой, а с другой стороны, это лексический элемент иностранного языка, перенесенный из одного языка в другой в результате культурных, политических, языковых, и экономических контактов. К системе заимствующего языка заимствования приспособляются и часто до такой степени ими усваиваются, что носителями этого языка даже не ощущается иноязычный генезис таких слов и это выявляется только вследствие этимологического рассмотрения.

Необходимо указать, что процесс, в результате которого определенный иноязычный элемент зарождается и укрепляется в языке называется заимствование. Одним из основных источников обогащения словарного запаса является именно заимствование наряду с этим, он – полноценный компонент, являющийся основной частью его лексического сокровища, предназначавшийся главным источником терминообразовательных элементов, новых корней, и одновременно неотделимая составляющая функционирования и исторического преобразования языка. Как уже отмечалось одним из существенных и важнейших факторов становления, развития и обогащения языков, бесспорно, является заимствование. В пределах одного языка результатом заимствования является звуковое, акустическое и формальное однообразие; подобным же образом через взаимодействие их носителей совершается и заимствование элементов лексического состава одного языка с другим языком.

Вклад заимствованных элементов весьма значителен в сравниваемых языках, хотя их количество не представляется возможным точно подсчитать как в результате константного роста числа элементов чужого языка, входящихся в язык, так и по причине влияния процесса фонетических явлений (диссимиляции, ассимиляции и редукции), который затрудняет определить генезис слова и терминов. В каждом языке можно выделить следующие слои - исконные слова конкретного

языка; слова, свойственные всем языкам одной семьи, слова, всеобщие для группы, подгруппы родственных языков, заимствованные слова.

В процессе своего формирования и развития таджикского и английского языков контактировали с различными языками мира, из которых в разных периодах заимствовались большое количество слов и терминов. Однако, они неравносильны как по удельному весу, так и по числу в лексическом составе сравниваемых языков.

Русские и немецкие лингвисты в конце XVI - начале XVII вв. плодотворно занимались проблемой заимствования. Иноязычная лексика была главным (и единственным) предметом их исследований.

Большинство заимствований в таджикском языке относится к таким языкам, как русский, арабский, греческий и др. языки. В таджикском и английском языках, как и в других языках, заимствованные слова, разделяются на косвенные и прямые. Прежде всего, в таджикском языке арабские и русские заимствования относятся к прямым заимствованиям. Эту роль в английском языке выполняют латинские, французские и греческие заимствования.

3.7.1. Арабские синтаксические термины в таджикском языке

Арабизмы занимают особое место в лексическом составе таджикского языка наряду с другими заимствованиями из других языков. Кульминация проникновения заимствованных слов из арабского языка относится к средневековому периоду, т.е. X-XIV вв. Арабские слова получили широкое употребление в учебниках, средствах массовой информации и художественной литературе разговорной речи. Некоторые из них настолько огранично вошли в таджикский язык, что их арабское происхождение даже не чувствуется.

По сравнению с периодом после 1917 года использование арабских заимствований было более заметным в дореволюционном таджикском языке. Интересно отметить, что три типа множественного числа, которое производится путем изменения корня, существуют в арабском языке: *шоир – шуаро, хабар – ахбор, китоб – кутуб*. В таджикском языке такой

тип образования множественного числа появилось одновременно заимствованием арабизмов. Терминсочетание «шакли шикастаи шумораи чамъ (ломаное множественное число)» имеется только в арабском языке, где такие наблюдается и другие типы множественного числа: «шумораи чинси мардона (мужское множественное число)», «шумораи чамъи чинси занона (женское множественное число)».

3.7.2. Заимствования русских слов в лексическом составе таджикского языка

После присоединения Средней Азии к России по преимуществу русские заимствования появились в таджикском языке в XIX в. Приток русских слов и через него интернациональных заимствований особенно активизировался после революции. В советский период русский язык играл роль базового языка науки, техники, экономики, политики, культуры, и языка межнационального общения.

В ходе исследования было выявлено следующие синтаксические термины, которые в таджикском языке проникли из русского, и они в настоящее время широко употребляются в грамматике. Большинство из них являются знаками препенания: «*тире – dash (тире)*, *абзатс – indentation/paragraph (абзац)*, *дефис – hyphen (дефис)*, *синтаксис – syntax (синтаксис)*» [48, 56].

3.7.3. Латинские заимствованные синтаксические термины в английском языке

В соответствии с историческими источниками наиболее ранний слой заимствований относится к эпохе, когда германцы еще до присоединения фризов, ютов, англов и саксов в Британию входили в торговые и военные связи с римлянами. Военные культурные и торговые отношения начались с контакта с германскими племенами, обитавших на европейском материке задолго до того, как англосаксы появились в Англии, и продолжались на течение всего древнеанглийского периода.

Впоследствии, они в Британии наблюдали следы длительного римского господства и приняли ряд латинских слов от кельтов в то

время, когда вторглись в Британию германские племена. Было заимствовано немало слов латинского происхождения, в основном, слова, имеющие религиозного характера в связи с принятием христианства.

3.7.4. Французские заимствованные синтаксические термины в английском языке

Несмотря на общепринятое мнение, в английском языке задолго до Нормандского завоевания появились французские заимствования. До наших дней количество сохранившихся заимствованных слов невелико, но они утверждают существование языковых связей норманнами и скандинавской народностью с британцев, обитавшей в северное побережье Франции с IX в., говорившей на северном диалекте французского языка в периоде герцогство Нормандии.

При всем том, еще до нормандского завоевания Англии не было неожиданное французское влияние на словарном составе английского языка и при короле Эдуарде это особенно усилилось в первой половине XI века. Нормандское завоевание Англии произошло в 1066 г., и это в политической жизни страны не только величайшее событие, которое датируется концом древнеанглийского периода, но и в истории английского языка в целом.

На словарный состав английского языка после нормандского завоевания оказал большое влияние французский язык. По сравнению с заимствованиями из других языков в предыдущий и последующий периоды, количество французских слов было значительно большее в лексическом составе среднеанглийского языка.

Некоторые заимствованные синтаксические термины предлагается с указанием их время проникновения, а также их английской и французской форме.

французская форма	английская форма	время проникновения
copulatif	copulative	XVII
adversatif	adversative	XVII
braguette	bracket	XVI
coordinatio(n-)	coordination	XVII
gradus	degree	XVII
quantite	quantity	XVII
directus	address	XVI
dependre	dependent	XVII
adjectif, -ive	adjective	XVII
verbe	verb	XVII

Таким образом, ни один из заимствованных терминов не сохранили свою форму, который проникли в середине, конце или начале средневекового периода.

Выводы к третьей глав

Для синтаксической терминологии таджикского и английского языков характерно такое явление как синонимия. Например-2 выделенные таджикские лексемы - «хабарӣ – хабарият - хабар, синтаксис - наҳв» составляют синонимичные пары, и их английские эквивалент от общего количества анализируемых терминов составляет 8 лексем - «concord» - «agreement», «clause» - «sentence», «part» - «segment», «connection» - «bond», «word combination» - «collocation» - «phrase», «main» - «principal», «secondary» - «subordinate» «coordinative» - «coordinating».

Количества рассматриваемых терминов в группе таджикских синтаксических терминов 2 специальные лексемы, что составляет 4. 27 % которое являются антонимами: *сода – мураккаб – simple - compound (простой – сложный), гипотаксис-паратаксис*, которые используются только в составе терминословосочетания: *simple phrase – compound phrase*;

ибораи сода – ибораи мураккаб; ҷумлаи сода - ҷумлаи мураккаб; simple sentence – multiple sentence, и т.д. Общее число анализируемых лексем в группе английских синтаксических терминов 3 специальные лексемы являются антонимами, что составляет 3.32 %: *direct speech – нутқи айнаннақлишуда; indirect speech – мазмунаннақлишуда*, , *coordinating conjunction – дисъюнктивная conjunction; пайвандаки пайвасткунанда – пайвандаки ҷудой* и др.

В исследуемых языках большинство синтагмических терминов относятся преимущественно к существительному и прилагательному: *наҳв – syntax; ибора – phrase; мубтадо – subject; алоқа – bond, муайянкунанда – attribute; ҷумла – sentence, syntax – синтаксис; пуркунанда – object; sentence – ҷумла; part – аъзо; хабар – predicate* и др.

Из русского и арабского языков в таджикский язык вошло большое количество синтаксических терминов, среди них можно назвать следующие: дефис – hyphen (дефис); тире – dash (тире); хабар – subject (сказуемое); мубтадо – subject (подлежащее); ҷумла – sentence (предложение), а в английском языке аналогичные функции осуществляют латинские термины: (*object – пуркунанда (дополнение); predicate – хабар (сказуемое); punctuation – аломатҳои китобат (пунктуация)*); французские термины: *clause – қисми ҷумлаи мураккаб; sentence – ҷумла; coordination – пайвасткунанда; agreement – мувофиқат.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставляя деривационо-грамматические и этимолого-семантические особенности терминов синтаксиса и используя метод общего выработки из разных лексикографических и научных источников, мы пришли к следующим выводам:

1. Были отобраны поликомпонентные и монокомпонентные синтаксические термины и терминословосочетания, употребляемые в рассматриваемых языках.

2. Были дифференцированы собранные синтаксические термины и терминосочетания таджикского и английского языков в зависимости от периода их происхождения, формирования и развития.

3. В то же время, было выявлено, что в формирование и развитие синтаксической терминологии и терминосистемы таджикского и английского языков значительное влияние оказали античные языки в процессе анализа и сопоставления.

4. Наряду с этим, было выявлено, что в древнеперсидский и среднеперсидский периоды термины и терминосочетание арабского генезиса составляли около 86%, а термины и терминосочетания германского генезиса – приблизительно 92% от общего числа анализируемого терминологического корпуса начиная с IX-X вв. в древнеанглийские и среднеанглийские эпохи.

5. Следовательно, большинство таджикских синтаксических терминов обладают арабский генезис, а английские в основном – латино-греческое. В процессе становления и развития лингвистике как независимой науки количество такого рода терминов и терминосочетаний константно увеличилось, что свидетельствует о усиливающемся уровне интернационализации таджикской и английской синтаксической терминологии на фоне неуклонного снижения доли терминов, имеющие исконного генезиса.

6. Что касается частеречной принадлежности синтаксической терминологии определено, что в формировании таджикской и

английской макротерминосистемы синтаксиса активное участие принимают как глаголы, потому что они также способны осуществлять функции терминов и выступать в их роли (преимущественно в сфере функционирования), так и именные части речи (существительные и прилагательные).

7. Установлено, что большое количество монокомпонентных терминов являются терминами-существительными (примерно 77% в английском языках и 89% в таджикском). Подобную ситуацию можно разъяснить тем, что в обоих языках существительные представляются основным материалом терминологической номинации. Примерно 65% составляют в таджикском языке имена прилагательные их эквиваленты в английском – 66%, а вклад глаголов - около 10% в таджикском соответственно 14% в английском языках от общих анализируемых монокомпонентных терминов.

8. В ходе исследования были выявлены грамматические, орфографические и понятийные дублиеты терминологических групп макротерминосистемы английского и таджикского синтаксиса. Также была рассмотрена с точки зрения диахронического аспекта выявленная дублиетная терминология.

9. Установлено, что в период с XV по XX в. в словарном фонде рассматриваемых языков постепенно увеличивалась дублиетная терминология. В английской синтаксической терминологии в XIX-XX вв. наибольшее число терминов-дублиетов примерно составляет 65% от всего количества и объема дублиетной терминологии.

10. С целью определения структур и семантики терминологических единиц, дефиниция которых охватывают два и более значения были изучены все термины исследуемых языках.

11. Также было установлено, что из всех анализируемых терминов, примерно 9%, имеют признаки полисемии, а доля однозначных терминов составляет более 88%. Наибольшее число многозначных терминов зафиксировано в начале 20 –ых годах прошлого столетия.

12. Было выявлено, что полисемия, наличествуя как один из основных лексико-семантических процессов, происходящих в лексической системе общелитературного языка. При всем том, в макротерминосистеме таджикского и английского синтаксиса полисемия занимает не очень важное место в изучаемой терминосистеме и это позволяет прийти к такому выводу, что процесс формирования и развития данного раздела языкознания подходит к своему завершению.

13. Было установлено, что общеупотребительные слова являются одним из основных источников пополнения и обогащения лексического состава исследуемых языков.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Adj- сифат (имя прилагательное)

Adv- зарф (наречие)

Art- артикл (артикль)

N – исм (имя существительное)

NP – ибораи исмӣ (именное словосочетание)

Num- шумора (имя числительное)

Prep - пешоянд (предлог)

Pron - чоғишин (местоимение)

V- феъл (глагол)

VP – ибораи феълӣ (глагольное словосочетание)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абашина, В.Н. Сложное предложение / В. Н. Абашина. – Калинин: КГПУ, 1979. – 160с.
2. Авербух К.Я. Терминологическая вариантность [Текст] / К.Я. Авербух // Вопросы языкознания. - 1986. — № 6. - С. 38-50
3. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М. – Л., 1964, стр. 74 – 75, 90.
4. Адмони, В. Г. К проблеме порядка слов (Некоторые изучения в немецком языке) / В. Г. Адмони. Изв. АИ СССР, отд. т. VIII. – С. 373 – 377.
5. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования / Л.М. Алексеева. – Пермь: ПТУ, 1998. – 120 с.
6. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. – Л., 1979. – С. 186 – 187.
7. Актуальные вопросы типологического языкознания, германистики и методики преподавания иностранных языков // Сборник научных трудов. – Худжанд: Меъроҷ, 2013. – 116 с.
8. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации и лингводидактики // Сборник докладов. – Душанбе: Изд-во РТСУ, 2015, – 407 с.
9. Актуальные проблемы преподавания государственного языка // Сборник докладов. – Душанбе, 2002. – 253 с.
10. Александрова, О.В., Викторова, Т.М. Английский синтаксис / О.В. Александрова, Т.М. Викторова. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 185с.
11. Ализода, С. С. Сарфу наҳви тоҷикӣ / С.С. Ализода. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 80 с.
12. Абдуқодиров, А. Раҳмонов, З. Забониточикӣ: дастури таълими барои донишҷӯёни факултаҳои ғайрифилологӣ / А.Абдуқодиров, З Раҳмонов. – Хучанд, 2009. – 192с.

13. Азимова, М. Воҳидҳои фразеологӣ забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ дар шарҳи муқоисавӣ-типологӣ / М. Азимова. – Хучанд: Меъроҷ, 2014. – 180 с.
14. Ализода, С. С. Сарфу наҳви тоҷикӣ. Қоидаҳои забони тоҷик. Дар атрофи забони адабиети тоҷик / С. С. Ализода. – Душанбе, 2010. – 188 с.
15. Ализода С. Сарфу наҳви тоҷикӣ / С. Ализода. – Д: Деваштич, 2006. – 80 с.
16. Александрова, О. А. Современный английский язык: Морфология и синтаксис / О. Александров. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 224 с.
17. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Инфра-М, 2004. – 412 с.
18. Барсова С. М. Предложение как многоаспектная единица языка: Межвузовский сборник научных трудов / Барсова С. М. М Г П И, 1984. – 88 с.
19. Бархурдаров, Л. С. Структура простого предложения современного английского языка / Л. С. Бархурдаров. – М.: Высшая школа, 1966. – 200 с.
20. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В.А. Белошапкова. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
21. Бережан С. Г. К семасиологической интерпретации явления синонимии / С.Г. Бережан // Лексическая синонимия. М., 1967. – С. 46-49.
22. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка / М.Я. Блох. – М.: Высшая школа, 1983. — 376 с
23. Блумфильд, Л. Язык / Л. Блумфильд Москва, 1968, с. 185 – 186.
24. Будагов Р.А. Проблемы развития языка / Р.А. Будагов. — М.: Наука, 1965. – 70 с.
25. Будагов Р.А. Введение в науку о языке: Учебное пособие / Р.А. Будагов – М.: Доб-росвет, 2003. — 544 с

26. Буранов, Дж. Типологические категории и сравнительное изучение языков / Дж. Буранов. Москва, АДД, 1979, с. 31 – 32.
27. Васильев Л.М. Проблема лексического значения и вопросы синонимии / Л.М. Васильев // Лексическая синонимия. – М., 1967. – С. 16-26.
28. Винокуров, А.М. Структурные аспекты слова и словосочетания / А.М. Винокуров. – Калинин: КГПУ, 1980. – 125 с.
29. Виноградов, В. В. Из истории изучения русско-английского «Вопросы грамматического строя» / В. В. Виноградов. М., 1996, с. 4 – 5.
30. Виноградов, В. В. Некоторые изучения синтаксиса простого предложения / В. В. Виноградов. – ВЯ. – 1954. – № 1. – С. 3 – 25.
31. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии [Текст] / Г.О. Винокур // Труды МИФЛИ: сб. статей по языкознанию. — М.: Фил. фак., 1939. - С. 5.
32. Виюлман, В.Г. Английская синонимия / В.Г.Вюлман. – М.: ОГПИ, 1980. -126с.-С.6-16.
33. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) / М.Н. Володина. – М.: Изд. МГУ, 2000. – 128 с.
34. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 1999. - 831 с
35. Гвишиани Н.Б. К вопросу о метаязыке языкознания / Н.Б. Гвишиани // Вопросы языкознания. – 1983. — № 2. — С. 64-72.
36. Гвишиани, Н.Б. Язык научного общения: вопросы методологии / Н. Б. Гвишиани. - М.: Высшая школа, 1986. – 280 с.
37. Гвоздев А.И. Очерки по стилистике русского языка /А.И.Гвоздев. – М.: КомКнига, 2009. – 408 с
38. Глузбург Е.Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Глузбург. – М.: Изд-во Академия наук СССР, 1979. – 262с.

39. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах: уч. пособие / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 105 с.
40. Головин, Б.Н. Введение в языкознание / Б.Н. Головин. 4-е изд. – М.: Высшая Школа, 1983. – 321 с.
41. Горбунов Ю.И. Французская грамматическая терминология. Опыт тезаурусного исследования. Монография / Ю.И. Горбунов. – СПб.: Изд-во СПб ГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 182 с.
42. Горнфельд А. Г.
43. Грамматика современного таджикского литературного языка. Т. 2. Простые предложения. – Д.: Дониш, 1987. – 372 с.
44. Грамматика современного таджикского литературного языка. Т.3. Сложные предложения. – Д.: Дониш, 1989. – 224 с.
45. Гринев С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М.: Моск. лицей, 1993. – 309 с.
46. Гузеева К.А. Грамматика английского языка. Инфинитив / К.А. Гузеева, СИ. Костыгина. - СПб.: ИнЪязиздат, 2006. - С 102-106.
47. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического анализа / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
48. Джаматов, С. Становление и развитие лингвистической терминологии таджикского и английского языков / С. Джаматов. – Д.: Ирфон, 2017. – 412 с.
49. Джаматов, С. Сопоставительный анализ синтаксической терминологии таджикского и английского языков / С. Джаматов. - Душанбе: Изд-во «Бухоро», 2015. – 192 с.
50. Джаматов, С. Анализ морфемной структуры однословных терминов, относящихся к «словосочетанию» в таджикском и английском языках / С. Джаматов // Вестник педагогического университета (серия филология). - Душанбе, 2015. - № 3 (64). - С. 74-77.

51. Джаматов, С. Роль и использование синтаксических терминов в древнеанглийском языке / С. Джаматов // Вестник педагогического университета (серия филология). - Душанбе, 2015. - № 3 (64). - С. 97-99.
52. Джаматов, С. Структурный анализ моноксемных и полилексемных терминов, относящихся к «членам предложения» в таджикском и английском языках / С. Джаматов // Вестник Таджикского национального университета (серия филология). - Душанбе, 2015. - №4/6 (177). - С. 30-35.
53. Джаматов, С. Явление полисемии в синтаксической терминологии таджикского и английского языков / С. Джаматов // Вестник Таджикского национального университета (серия филология). Душанбе, 2015. - №4/7 (180). - С. 45-51.
54. Джаматов, С. Интерпретация двух основных синтаксических терминов в английском языке / С. Джаматов // Язык - признак нации: матер. респ. науч.-практ. конф. -Душанбе, 2013. -С. 169-171.
55. Демесинова, Н.Х. Порядок слов в простом предложении русского и казахского языков / Н.Х. Демесинова. - Клим. Дисс, Алма – Ата: 1968, с. 175 – 259.
56. Домашенкина, Г.П. Словосочетание / Г.П. Домашенкина. – Хабаровск ГПУ, 1979. – 80 с.-С.3-8.
57. Евгеньева А.П. Синонимы русского языка и их особенности: Сборник статей / А.П. Евгеньевна, Институт русского языка (Академия наук СССР). – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – 246 с.
58. Заверена, Е. Н., Эбер, И. Г. Синтаксис современного английского языка / Е. Н. Заверена, И.Г. Эбер. – Л.: Изд-во Л. Ун-та, 1958. – 22 с.

59. Забони адабии ҳозираи тоҷик / Синтаксис. Қисми 2: Китоби дарси барои факултетҳои филологияи мактабҳои олий. – Д.: Маориф, 1984. – 326 с.
60. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Синтаксис донишҷӯёни факултетҳои филологияи мактаби олий. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 268 с.
61. Забони адабии ҳозираи тоҷик: Китоби дарси барои факултетҳои филологияи мактабҳои олий. – Д.: Маориф, 1995. Қисми 2: Синтаксис. 1995. – 342 с.
62. Звегинцев В.А. Замечания о лексической синонимии / В.А. Звегинцев // Вопросы теории и истории языка. – Л, 1963. – С. 90.
63. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. - М.: МГУ, 1976. - 307с
64. Ильиш, Б. А. Строй современного английского текста: учебник / Б. А. Ильиш. – Л.: Просвещение, 1971. – 365 с.
65. Иофик, Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке / Л.Л. Иофик. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 245 с.
66. Иртеньева Н. Ф. Информативное членение предложения /Н.Ф. Иртеньева // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. – С. 29-32.
67. Кагарова, К. А. О порядке слов в современном и литературном языке (положение дополнение и обстоятельства места в простые предложения) / К. А. Кагарова. – АКД, Л. 1964, с. 4, 6.
68. Камолиддинов Б. Масъалаҳои бахсноки наҳви забони тоҷикӣ. – Д.: Деваштич, 2003. – 136 с.
69. Камолиддинов, Б. Наҳви забони тоҷикӣ /Б. Камолиддинов. – Д.: Собириён, 2010. – 280 с.
70. Канделаки Т.Л. Значение терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии / Т.Л. Канделаки. – М.: Наука 1970. – С. 13-39.

71. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики русского языка / Л.А. Капанадзе. – М.: Наука, 1965. – С. 75-86.
72. Карабан, В. И. Понятие «связность» и лингвистических теорий. Вопросы языковой структуры / В. И. Карабан. Киев, 1978, - с. 29.
73. Каушанская, В. Л. Практическая грамматика английского языка / В. Л. Каушанская, Р. Л. – 5 - е изд. – М.: Айрис – пресс, 2008. – 384 с.
74. Качалова, К. Н., Израилевич, Е. Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами / К. Н. Израилевич Е. Е. Качалова. – М.: ЛадКом, 2010. – 720 с.
75. Кобрина Н.А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис / Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева. – СПб.: Союз, 2002. – 496 с.
76. Кобрина Н. А., Е. А Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. Грамматика английского языка. Синтаксис: Учеб, пособие для пед. – М.: Просвещение, 1986. – 158 с.
77. Костюшкина Г.М. Дискурсивный аспект языковых единиц / Г.М. Костюшкина, А.А.Заяц, М.В. Зубец, М.Ю. Карбаинова, Е.П. Пензева, О.А. Саенко, Е.Д. Степанова. - Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2006. - 549 с.
78. Коцарь, Э.Б. Вводные слова и словосочетания, вводные предложения вставные конструкции / Э. Б. Коцарь – Москва: МГПИ,1969. -30 с. – С.3-8.
79. Красильников, М. С. Некоторые проблемы слова и предложения в современном английском языке / М. С. Красильников. – Горький: ГГПИ,1976. – 202 с. –С.160-168.
80. Кротевич, Е. В. Синтаксическое отношения между членами словосочетания и членами предложения / Е. В. Кротевич. Львов, 1956. – 156 с.

81. Коршунова Светлана Олеговна Тезаурусное моделирование терминологии синтаксиса
82. Қосимова, М. Н. Чор унсур: маъниофарини, калимасозӣ: дар асоси маводи“Маснавии Маънави. – Д.: Деваштич, 2007. – 266 с.
83. Лавровская К. А. Синонимы в языке / К. А Лавровская. –М.: Наука. 1987, – 213 с.
84. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – М: КомКнига, 2006. – 256 с.
85. Лейчик В.М. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод / В.М. Лейчик, С.Д. Шелов. – М.: ВЦП, 1989. – 40 с.
86. Ломоносов, М.В. Российская грамматика. Полное собрание сочинений, том 7 // М.В. Ломоносов. - М. - Л.: Изд. Ан СССР, 1952. – 493 с.
87. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии // Вопросы теории и методики / Д.С. Лотте. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.
88. Мельников Г.П... Основы терминоведения / Г.П. Мельников. — М.: УДН, 1991. -115 с
89. Мешанинов, И.И. Члены предложения в части речи / И. И. Мешанинов. – М. – Л. 1945, с.
90. Мешков, Олег Давидович / Семантический аспекты словосложения английского языка. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
91. Махмадназаров, А. / Фарханги англиси ва тоҷики / Душанбе: Ирфон, 2013. – 268 с.
92. Нисори Х. Четыре цветника / Х. Х. Нисори. – Д., 1988. – 116 с.
93. Норман, Б.Ю. Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение / Б.Ю. Норман. - Владимир: МГПИ, 1986. – 106 с.- С.32,34,35,41,48.
94. Набиев, М. Маҷмӯи машқҳо оид ба наҳви забони ҳозираи тоҷик / М. Набиев. – Кулоб: 1992. – 142 с.

95. Норматов, М. Таҳлили синтаксиси ва навъҳои он / М. Норматов. – Душанбе: 2013. – 96 с.
96. Норматов, М. Таҳлили синтаксиси ва навъҳои он / М. Норматов. – Д.: 2008. – 148 с.
97. Ниёзмухаммадов, Б. Забоншиносии тоҷик / Б. Ниёзмухаммадов. – Д., 1970. – с. 139.
98. Омули, М. Нафоис-ул-фунун / М. Омули. – Техрон, 1317 хичрӣ. – С. 25-70.
99. Оссовская, К. А. Гузеева. Грамматика английского языка синтаксис / К. А. Оссовская. – М.: Просвещение, 1986. – 158, (2) с.
100. Оликова, М. А. Обращение в современном английском языке / М.А. Оликова. – Львов: Вища школа, 1979. – 84 с.
101. Сиротинина, О. Б. Порядок слов в русском языке / О. Б. Сиротинина. – Саратов, 1965, с. 4 – 11, 146 – 164.
102. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса / Е. В. Падучева. – М.: Изд-во Наука: Академия Наук СССР, 1974. -279 с.
103. Палевская М.Ф. Синонимы в русском языке / М.Ф. Палевская. – М.: Изд-во «Просвещение», 1964. – 128 с.
104. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 544 с.
105. Красильников М.С. Проблемы слова и предложения в современном английском языке / М. С. Красильников. – Горький: ГГПИ, 1976. – 202 с. – С.160-168.
106. Пиотровский Р.Г. Системное исследование лексики научного текста / Р.Г. Пиотровский, Н.П. Рахубо, М.С Хажинская. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 156 с.
107. Плеухина Э.Н. Эллипсис в английской и русской разговорной речи / Э.Н. Плеухина. Горьк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н.А. Добролюбова. - Горький, 1990. - 12 с.

108. Почепцов, Г. Г. Синтагматика английского слова. The syntagmatics of English words / Г. Г. Почепцов. – Киев: Вишшкола, 1976. – С. 111.
109. Проблемы слова словосочетания и предложения в современном английском языке. – Горький: Горький, 1978. – 182 с.
110. Питерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. - М., 1923. - 506 с.
111. Прохорова В.Н. Русская терминология / В.Н. Прохорова. - М.: Изд-во МГУ, 1996. - 125 с.
112. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1959. – С. 4-28.
113. Рози, Ш. Ал-муъчам /Ш. К. Рози. – Д.: Ирфон, 1991. – 462 с.
114. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
115. Рустамов, Ш. Мушкилоти синтаксис / Ш. Рустамов. – Д.: Маориф, 1988. – 344 с.
116. Саймиддинов, Д. Словообразование среднеперсидского языка/ Д. Саймиддинов. -Душанбе: Пайванд, 2001. – 320 с.
117. Седельников, Е.А. Структура простого предложения с синтаксических / Е. А. Седельников. - Москва, 1961, № 3, с. 69.
118. Скупский, Б.И. Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте: /Б.И. Скупский. – Ростов - на – дону: РГПИ, 1979. -102.
119. Сино, А. Соченения. Том первый/ А. И. Сино. - Душанбе: Дониш, 2005. – 960.
120. Синтаксис русского языка. – Л. 1964. – С. 33 – 34, 358 – 359.
121. Скобликова, Е.С. Очерки по теории словосочетания и предложения / Е.С. Скобликова. – Куйбышевский филиал 1990. – 140 с. –С.121-130.
122. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А.И Смирницкий. – М.: Изд-во, лит на иностр. яз., 1957. – 286 с.

123. Собинникова, В.И. Синтаксис предложения и текста / В.И. Собинникова. – Воронеж: ВГПИ, 1985. -138.- С.5,18,64.
124. Собиров, А. Порядок слов в простом двусоставные в современном таджикском и английском языках / А. Собиров. – Д., 1973, с 3 – 23.
125. Собир А. М. Сравнительно-сопоставительная типологии синтаксиса и структуры простого предложения в разносистемных языках: на материалах тадж., англ. и русск. Языков / А. М. Собир. – Д., 2001. – 246 -4 с.
126. Собир А. М. Методологические проблемы типологии синтаксиса простого предложения / А. М. Собир. – Д.: РТСУ, 2002. – 31 с. – С 9,10,16,28,29,30.
127. Соссюр, Ф. Заметки по общей лингвистике: / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 2000. – 280 с.
128. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 272 с.
129. Структура синтаксиса словосочетания предложения в современном английском языке // межвуз. сб. науч. тр. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1988. – 133 с.
130. Ступин Л. П. Лексикография английского языка [Текст] / Л.П. Ступин. – М.: Высшая школа, 1985. – 174 с.
131. Султон, М. Х. Язык науки и терминология: сборник статей / М.Х. Султон. – Д.: Ирфон, 2011. – 202 с.
132. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. — М.: Наука, 1989. – 246 с.
133. Татаринов В.А. История отечественного терминоведения / В.А. Татаринов. – М.: Московский лицей, 1995. – 334 с.
134. Туси, Н. Основы приобретения /Н. Туси. – Д.: Шуджойён, 2009, – 388 с.

135. Тер – Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Минасова. – М.: Слово, 2008. – 264 с.
136. Фельде О.В. Историческое терминоведение в теории и практике / О.В. Фельде (Борхвальдт). – Красноярск: КГПУ, 2001. – 148 с.
137. Филин Ф.П. О слове и вариантах слова / Ф.П. Филин // Морфологическая структура слова в языках разных типов. – АН СССР. М-Л., - С. 130.
138. Фитрат, А. Б. Қоидаҳои забони тоҷикӣ: сарф ва наҳв / А. Б. Фитрат. – Д.: Сино, 2009. – 128 с.
139. Фортунатов, Ф.Ф. Избранные труды: В 2 т. – М. – Т 1. 1956. – Т 2. – 1957. – 471 с.
140. Хаймович Б. С., Роговская Б.И. Теоретическая грамматика английского языка / Б. С. Хаймович, Б.И. Роговская. – М.: Высш.школа, 1967. – 299 с.
141. Ходизода, Б., Бузургзода Л., Дехоти А. Таджикский языка: морфология и синтаксис / Б. Ходизода, Л. Бузургзода, А. Дехоти. -Сталинобод, 1932. – 134 с.
142. Хочаев, Д., Кабиров, Ш. Синтаксис ва пунктуация / Д. Хочаев, Ш. Кабиров. – Д.: Маориф, 1991. – 60 с.
143. Хусейнов, Х. Пунктуацияи забони адабии ҳозираи тоҷик / Х. Хусайнов. – Д.: Маориф, 1977. – 96 с.
144. Хусрав Н. Необходимое для путников / Н. Хусрав. – Душанбе: Ирфон, 2004. –С 242.
145. Шарифова, Ф. Таҳаввули ҷумлаи соддаи забони тоҷикӣ. Қисми 1 / Ф. Шарифова. – Д., 2012. – 224 с.
146. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка. -Ленинград, 1941. -С. 210-227
147. Шелов С.Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии / С.Д. Шелов. – СПб.: СПбГУ, 1998. – 236 с.

148. Шелов С. Д. Терминоведение: семь вопросов и семь ответов по семантике термина / С.Д. Шелов // Научно-техническая информация. - Сер. 2. – 2001. – №2. – С. 1-12
149. Шендельс, Е.И. Порядок слов в главном предложении в одновременном немецком языке. Е. И. Шендельс. ИЯШ, – 1949. – № 6. – с. 19 – 45.
150. Шокиров Т. С. Аломатҳои китобати забони тоҷикӣ / Т. Шокиров. – Хучанд: Нури маърифат, 2014. – 80 с.
151. Ядиханова, Т.С. Порядок слов в простом предложении узбекского языка / Т. С. Ядиханова. - АКД, М. 1954, – С. 3 – 8.

II. ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

152. Agnus J. Handbook of the English tongue. London, 1862, pp. 235, 242, 243,
153. Allen A. and Cornwell J. An English school Grammar, 42nd, London, 1869, p. 100
154. Ashton A. J. Intermediate English grammar. Based on Mason`s English Grammar, revised in accordance with modern requirements. London, 1915, p. 126
155. Atkin J. Practical and Self – Instructing English Grammar. London, 1845
156. Azar, B. S. Fundamentals of English Grammar. Third Edition / B. S. Azar – New York: Longman a Pearson Education Company, 2003. – 464 p.
157. Azar, B. S. Understanding and using English Grammar / B. S. Azar. – New York: Longman, 2009. – 250 p.
158. Bain A. A higher English Grammar, London, 1873, p. 148;
159. Baker C.L. English Syntax / C.L. Baker // Sec. edition. - London: The MIT Press, 1996.-647 p.

160. Benz, Ch., Roemer A. Grammar Dimensions 2 Workbook: Form, Meaning, and Use / Ch. Benz, A. Roemer – Australia: Heinle & Heinle Thomson Learning, 2000, - 196 p.
161. Birk N. P. and Birk G. B. Understanding and using English. N. Y. 1959, p. 132, 553
162. Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Structur des deutschen Satzes. – Berlin, 1955. – S
163. Brain A. A first English Grammar. London, 1872, p. 165
164. Brerewood E. Elementa Logicae. Londini, 1615, p. 12
165. Brightand J. A Grammar of the English Tongue. London, 1714, pp. 109, 110, 239.
166. Brown G. The Grammar of English Grammars, N. Y. 1861, p. 458.
167. Burgersdicii Fr. Logicae Institutions. Londini, 1651, p 63
168. Bryant M. A Functionanal English Grammar. Boston, 1945.
169. Bullions P. An analytical and Practical Grammar of the English Language. N. Y., 1859, p. 131 (первое изд. – 1849 г.)
170. Bullokar W. Bref grammar for English / W. Bullokar. – London: Bollifant, 1586. – 68 p.
171. Butler Ch. Charles Butler`s English Grammar (1634). Halle, 1914, S. 51,
172. Close, R. A. A reference grammar for students of English / R. A. Close. – M.: / Proavescheniye, 1979 – ix, 342 p.
173. Coe, N. Grammar Spectrum 3. English rules and Practice: Intermediate with answers / N. Coe. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 120 p.
174. Cooper Ch. Christopher Cooper`s English teacher (1687) Ed. B. Syndby. Lund, 1953, pp. 115 – 117;
175. Cooper Ch. Coopers Grammatica linguae anglicanae (1865). Halle, 1912, - S. 154 – 159.
176. Craig G. D., Huston A. E., Montgomery G. The essentials of English grammar. N. Y., 1941, p. 48.

177. Curme G. O. A Grammar of the English language, vol. III. Syntax. London, 1931
178. Davidson W. and Alcock J. C. English Grammar and Analysis. London) не только в издании 1880 г. (стр. 91) но в издании 1959 г. (стр. 89)
179. Duncan W. The elements of logic. London, 1759, p. 157.
180. Farhady, H. The grammar Book for TOEFL / – Tehran: Rahnama Press, 2006, - 461 p.
181. Farro D. The Royal Universal British Grammar. London 1754. – P. 305-320.
182. Fernald J. English grammar simplified. N. Y, 1946, p. IX, 226.
183. Firbas J. Some thoughts of the function of word-order in Old English and Modern English / J. Firbas // Sb. praci filos. Faculty Brenenske university. – 1950. – T. VI. – P. 72.
184. Gardiner, A. The theory of speech and language / A. Gardiner. – Oxford 1932. –p. 320.
185. Groot, A. W. de. Structural linguistic and syntax / A. W. de Groot. – Servire - den hag, 1949, № 5, 1, p. 3.
186. Gardiner A. The theory of speech and language [Text] / A. Gardiner. - Oxford: Clarendon Press, 1951.-348 p.
187. Grammaire Generally et raisonnae, de Port Royal. Paris, 1754, p. 109.
188. Granger Th. Syntagma Logicum of the divine logike. Londini, 1620, pp. 22, 227232, 237
189. Greenwood J. The royal English Grammar. London, 1737, p. 148
190. Greenbaum, S. An Introduction to English Grammar / S. Greenbaum. – Malaysia: Longman, 1997, – 336 p. – АНГЛ.
191. Ghanbari, A. Magic English Grammar 3: / A. Ghanbari. – Tehran: Rahnama Press, 2004. – 80 p.
192. Harris J. Hermes or a Philosophical Inquiry concerning Language a universal Grammar. London, 1754, p. 240.
193. Henkin L. J. Good English for Everyday Use. N. Y. 1947, p. 14, 89

194. Jespersen O. The philosophy of Grammar London, - N. Y. 1935, (1st ed. 1924)
195. Johnson B. The English Grammar. Works. London, 1640, p. 83
196. Kierzek J. M. The Macmillan Handbook of English. N. Y, 1955, pp.49, 50
197. Kimball L. G. The Structure of the English sentences. N. Y. 1900,
198. Knight T. W. A new Comprehensive English Course. London, 1958, p. 17, 124
199. Kruisinga E. A Handbook of Present – Day English, pt. II. 3, 5th ed. Gronigen, 1909. – 236 p.
200. La Logique ou L`Art de panzer par Arnault et Nicolis du Port royal. Paris, 1662, pp. 113 – 135
201. Leiper M. A. A new English Grammar. N. Y. 1923, p. 223
202. Leipzig H., Einleitung in die Geschichte der lateinischen Syntax. Historische Grammatik der lateinischen Sprache, Bd. 3, 1. 1903. – P. 1-87
203. Lennie. W. The principles of English Grammar, the 99 –th ed. Edinburgh – London, 1905, p. 181;
204. Lewis H. The English language, its Grammar and History. London, 1861. p. 74.
205. Lily W. A Short Introduction of grammar. N. Y. 1945
206. Longman Grammar of spoken and written English London: Longman, 2000, - 1204 p. –
207. Lowth R. A Short Introduction to English Grammar: with critical notes. – London: A Millar, R & J Dodsley, 1762. – 186 p.
208. Mason C. P. English Grammar London. 1885, 28th ed., p. 14.
209. Maxwell W. Introductory Lessons in English Grammar. N. Y. 1888, p. 142.
210. Meiklejohn J. M. D. A short Grammar of the English Tongue. London, 1911, p. 141

211. Milton J. *Anglice Logicae plenior Institution ad Petri rami Methodius Concinnata*. Londini, 1672, p. 37
212. Moon A. R. *Functional Grammar*. London, 1959, p. 135, 150.
213. Morrel. T. *A Grammar of the English Language*. London, 1893, p. 145, 166
214. Myers L. M. *Guide to American English* pp. 182, 183.
215. Murray L. *English grammar, adapted to the different classes of learners*. York, 1813 p. 137.
216. Nesfield J. C. *English Grammar Past and Present*. London, 1931, p. 102, 103
217. NED – *The Oxford English Dictionary*. Ed. J. A. N. Murray, H. Bradley, W. H. Craigie, C. T. Onions. Oxford, 1933.
218. Nixon, C. *Primary Grammar Box: Grammar games and activities for younger learners* / C. Nixon. M. Tomlinson. – Cambridge: Cambridge: University Press, 2008. – 120 p.
219. Onions C. T. *An Advanced English Syntax*. 6th ed. London, 1932 (1-st ed., 1904)
220. Opdycke, J. B. *Harper`s English Grammar* / John, B. Opdycke. – New York: Harper & Row, Published, Incorporated, 1985, - 286 p.
221. Parulis, G. *Grammar Dimensions 4: Workbook. Form, Meaning, and Use*. – Australia: Heinle&Heinle Thomson Learning. 2000. – 262 p.
222. Pence R. W. *A grammar of Present – Day English*. N. Y. 1956, p. 4, 14
223. Poustma H. *A Grammar of late modern English, pt. I. The Sentence, 2nd Half*. Gronigen, 1929
224. Pribble E. *Grammar in Use Book IV*. N. Y., 1943, p. 86
225. Priestley J. *The Rudiments of English grammar*. London 1840, и др. pp. 193, 197 – 198 и др.
226. Quirk R. *A Comprehensive Grammar of the English Language* / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – Longman, 2007. – 1779 p.

227. Schutt W. R. Effective Written English N. Y. – London 1949;
228. Schaffer V. & Shaw H., Graw – hill handbook of English. N. Y., 1961, p. 8.
229. Sager J.C. A practical course in terminology processing / J.C. Sager. - Amsterdam: Benjamins, 1990. —216 p.
230. Seidel E. Geschichte und Kritik der wichtigsten Satzdefinitionen // Jenaer germa. – 1935. – № 27. – SS. 25-26.
231. Stokoe H. R. The Understanding of Syntax London, 1937.
232. Sweet H. A New English Grammar. Logical and historical. Part I. Introduction, Phonology and Accedence. – Oxford: Oxford Clarendon Press, 1892. - 499 p.
233. Sweet, H. A New English Grammar. Logical and historical. Part II: Syntax. Oxford: Oxford Clarendon Press 1898. – 137 p.
234. Tesniere, L. Elements de syntaxes structurale / L. Tesniere. – Paris, 1959
235. Turner Br. A new English Grammar. London, 1840, и др

III. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРЬ

236. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. Изд. 5-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.
237. Баранов А.Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике/ А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Н. Михайлов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.
238. Баранов А.Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // 2-е изд. - М.: Азбуковник, 2001. - 626с.
239. Баранов А.Н. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов с английским эквивалентом / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: АСТ-Пресс, 2006. – 496 с.

240. Васильева Н.В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович. — М.: Русский язык, 1995. — 175 с.
241. Даниленко В.П. Краткий словарь лингвистических терминов [Текст] / В.П. Даниленко, Н.А. Свердлов, А.А. Федосеев. - Иркутск: ИГЛУ, 2002. - 50 с.
242. Джаматов, С. Англо-русско-таджикский лингвистический словарь / С. Джаматов. -Душанбе: Шуджойён, 2011. - 250 с.
243. Джаматов, С. Англо-русско-таджикский лингвистический словарь / С. Джаматов. - 2-ое изд. -Душанбе: Изд-во «Бухоро», 2015. - 208 с.
244. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Под редакцией Ярцевой В.Н. - М.: Советская энциклопедия, 1990. — 686 с.
245. Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А.М. Ломов. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. - 412 с.
246. Максимов В.И. Учебный словарь-справочник русских грамматических терминов / В.И. Максимов, Р.В. Одеков. - СПб.: Златоуст, 1998. -304 с.
247. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М.: Иностранная литература, 1960. - 436 с. 167.
248. Назарян А.Г. Французско-русский словарь лингвистической терминологии / А.Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1989. — 447 с. 168.
249. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь / Л.Л. Нелюбин. —М.: Флинта: Наука, 2003. - 320 с.
250. Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь / Г.А. Нечаев. - Ростов-на-Дону: РГУ, 1976. - 183 с.

251. Никитина С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике: автоматическая обработка текста / С. Е. Никитина. — М.: Наука, 1978. - 375 с.
252. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. -М.: Просвещение, 1976. -543 с.
253. Татаринов В.А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / В.А. Татаринов. – М.: Московский Лицей Москва, 2006. – 527 с.
254. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии / Э. Хэмп / Пер. с англ. и доп. В.В. Иванова / Под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. - М.: Прогресс, 1964. - 264 с.
255. Chalker S. Oxford dictionary of English grammar / S. Chalker, E. Weiner. – New York: Oxford University Press, 1998. – 448 p.
256. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal // Sec. edition. - New York: Cambridge University Press, 1995. - 488 p.
257. Fowler, Henry Watson. A Dictionary of Modern English Usage: The Classic First Edition. Introduction and notes by David Crystal. Great Britain: Oxford University Press. 2009. – 578 p.
258. International Organization for Standardization. 1990. – P. 1087.
259. Whitehall, H. Structural Essentials of English. - New York, 1956. - 182 p.

Приложения

Таблица №1. Термины, относящиеся к порядку слов в таджикском и английском языках

Тоҷикӣ	Англисӣ	Русӣ
тартиби калима	word order	порядок слов
тартиби наҳвӣ	syntactic arrangement	синтаксический порядок
сохтори наҳвӣ	Syntactic(syntactic structure)	синтаксическая конструкция
тартиби озоди калима	free word order	свободный порядок слов
тартиби устувори калима	flexible word order	гибкий порядок слов
тартиби бевоситаи калима	direct word order	прямой порядок слов
тартиби муқаррарии калима	normal word order	нормальный, обычный порядок слов
тартиби баръакси калима	inverted word order	обратный порядок слов
инверсия	Inversion	инверсия
инверсияи пурра	full inversion	полная инверсия
инверсияи ноपुरра	partial inversion	частичная инверсия
тартиби эфатии калима	emphatic word order	эмфатический порядок слов
тартиби алоқамандкунандаи калима	linking word order	связующий порядок слов

**Таблица №2. Терминов, относящихся к «ибора –phrase (словосочетание)»
в сопоставляемых языках**

Точикӣ	Англисӣ	Русӣ
ибора	phrase	фраза, слвоосочетание
ибораи асосӣ	endocentric word group	эндоцентрическое словосочетание
ибораи ғайриасосӣ	exocentric word group	экзоцентрическое словосочетание
калимаи асосӣ	Head	главное слово
марказӣ	centre	центральный
ибораи исмӣ	nominal/noun phrase	именное/субстантивное словосочетание
ибораи феълӣ	verbal/verb group/phrase	глагольное словосочетание
ибораи зарфӣ	adverbial/adverb group/phrase	адвербиальное словосочетание
ибораи сифатӣ	adjective group/ phrase	адъективное словосочетание
ибораи пайвандакӣ	conjunction group/phrase	союзное словосочетание
ибораи пешояндӣ	preposition/prepositional group/phrase	предложное словосочетание
ибораи сода	simple phrase /word group/collocation	простое словосочетание
ибораи мураккаб	complex phrase /word group/collocation	сложное словосочетание
ибораи устувор	fixed /phrase /word group	устойчивое словосочетание
ибораи озод	free phrase /word group	свободное словосочетание

ибораи муайякунандагӣ	attribute phrase/word group	определяющее словосочетание
ибораи ҳолӣ	adverb phrase/word group	обстоятельное словосочетание
ибораи пуркунандагӣ	object phrase/word group	объектное словосочетание
ибораи хабарӣ	predicate word group	предикативное словосочетание
ибораи исмӣ/номӣ	subject word group	субъектное словосочетание
Алоқа	Relations	связь
озод	Free	свободный
Тобеъ	Subordinate	подчиненный
Калима	Word	слово
Ибора	phrase	словосочетание
чузъ	component	компонент
қоида	rule	правило
фъёлӣ	verb	глагольный
бевосита	first	прямой
бавосита	second	косвенный
асос	nexus	ядро
калимаи ҳолӣ	adjunct	определение, обстоятельное слово
зарфӣ	adverb	адвербиальный
ҷонишинӣ	pronoun	местоименный
сода	simple	простой
ҳамроҳӣ	parataxis	примыкание

зарф	adverb	наречие
мутлақ	absolute	абсолютный
пайваст	co-ordinate	сочинительный
бефосила, муттасил	discontinuous	непрерывный
исмй	adnominal	присубстантивный
васъшавй	extension	расширение
Пайвандақ	conjunction	союз
чудой	disjunctive	разделительный
тафсилй	expanded	распространенный
Вобастагй	government	управление
хилофй	adversative	противительный
артикл	article	артикуль
номуназзам, номуттасил	continuous	прерывистый
пайвандақдор	syndetic	союзный
мутаносиб	correlative	соотносительный
герундй	gerundive/gerundial	герундиальный
мувофикат	agreement	согласование
бепешоянд	non-prepositional	беспредложный
пешоянддор	prepositional	предложный

Таблица №3. Сложные термины таджикского языка

Тоҷикӣ	англисӣ	Русӣ
Пасояндӣ	postpositional	послеложный
пешояндӣ	prepositional	предложный
пайвасткунанда	coordinative// coordinating	сочинительный
тобъёкунанда	subordinating	подчинительный
ҷонишинӣ	pronominal	местоименный

Таблица №4. Сложные термины английского языка

Тоҷикӣ	англисӣ	Русӣ
муайянкунанда	determiner	детерминатив (определяющее слово, детерминатив)
квантификатор	quantifier	квантификатор
квалификатор, муайянкунанда	qualifier	квалификатор, определитель
вобаста	dependent	зависимый
алоқаи ҳамроҳӣ	parataxis	примыкание
алоқаи вобастагӣ	government	управление
хилофӣ	adversative	противительный
хабарӣ	predicative	предикативный
масдарӣ	infinitival	инфинитивный

Таблица №5. Термины-словосочетания, относящиеся к «ибора – phrase (словосочетание) в рассматриваемых языках

Тоҷикӣ	англисӣ	Русӣ
ибораи рехта	set phrase	фразеологический оборот
ибораи сода	simple phrase	простое словосочетание
ибораи исмӣ	nominal/noun phrase	именное словосочетание
ибораи мураккаб	compound word combination	сложное словосочетание
ибораҳои исмӣ бо сифат	noun phrases with adjective	именные словосочетания с прилагательным
ибораҳои исмӣ бо исм	noun phrases with noun	именные словосочетания с существительным
ибораҳои исмӣ бо шумора	noun phrases with numeral	именные словосочетания с числительным
ибораҳои исмӣ бо масдар	noun phrases with infinitive	именные словосочетания с инфинитивом
ибораҳои исмӣ бо ҷонишин	noun phrases with pronoun	именные словосочетания с местоимением
ибораҳои исмӣ бо ҷонишинҳои таъинӣ	noun phrases with definitive pronoun	именные словосочетания с указательными местоимениями
ибораҳои исмӣ бо ҷонишини нафсӣ	noun phrases with reflexive pronoun	именные словосочетания с возвратными

		местоимениями
ибораҳои сифатии пешояндӣ	adjective prepositional phrases	предложные прилагательные словосочетания
ибораҳои сифатии изофӣ	adjective izafet phrases	изафетные прилагательные словосочетания
ибораҳои шуморагии изофӣ	numeral izafet phrases	изафетные числительные словосочетания
ибораҳои шуморагии пешояндӣ	numeral prepositional phrases	предложные числительные словосочетания
ибораҳои сифатии изофию пешояндӣ	prepositional and izafet adjective phrases	предложные изафетные адвербиальные словосочетания
ибораҳои сифатии пешояндиву пасояндӣ	postpositional and prepositional adjective phrases	послеложные предложные адвербиальные словосочетания
ибораҳои сифатии изофию пасояндӣ	postpositional and izafet adjective phrases	послеложные изафетные адвербиальные словосочетания
ибораҳои шумораи аслӣ бо ҷонишин	primary numeral phrases with pronoun	простые числительные словосочетания с местоимением
ибораҳои ҷонишини шахсӣ бо исм	personal pronoun phrases with noun	личные местоименные словосочетания с именем существительным
ибораҳои шумораи аслӣ бо сифат	primary numeral phrases with adjective	простые числительные словосочетания с

		прилагательным
ибораҳои ҷонишини шахсӣ бо сифатӣ феълӣ	personal pronoun phrases with participle I	личные местоименные словосочетания с причастием
ибораҳои ҷонишини манфӣ бо ҷонишини шахсӣ	negative pronoun phrases with personal pronoun	отрицательные местоименные словосочетания с личным местоимением
ибораҳои ҷонишини таъинӣ бо ҷонишинҳои шахсӣ	defining pronoun phrases with personal pronouns	возвратные местоименные словосочетания с личными местоимениями
ибораҳои ҷонишини номуайянӣ бо ҷонишинҳои шахсӣ	indefinite pronoun phrases with personal pronouns	неопределённые местоименные словосочетания с личными местоимениями

Таблица № 6 Термины-словосочетания, относящиеся к «ибора – phrase (словосочетание)» сопоставляемых языках

Тоҷикӣ	англисӣ	Русӣ
co-ordinate phrases	ибораҳои пайвасткунанда	сочинительные словосочетания
subordinate phrases	ибораҳои тобеъкунанда	подчинительные словосочетания
simple phrase	ибораи сода	простое словосочетание
compound phrase	ибораи мураккаб	сложное словосочетание
predicative phrases	ибораҳои предикативӣ	предикативные словосочетания
verb phrases	ибораҳои феълӣ	глагольные словосочетания

adjective phrases	ибораҳои сифатӣ	адъективные словосочетания
noun phrases	ибораҳои исмӣ	субстантивные /именные словосочетания
adverb phrases	ибораҳои зарфӣ	адвербиальные словосочетания
noun phrases with postposed adjunct	ибораҳои исмӣ пас аз калимаи муайянкунанда	субстантивные словосочетания с адъюнктом в постпозиции
noun phrases with preposed adjunct	ибораҳои исмӣ пеш аз калимаи муайянкунанда	субстантивные словосочетания с адъюнктом в препозиции
verb phrases with expanded	ибораҳои феъли тафсилӣ	глагольные поликомпонентные словосочетания
verb phrases with two expanded	ибораҳои феълии дучузъа	глагольные двухкомпонентные словосочетания
verbal phrases with object	ибораҳои феълии пуркунанда	глагольные словосочетания с дополнением
phrase with expanded adjunct	ибораи бо муайянкунандаи тафсилӣ	словосочетания с распространенным адъюнктом
phrase with expanded head	ибора бо асоси тафсилӣ	словосочетания с распространённым ядром
phrase with expanded head and adjunct	ибораи бо асоси ва адъюнкти тафсилӣ	словосочетания с распространённым ядром и адъюнктом

**Таблица № 7. Термины, относящиеся к «матн – text (матн) в
сравниваемых языках**

Тоҷикӣ	Англисӣ	Русӣ
матн	text	текст
нутқ	speech	речь
намуди нутқ	type of speech	тип речи
намуди матн	type of text	тип текста
матни алоқамандбуда	related text	связный текст
асари нутқӣ	speech work	речевое произведение
дискурс	discourse	дискурс
барқасд	intentionality	преднамеренность
қобили қабул	acceptability	приемлемость
хабарнокӣ	informativity	информативность
вазъиятнокӣ	situationality	ситуативность
байниматнӣ	intertextuality	интертекстуальность
тазод	opposition	противопоставление
истисно	exclusion	(исключение)
фикри баёншуда, гуфта	utterance	высказывание
чузъ	component	компонент
мавзӯ	theme	тема
диктум	dictum	диктум
ҷанба	aspect	aspect
тасвир	description	дескрипция
нақл	narration	наррация

дебоча	exposition	экспозиция
далел	argumentation	аргументация
дастур	-instruction	инструкция
сарсатр	paragraph	абзац
воҳиди аз ибора калон	supra-phrasal unity	сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое
воҳиди матн	text unit	единица текста, текстовая единица

Таблица №8. Термины, относящихся к «чумлаҳои сода – simple sentence (простое предложение) в исследуемых языках

Тоҷикӣ	Англисӣ	Русӣ
чумлаи сода	simple sentence	простое предложение
чумлаи мураккаб	compound sentence	сложное предложение
чумлаи якхабара	monopredicative sentence	монопредикативное предложение
чумлаи мураккаб, мураккаби тобеъ	complex sentence	сложное, сложноподчиненное предложение
чумлаи мураккаби пайваст	compound sentence	сложносочиненное предложение
чумлаи дорои алоқаи пайваст ва тобеъ	compound-complex sentence	предложение с сочинением и подчинением
чумлаи дутаркиба	two-member sentence	двусоставное предложение, двучленное предложение

чумлаи дутаркибаи нопулла	double-nucleus sentence	двухъядерное предложение
чумлаи яктаркибаи унвонӣ/номӣ	nominal one-member sentence	именное одночленное предложение
чумлаи ҳикоягӣ	declarative sentence	повествовательное предложение
чумлаи тасдиқӣ	affirmative sentence	утвердительное предложение
чумлаи инкорӣ	negative sentence	отрицательное предложение
declarative	ҳикоягӣ	повествовательный
бешахс	impersonal	безличный
тафсилӣ	extended	распространённый
саволӣ	interrogative	вопросительный
амрӣ	imperative	повелительный
инкорӣ	negative	отрицательный
хитобӣ	exclamatory	восклицательный
махсус	special	специальный
ҷудоӣ	disjunctive	разделительный
хитобӣ	exclamatory	восклицательный
хуллас	unextended	нераспространённый
тафсилӣ	extended	распространённый

Таблица № 9. Терминосочетание, относящихся к «аъзоҳои ҷумла – clause elements (члены предложения) в сопоставляемых языках

Тоҷикӣ	Англисӣ	Русӣ
аъзоҳои ҷумла	clause elements	члены предложения
сараъзоҳои ҷумла	principal elements или parts of the sentence	главные члены предложения
аъзоҳои пайрави ҷумла	secondary elements/parts of the sentence	второстепенные члены предложения
пуркунанда	complement	дополнение
муайянкунанда	attribute	определение
ҳол	adverbial	обстоятельство
мубтадо	subject	субъект
хабар	verb или predicate	сказуемое, предикат
аъзоҳои ҷумла	clause elements	члены предложения
фeyл	verb	глагол
хабари сода	simple predicate	простое сказуемое
хабари мураккаб	compound predicate	составное сказуемое
бандаки фeyлӣ	link verb	глагол-связка
номии хабари таркибӣ	predicative	именная часть составного сказуемого
хабари мавҷуда	existential predicate	экзистенциальный предикат
хабари ҳолат	statal predicate	статальный предикат
хабари макон	local predicate	локальный предикат
хабари нисбӣ	relational predicate	реляционный предикат
хабари амал	actional predicate	акциональный предикат

хабари чараён	processual predicate	процессное сказуемое
хабари таъинӣ	identifying predicate	идентифицирующий предикат
хабари таснифӣ	classifying predicate	классифицирующий предикат
хабари тасниф	characterizing predicate	характеризующий предикат
хабари сифат	qualificative predicate	квалификативный предикат
пуркунандаи бевосита	direct object	прямой, непосредственный, первичный объект
пуркунандаи бавосита	indirect object	вторичный, непрямой объект, косвенный, опосредствованный

Таблица № 10. Терминсочетаний, относящиеся к «чумлаҳои мураккаб – multiple sentences (сложное предложение) в рассматриваемых языках

Тоҷикӣ	Англисӣ	Русӣ
чумлаи мураккаб	multiple sentence	сложное предложение
ҳоли миқдору дараҷа	adverbial modifier of quantity and degree	обстоятельство количества и степени
аззоҳои пайрави чумла	secondary parts of the sentence	второстепенные члены предложения
чумлаи пайрави хабар	predicative clauses	придаточное предложение сказуемое
чумлаи пайрави мубтадо	subject clauses	придаточное предложение подлежащее
чумлаи пайрави миқдору дараҷа	subordinate clause of quantity and degree	придаточное предложение

		количества и степени
ҳоли сода	simple adverbial	простое обстоятельство
ҳоли мураккаб	complex adverbial	сложное обстоятельство
чумлаи пайрави ҳол	clausal adverbial	обстоятельство придаточное предложение
ҳоли замон	adverbial of time	обстоятельство времени
ҳоли макон	adverbial of place	обстоятельство места
ҳоли сабаб	adverbial of cause	обстоятельство причины
ҳоли тарзу амал	adverbial of manner	обстоятельство образа действия
ҳоли шарт	adverbial of condition	обстоятельство условия
ҳоли хилоф	adverbial modifier of contradiction	обстоятельство противоречия